

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Основан в январе 2016 г.

№ 3 (3) / 2016

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ,
ОБЩЕСТВЕННЫЕ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВОЛОГДА
2016

№ 3 (3) / 2016 / НОЯБРЬ. Выходит не менее двух раз в год.

Научный журнал «Вестник ВоГУ» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2016 г.

Полносетевые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Направления: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей:

07.00.00 Исторические науки	10.01.00 Литературоведение
09.00.00 Философские науки	10.02.00 Языкознание
13.00.00 Педагогические науки	

Учредитель: ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

Главный редактор

Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ

Заместитель главного редактора

Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ

Ответственный редактор

Н.Н. Постникова, кандидат филологических наук, редактор редакционно-издательского отдела ВоГУ

Ответственный секретарь

А.И. Ланькова, редактор редакционно-издательского отдела ВоГУ

Редакционная коллегия:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

К. Вашик, доктор наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ, директор Института иностранных языков земли Северный Рейн-Вестфалия при Рурском университете г. Бохума (Германия), почётный доктор ВоГУ,

Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

Ф.И. Кевля, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ,

С.М. Кибардина, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ,

В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и социально-экономических дисциплин, декан исторического факультета ВоГУ

Переводчик

Ю.Н. Драчёва, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ

Редактор – О.М. Ванчугова

Оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Адрес редакции: 160000, г. Вологда, ул. С. Орлова, д. 6; тел.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55

<http://www.vestnik.vogu35.ru>; e-mail: vestnik@mh.vstu.edu.ru

Содержание

Ильина Е.Н. НОВАЯ СЕРИЯ «ВЕСТНИКА ВоГУ»: ПУБЛИКАЦИИ 2016 ГОДА КАК ПОВОД ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ 5

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Безнин М.А., Димони Т.М. К ВОПРОСУ О ГОСКАПИТАЛИЗМЕ В СССР 1930–1980-х гг. (НЕКОТОРЫЕ ТЕЗИСЫ НОВОГО ПОДХОДА) 8

Карпов С.Г. СОТРУДНИКИ ВОЛОГОДСКОЙ МИЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ПАРАДИГМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ 14

Соколова Т.Л. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ПАРТИИ НА РУБЕЖЕ 1980–1990-х гг. НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ 17

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Баксанский О.Е. МЕГАНАУКА: МЕТОДОЛОГИЯ КОНВЕРГЕНЦИИ 20

Ястреб Н.А. СЕТЕВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 25

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бабичева Ю.В. ТАНТАЛОВЫ МУКИ. М. БУЛГАКОВ – КИНОДРАМАТУРГ 31

Баранов С.Ю. СЮЖЕТНАЯ СИТУАЦИЯ «ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА С ФРОНТА» И ВАРИАНТЫ ЕЕ РАЗРАБОТКИ (А. ПЛАТОНОВ, Э. КАЗАКЕВИЧ, В. БЕЛОВ). Статья первая 42

Егорова Л.В. ВРЕМЯ В «МАКБЕТЕ» 51

Красильников Р.Л. ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 56

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ганичева С.А. ОПЫТ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА УРОЖЕНЦА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ 61

Литвинникова О.И. СЛОВА С СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ 65

Чуглов В.И. ВОПРОСИТЕЛЬНО-ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ И СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОДНОЙ ИЗ РАННИХ ПУБЛИКАЦИЙ Б.Н. ГОЛОВИНА 68

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Голубев О.Б., Морозова И.В. АНАЛИЗ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАНИЙ В СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ РАЗДЕЛАХ ЕГЭ ПО ИНФОРМАТИКЕ И ИКТ 73

Кириллова Е.А. СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНТРОЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ОСНОВ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ 76

Рязанцева Т.И. К ВОПРОСУ О СООТВЕТСТВИИ СИСТЕМЫ ТЕСТИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИМ АНАЛОГАМ 78

Тестов В.А. НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ПЕДАГОГИКЕ 86

Шутикова М.Н. МОДУЛЬНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ «1С: ПРЕДПРИЯТИЕ» 91

Якимов В.Г. ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА ШКОЛЬНИКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 94

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Зимин П.А. СТУДЕНЧЕСКОЕ БРАТСТВО: КАК НАЧИНАЛСЯ ГЕОФАК (1946–1950 гг.) (публикация Е.А. Скупиной) 99

НАУЧНЫЕ ОТЧЕТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Баранов С.Ю., Безнин М.А., Долгушина М.Г., Камкин А.В., Максутова Н.К., Парадовская Г.П., Саблин В.А., Судаков Г.В. ИТОГИ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ФОРУМА «ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ – ДУША РУССКОГО СЕВЕРА» 113

Егорова Л.В. ОБ УЧАСТИИ КАФЕДРЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ВоГУ В МЕЖДУНАРОДНОМ СЕМИНАРЕ «СОВРЕМЕННАЯ БРИТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ» 118

Саблин В.А., Черкасова М.С. ОБ ИТОГАХ ЮБИЛЕЙНОЙ XXXV СЕССИИ СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 122

Кибардина С.М., Сдобников В.В. ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРЕВОД И КУЛЬТУРА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ» 124

Никитин О.В. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЯЦКЕВИЧ Л.Г. ОЧЕРКИ МОРФОЛОГИИ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ: МОНОГРАФИЯ. ВОЛОГДА: ВГПУ, 2013. 244 с. 125

Колесова И.Е. КАК ПОДГОТОВИТЬ ДИССЕРТАЦИЮ ПО РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ ПРИ ОТСУТСТВИИ БЮДЖЕТНЫХ МЕСТ В АСПИРАНТУРЕ? 126

Сведения об авторах 128

Contents

<i>Ilyina E.N. THE NEW SERIES OF ‘VOLOGDA STATE UNIVERSITY BULLETIN’: PUBLICATIONS IN 2016 AS AN OCCASION FOR THINKING ABOUT THE FUTURE</i>	5
HISTORY	
<i>Beznin M.A., Dimoni T.M. ON THE PROBLEM OF STATE CAPITALISM IN THE USSR (1930–1980) – THESES OF A NEW APPROACH</i>	8
<i>Karpov S.G. EMPLOYEES OF THE VOLOGDA MILITIA DURING THE REPLACEMENT OF THE PARADIGM OF SOCIAL DEVELOPMENT</i>	14
<i>Sokolova T.L. POLITICAL ASSOCIATIONS AND PARTIES AT THE TURN OF 1980–1990s ON THE PAGES OF REGIONAL NEWSPAPERS</i>	17
PHILOSOPHY	
<i>Baksanskii O.E. MEGASCIENCE: METHODOLOGY OF CONVERGENCE</i>	20
<i>Yastreb N.A. SOCIAL NETWORK TECHNOLOGY: THE EPISTEMOLOGICAL DIMENSION</i>	25
LITERARY STUDIES	
<i>Babicheva Yu.V. THE TORMENT OF TANTALUS: M. BULGAKOV AS A SCREENWRITER</i>	31
<i>Baranov S.Yu. THE PLOT SITUATION OF <i>A SOLDIER’S RETURNING AFTER THE WAR</i> AND ITS VARIANTS (A. Platonov, E. Kazakevich, V. Belov). Article 1</i>	42
<i>Yegorova L.V. TIME IN <i>MACBETH</i></i>	51
<i>Krasilnikov R.L. ON AETHETIC CATEGORIES IN LITERARY FICTION ANALYSIS</i>	56
LINGUISTICS	
<i>Ganicheva S.A. EXPERIENCE OF SPEECH PORTRAIT OF THE VOLOGDA REGION NATIVE</i>	61
<i>Litvinnikova O.I. WORDS WITH SUBJECTIVE EVALUATION MEANING IN A PROSAIC TEXT</i>	65
<i>Chuglov V.I. INTERROGATIVE-RELATIVE PRONOUNS AND COMPLEX SENTENCES IN ONE OF THE EARLY PUBLICATIONS OF B.N. GOLOVIN</i>	68
PEDAGOGY	
<i>Golubev O.B., Morozova I.V. ANALYSIS OF PERFORMING THE TASKS OF THE CREATIVE PART OF UNIFIED STATE EXAM IN COMPUTER SCIENCE AND ICT</i>	73
<i>Kirilova E.A. SPECIFIC ASPECTS OF USING CONTROL AND EVALUATION TOOLS IN TEACHING FUNDAMENTALS OF RELIGIOUS CULTURE AND SECULAR ETHICS</i>	76
<i>Ryazantseva T.I. ON THE CORRELATION BETWEEN BUSINESS RUSSIAN LANGUAGE TESTING SYSTEM AND ITS EUROPEAN ANALOGUES</i>	78
<i>Testov V.A. NEW METHODOLOGICAL APPROACHES IN PEDAGOGICS</i>	86
<i>Shutikova M.I. MODULE APPROACH IN TEACHING BASED ON ‘1C: ENTERPRISE’ SYSTEM</i>	91
<i>Yakimov V.G. PROBLEM OF PROFESSIONAL CHOICE OF A SCHOOL STUDENT IN MODERN CONDITIONS</i>	94
ACADEMIC LIFE OF THE UNIVERSITY	
<i>Zimin P.A. STUDENT BROTHERHOOD: THE ORIGINS OF THE FACULTY OF GEOGRAPHY (1946–1950) (publication by E.A. Skupinova)</i>	99
SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS	
<i>Baranov S.Yu., Beznin M.A., Dolgushina M.G., Kamkin A.V., Maksutova N.K., Paradovskaya G.P., Sablin V.A., Sudakov G.V. THE RESULTS OF ‘THE VOLOGDA REGION IS A SOUL OF THE RUSSIAN NORTH’ SCIENTIFIC AND PRACTICAL FORUM</i>	113
<i>Yegorova L.V. ON THE PARTICIPATION OF THE ENGLISH LANGUAGE CHAIR OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY IN ‘MODERN BRITISH LITERATURE IN RUSSIAN UNIVERSITIES’ INTERNATIONAL SEMINAR</i>	118
<i>Sablin V.A., Cherkasova M.S. THE RESULTS OF XXXV ANNIVERSARY SESSION OF THE SYMPOSIUM ON AGRICULTURAL HISTORY OF EASTERN EUROPE</i>	122
<i>Kibardina S.M., Sdobnikov V.V. THE 2ND INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE ‘TRANSLATION AND CULTURE: INTERACTION AND INTERFERENCE’</i>	124
<i>Nikinin O.V. BOOK REVIEW: YATSKEVICH L.G. <i>THE STUDIES OF MORPHOLOGY OF VOLOGDA DIALECTS: A MONOGRAPH</i>. VOLOGDA: VOLOGDA STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY, 2013. 244 PP.</i>	125
<i>Kolesova I.E. HOW TO WRITE A DISSERTATION ON RUSSIAN PHILOLOGY IN DEFAULT OF GOVERNMENT SUPPORTED PLACES FOR POSTGRADUATE EDUCATION?</i>	126
<i>Information about the authors</i>	128

E.N. Ильина

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка,
журналистики и теории коммуникации ВоГУ

НОВАЯ СЕРИЯ «ВЕСТНИКА ВоГУ»: ПУБЛИКАЦИИ 2016 ГОДА КАК ПОВОД ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ

Развитие научной периодической печати Вологодского государственного университета в уходящем году ознаменовалось появлением среди вузовских изданий специальной серии рецензируемого научного журнала «Вестник Вологодского государственного университета», публикующей результаты исследований в области гуманитарных, общественных и педагогических наук. Подготовка и издание в 2016 году трех выпусков данной серии были поддержаны ректором университета – доктором технических наук, профессором *Л.И. Соколовым*. Самое деятельное участие в создании журнала приняли проректор по научной работе и инновационному развитию, кандидат технических наук, доцент *А.А. Синицын* и заместитель директора по научной работе Педагогического института ВоГУ, доктор исторических наук, профессор *М.А. Безнин*.

Создание новой серии университетского «Вестника» происходило преимущественно индуктивным путем, как это бывает достаточно часто в сфере вузовской периодической печати. Готовился к публикации очередной номер – и одновременно с этим корректировался состав рубрик издания, формировались внутриредакционные взаимодействия, складывались деловые отношения с различными подразделениями университета, прямо или косвенно задействованными в создании журнала и обеспечивающими продвижение его материалов к читателю. Значительную помощь редколлегии оказали начальник научного отдела Управления науки и инноваций ВоГУ, кандидат филологических наук *И.Е. Колесова*, начальники отдела интеллектуальной собственности и научно-технической информации – кандидат технических наук, доцент *А.Д. Шаратинов* и *Е.Н. Заварина*, начальник редакционно-издательского отдела ВоГУ *Н.В. Сажина*, а также начальник управления информатизации ВоГУ *О.Ю. Никифоров*.

Состав групп научных специальностей серии «Вестника Вологодского государственного университета» определился в результате обращения к научной общественности университета с просьбой включиться в процесс подготовки журнала. В нем преимущественно представлены те специальности, по которым на базе ВоГУ открыты (или находятся в процессе регистрации) диссертационные советы. Вместе с тем была поддержана инициатива кафедры философии гуманитарного факультета ВоГУ, вследствие чего в журнале системно представляются результаты науч-

ных исследований в области философских наук. Следует напомнить, что в соответствии с рекомендациями Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки Российской Федерации содержание данной серии журнала регламентируется заявлением перечнем групп специальностей: 07.00.00 – *Исторические науки*; 09.00.00 – *Философские науки*; 10.01.00 – *Литературоведение*; 10.02.00 – *Языкоизнание*; 13.00.00 – *Педагогические науки*. Анализ научного контента журнала за 2016 год показывает, что и в рамках заявленных групп специальностей имеют место исследовательские «лакуны», которые могли бы заполнить публикации специалистов нашего вуза. Так, в историческом разделе пока отсутствуют публикации по археологии, этнологии и этнографии, истории науки и техники. Педагогический раздел могли бы пополнить статьи по вопросам теории и методики физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры; а также публикации по теории, методике и организации социально-культурной деятельности. В филологических разделах могли бы публиковаться работы по фольклористике и журналистике, а также могла бы увеличиться доля исследований, выполненных на материале иностранных языков.

В течение первого года издания журнала проявились некоторые особенности каждой из заявленных в нем тематических рубрик. Можно считать, что своеобразие каждой из них определило сочетание нескольких факторов: и состав авторов, и качество работы научных редакторов раздела, и результат работы научных рецензентов, и следствие внимательного отношения к материалу со стороны технических редакторов.

Раздел «*Исторические науки*» (научные редакторы – проф. *В.А. Саблин*, доц. *Л.В. Изюмова*) представлен в 2016 году публикациями по отечественной истории XX века (проф. *М.А. Безнин*, проф. *Т.М. Димони*, проф. *В.А. Саблин*, доц. *С.Г. Карпов*), по истории Германии (доц. *И.Д. Попов*) и США (доц. *О.А. Киселёва*), а также обращениями к персоналиям европейского протестантизма (асп. *А.В. Савина*) и к истории российской печати (доц. *Т.Л. Соколова*). Работы этого раздела имеют значительный по объему сопроводительный материал, обеспечивающий отсылку читателя к рукописным и опубликованным источникам на разных европейских языках. Отдельную проблему составил поиск максимально удобного спо-

соба размещения этих материалов в пределах статьи. Вероятно, в следующих выпусках журнала мы сможем решить эту проблему при условии максимального внимательного отношения к ней как со стороны авторов и рецензентов статей, так и со стороны редакторского коллектива. Вероятно, в этом разделе появятся статьи ученых других исследовательских центров – активная научно-исследовательская деятельность университета в области исторических наук вселяет известную уверенность.

В разделе «**Философские науки**» (научный редактор – доц. Н.А. Ястреб), напротив, примерно в одинаковом объеме представлены публикации преподавателей ВоГУ (проф. Г.Н. Оботурова, И.Н. Тягин, доц. Н.А. Ястреб, доц. А.В. Оботуров, асп. О.Ю. Никифоров) и других российских ученых из Москвы (проф. О.Е. Баксанский), Самары (проф. А.Ю. Нестеров), Пятигорска (доц. П.Н. Барышников, асп. С.А. Заварзина), Череповца (доц. С.С. Касаткина). Многоаспектность философского знания и стремление к научно-методологическому осмыслиению образовательных процессов определили также то, что некоторые материалы, присланные в этот раздел, научные редакторы и рецензенты по согласованию с авторами переместили в раздел «**Педагогические науки**» (статья доц. Н.В. Дрянных, а также совместная статья проф. О.Е. Баксанского, доц. М.Г. Голубчиковой и Е.В. Филипповой).

Еще большая разноаспектность проблематики отличает тематический раздел «**Педагогические науки**» (научный редактор – проф. Ф.И. Кевля). Это вполне закономерно, так как эта группа научных специальностей объединяет как методологические исследования (проф. В.А. Тестов), так и работы более частного характера, эксплицирующие проблемы теории и методики обучения и воспитания (проф. Л.А. Коробейникова, проф. Ф.И. Кевля, проф. М.Н. Шутикова, доц. О.Б. Голубев, доц. Н.В. Дрянных, канд. пед. наук Е.А. Кирилова, канд. пед. наук И.В. Морозова, канд. пед. наук В.Г. Якимов). В публикациях этого раздела неоднократно обсуждались феномены образовательного процесса новейшего времени – федеральные государственные стандарты (ФГОС) (проф. О.Е. Баксанский, доц. М.Г. Голубчикова, Е.В. Филиппова; доц. О.А. Золотова), различные формы итоговых испытаний школьников (доц. Г.Ю. Козлова, доц. Т.Л. Шишигина), внедрение компетентностного подхода (доц. Н.Б. Розова, доц. Е.Б. Якимова). Обращает на себя внимание присутствие на страницах журнала нескольких публикаций иностранных ученых по вопросам преподавания русского языка как иностранного (доц. Е.С. Малеева, доц. Т.И. Рязанцева (Австрия), канд. филол. наук Э. Шарфави (Словакия)). Сотрудничество с зарубежными русистами в следующих выпусках журнала может быть продолжено, а в обсуждение комплекса проблем РКИ смогут включиться и специалисты нашего университета.

Проблематика раздела «**Языкоизнание**» (научные редакторы – проф. Е.Н. Ильина, проф. С.М. Кибардина) была представлена статьями по лексикологии (проф. Р.И. Мальцева, доц. О.А. Бурсина, доц. Н.С. Дьякова, доц. А.С. Румянцева), грамматике (проф. В.И. Чуглов, проф. Е.В. Огольцева), истории языка (проф. О.В. Никитин, доц. Е.Н. Иванова), теории коммуникации

(проф. В.А. Бурцев, проф. А.Л. Факторович), диалектологии (проф. О.И. Литвинникова, проф. Л.Г. Яцкевич, канд. филол. наук С.А. Ганичева), лингвокультурологии (доктор Т. Руслан). Обращает на себя внимание широкий круг авторов этого раздела, в том числе и иностранных ученых. Хочется надеяться, что в следующем году позиции лингвистического раздела будут не менее надежными, чему могло бы способствовать более активное включение в деятельность журнала специалистов в области иностранных языков – как в качестве авторов, так и в качестве научных рецензентов публикаций журнала.

Раздел «**Литературоведение**» (научные редакторы – проф. Л.В. Егорова, доц. С.Ю. Баранов) в выпусках 2016 года преимущественно представлен исследованиями в области теории литературы (проф. Р.Л. Красильников), истории русской литературы XIX и XX веков (проф. Ю.В. Бабичева, проф. Ю.В. Розанов, доц. С.Ю. Баранов, асп. А.Н. Ларионова), а также литературы Великобритании (проф. Л.В. Егорова) и Германии (доц. Н.Л. Фишер). Нетрудно выявить «любимых писателей» в этом разделе: судя по частоте упоминания, это У. Шекспир (в публикациях проф. Л.В. Егоровой) и А.М. Ремизов (в статьях проф. Ю.В. Розанова). Особое место в журнале занимает ранее не публиковавшаяся статья проф. Ю.В. Бабичевой – одного из крупнейших российских литературоведов, первого председателя диссертационного совета по филологическим наукам, открытого в середине 90-х годов XX века в Вологодском государственном педагогическом университете. Статья была подготовлена к печати ее ученицей, проф. Л.В. Егоровой. Подобного рода сотрудничество – знаковое явление для журнала: испытывая потребность в осмыслиении событий истории своего вуза, обращаясь к опыту своих учителей, мы стараемся связать воедино разные эпохи существования университета, подчеркивая во всем проходящем главное – преемственность поколений, научный и творческий союз единомышленников.

Не случайно поэтому в журнале появилась рубрика «**Научная жизнь университета**» (научный редактор – канд. филол. наук Н.Н. Постникова). Во втором выпуске «Вестника» в этой рубрике представлен очерк публикационной серии «Старинные города Вологодской области» (проф. М.А. Безнин, проф. В.А. Саблин, проф. Г.В. Судаков, доц. Е.А. Скупинова, Л.С. Панов, Е.Ю. Баконов). Эта серия существует уже более двадцати пяти лет и во многом определяет научно-исследовательскую индивидуальность региона. А в третий выпуск вошла подготовленная доц. Е.А. Скупиновой публикация материалов ветерана университета П.А. Зимина, посвященная истории становления естественно-географического факультета. На 2017 год планируется продолжение этой рубрики материалами, характеризующими научно-образовательное пространство нашего вуза.

Раздел «**Научные отчеты, отзывы и рецензии**» (научный редактор – канд. филол. наук Н.Н. Постникова) в 2016 году также приобрел свое собственное «лицо». В этот раздел вошли описания многих значимых событий научной жизни региона, в частности проведение в нем Всероссийского форума «Вологодская область – душа Русского Севера», всероссийских

научных конференций по отечественной истории, зарубежной литературе, теории и практике перевода. Читатели журнала имели возможность ознакомиться с результатами работ преподавателей ВоГУ, финансируемых в 2015 и 2016 годах по грантам Президента Российской Федерации и Российского гуманитарного научного фонда. На страницах «Вестника» публиковались рецензии на монографии наших коллег: проф. *Ф.И. Кевля* (доц. *Е.В. Киселёва*), проф. *Р.Л. Красильникова* (проф. *Л.В. Егорова*), проф. *Л.Г. Яцкевич* (проф. *О.В. Никитин*), доц. *Л.Ю. Зориной* (проф. *А.Г. Балакай*). Завершая этот раздел, в каждом выпуске журнала мы помещали публикацию, отчасти реализующую рекламную функцию. Цель этих публикаций – привлечь внимание читателей к различным составляющим системы университета, подчеркнуть их значимость и ценность в условиях современного научно-образовательного процесса. Принимая во внимание проблемы качества устной и письменной речи в стенах университета, первую из этих публикаций мы посвятили презентации действующей в вузе «Службы русского языка» (доц. *Л.А. Берсенёва*). А далее в публикациях подобного рода на фоне осмыслиения научно-образовательного потенциала различных форм вузовского и послевузовского образования была представлена информация о магистратуре филологического факультета ВоГУ (доц. *Л.А. Берсенёва*) и о возможностях оформления в ВоГУ докторанттуры и соискательства (канд. филол. наук *И.Е. Колесова*). В 2017 году хотелось бы надеяться на появление публикаций, представляющих различного рода явления не только в области филологических наук, но и в области других научных специальностей, заявленных в журнале.

Первый год существования журнала показал, что научные редакторы большинства разделов заинтересованы в его публикации и готовы к слаженной коллективной работе. Благожелательное отношение к авторам и деликатность в обращении с материалами журнала проявили его технические редакторы – *О.М. Ванчугова* и *С.В. Кудрявцев*. Многие сложные вопросы становления новой серии «Вестника» удалось решить благодаря усилиям заместителя главного редактора (доц. *Н.А. Ястреб*), ответственного редактора (канд. филол. наук *Н.Н. Постникова*) и ответственного секретаря (*А.И. Ланькова*). Вместе с тем в следующем году журналу предстоит решать еще более сложные задачи: по утвержденному в 2015 году плану его развития выпуски 2017 и 2018 годов планируется представить на экспертизу Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России с целью включения нашего издания в рекомендованный список рецензируемых научных журналов, публикующих результаты исследований соискателей ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Из заявленной цели следует необходимость уже сейчас задуматься над решением как минимум трех проблем.

Во-первых, нужно будет обеспечить высокое качество редакционной работы с поступающими в журнал материалами, упрочить позиции научного рецензирования и редактирования статей, неукоснительно соблюдать нормы издательской этики. Это потребует от научных и технических редакторов «Вестника» не столько научного энтузиазма, сколько высокого профессионализма. Вместе с тем надеемся, что в 2017 году наши авторы будут более строги к себе при оформлении своих текстов, особенно справочно-биографических материалов и аннотаций к статьям.

Во-вторых, следует привести в соответствие с требованиями ВАК макро- и микроструктуру выпусков журнала, в том числе обратить особое внимание на представление в нем информации на английском языке, а также на то, как «Вестник Вологодского государственного университета» будет представлен в электронном формате. В связи с этим журналу потребуются услуги постоянного переводчика (надеемся, что в 2017 году эту работу сможет продолжить канд. филол. наук *Ю.Н. Драчёва*) и специалиста, занимающегося разработкой и обслуживанием сайтов.

В-третьих, хотелось бы максимально упорядочить организационно-финансовое сопровождение подготовки выпусков «Вестника». Эту задачу можно решить исключительно в процессе взаимодействия редколлегии журнала со многими подразделениями университета, в том числе и с теми, чьи интересы далеки от научно-исследовательской деятельности. Не надо думать, что издание гуманитарно-общественно-педагогической серии «Вестника Вологодского государственного университета» интересно лишь узкому кругу специалистов, а хлопоты вокруг создания и продвижения журнала отвлекают занятых людей от куда более важных дел. Существование рецензируемого научного журнала в нашем университете поднимает его общественный престиж, обеспечивает научную социализацию преподавателей и сотрудников, дает возможность воспринимать самих себя не как «учреждение», каких много, а как союз единомышленников, заинтересованных в развитии научного потенциала вуза.

Поздравляя авторов, редакционный коллектив и читателей «Вестника Вологодского государственного университета» с наступающим 2017 годом, хочу пожелать всем реализации новых творческих планов и надеяться на продолжение нашей совместной работы как в области совершенствования серии «Гуманитарные, общественные и педагогические науки», так и в сфере развития других, не менее важных направлений научной периодической печати университета.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47).08

М.А. Безнин, Т.М. Димони
Вологодский государственный университет

К ВОПРОСУ О ГОСКАПИТАЛИЗМЕ В СССР 1930–1980-х гг. (некоторые тезисы нового подхода)

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проект 14-01-00341-а
«Социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и
их интерпретация в уровнях общественного сознания»*

В статье рассмотрен ряд моментов, связанных с проблемами социально-экономического развития СССР в 1930–1980-х гг. По мнению авторов статьи, данный строй определялся как государственный капитализм. В статье показана широкая полемика, идущая в обществознании по проблемам определения характера социально-экономического устройства СССР, приведены статистические данные, подтверждающие позиции авторов статьи. В частности, на основании материалов балансов народного хозяйства СССР авторы показывают картину нарастания доли прошлого труда (капитала) в себестоимости продукции и снижения доли живого труда. Кроме того, приведены аргументы становления этапов государственного капитализма в СССР 1930–1980-х гг.

Россия, социально-экономический строй, государственный капитализм.

1. В советской и российской историографии сложились две основные линии характеристики социально-экономического строя СССР. Первая связана с самооценкой его как «социализма». Она восходит к сформулированным во второй половине 1930-х годов постулатам, заложенным И.В. Сталиным, развитым «Конституцией СССР» 1936 г. и «Кратким курсом истории ВКП(б)». Согласно осевым линиям характеристики социально-экономического устройства советского социализма государство было социалистическим, собственность – общеноародной, классовая структура – двухклассовой (при наличии интеллигентской прослойки).

Вторая линия в характеристике социально-экономического устройства СССР сформировалась в годы перестройки и последующий период. Она не отрицала наличия социализма в СССР, но обращала внимание на «негативные моменты» его развития: командно-административный характер экономики (термин введен Г.Х. Поповым), централизацию власти и собственности, элементы насилия в экономической жизни (особенно ярко это описывалось в отношении коллективизации села) и др. В плане социально-классового устройства СССР давались еще более размытые характеристики. Пожалуй, наиболее выпукло ставилась проблема существования высшего класса – по терминологии тех лет «номенклатуры» или «партиократии». Таким образом, данная линия в целом отличалась довольно размытыми характеристиками социально-экономического устройства СССР.

Историографические характеристики социально-экономического строя СССР, дававшиеся советологами (в основном западноевропейскими и американ-

скими), сосредотачивались главным образом на критике эффективности советской экономики. В частности, С. Кузнец, А. Гершенрон и др. писали о несоответствии централизованного планирования потребностям современного экономического роста. Н. Ясный, А. Бергсон, А. Даллес и др. оспаривали темпы советского экономического роста, считая их более низкими, чем определяла советская статистика. Особенно большой критике подвергалась система управления советской экономикой. В качестве командно-бюрократической ее рассматривали такие советологи как Г. Гроссман, Р. Кумпбелл, Р. Гринслейд и др. Важнейшими компонентами управления экономикой П. Грегори и Р. Стюарт считали партийный диктат в планировании. Критика по этому поводу высказывалась также А. Ноувом и Я. Корнаи. Нередко советологи описывали функционирование «бюрократической номенклатуры», политическую борьбу в высших эшелонах власти или очаги сопротивления в разных слоях общества.

Суммированный подход к основным историографическим взглядам состоит в том, что все оценки сводятся к идентификации социально-экономического устройства как «социализма», придавая его характеристикам положительные или критические оттенки.

2. Еще один крупный историографический подход связан с идеей существования в СССР государственного капитализма. Идеи о роли государственного капитализма в истории нашей страны впервые концептуально сформулировал В.И. Ленин. С 1918 г. он постоянно говорил о неизбежности капитализма в «известной мере» [25, с. 229], о том, что его надо использовать, «особенно направляя в русло государственного капитализма» [25, с. 229]. По сути дела, в ленин-

ском понимании начала 1920-х гг. советское государство – это государственный капитализм в сочетании с диктатурой пролетариата [25, с. 222]. Без государственного капитализма (этого «преддверия» в материальном, экономическом, производственном плане) Ленин не видел пути в социализм [25, с. 213]. До середины 1920-х гг. идея о построении госкапитализма в СССР довольно живо обсуждалась, но с 1925 г. речь о задаче формирования государственно-капиталистического уклада в экономике советской России была прекращена. Однако в мировой общественной мысли 1930–1980-х гг. присутствовало довольно частое мнение, что Советский Союз является страной государственного капитализма. О перерождении (деформации) советской системы в государственный капитализм стали писать с середины 1930-х гг. приверженцы Л. Троцкого и зарубежные авторы (Э. Голдман, Т. Клифф, Й. Шумпетер и др.) [19; 24; 44; 47]. Они вкладывали в этот разговор в основном критические оценки, связывая процесс развития советского госкапитализма с созданием «нового класса государственных капиталистов» и эксплуатацией ими трудящихся СССР. Новая волна доказательств того, что советская экономика была госкапиталистической, связана с разработкой в 1970–1980-е гг. мировистемного подхода И. Валлерстайна и влиятельностью этой теории. В мировистемном подходе И. Валлерстайна, в концепции государственного капитализма А. Каллиникоса, разработках П. Тейлора, Ч. Чейз-Данна, П. Биннса утверждается, что страны государственного социализма были частью мировой экономической системы капитализма [7; 10; 14; 43; 46]. В начале XXI в. и в российской историографии появились рассуждения о государственном капитализме в СССР [34; 39].

3. Существующие на сегодняшний день подходы к характеристике социально-экономического устройства СССР грешат либо неприкрытым конъюнктурностью (это относится, прежде всего, к характеристикам «социализма»), либо непроработанностью (как это происходит с характеристиками государственно-капиталистического устройства СССР). Первая линия поддерживается политически ангажированными учеными, нередко просто зарабатывающими на поддержании социалистического имиджа страны (причем неважно с позиции одобрения или критики). Все предложения формулирования концептуально новых подходов к характеристике социально-экономического устройства СССР остаются, к сожалению, без ответа. Нежелание разрушать привычный догмат проявляется в отрицании важности для науки изучения процессов первоначального накопления капитала в СССР, его функционирования, системы укладов и т.д. В исторической науке России да и за рубежом культивируется описание «трагичности русской истории», «народных страданий», лагерной жизни и т.д. При этом наблюдается уход от обсуждения концептуальных проблем, всегда стоящих во главе исторической науки, – каков был тип советского общества, в чем критерии анализа его устройства, как шел исторический процесс в XX веке и других.

Не меньше зашоренность подходов и в описании социальной истории Советского Союза. Признав существование привилегированного класса (по разной терминологии – номенклатуры, партократии), научное сообщество практически отказалось от изучения

классовой переструктуризации в советский период, оставаясь в предложенной И.В. Сталиным схеме «два класса и прослойка».

4. Научный поиск в рамках формирования новой концепции социально-экономического строя России 1930–1980-х гг. должен быть вестись по ряду направлений. Важно применять классический методологический инструментарий по отношению к советскому периоду истории. Серьезнейшей является задача проектирования терминологии, соответствующей исследовательским задачам. Ключевым вопросом является набор сюжетов, адекватно отвечающих задачам создания новой исследовательской концепции. Уже недостаточно описания количественных характеристик социально-экономического развития, важно поставить проблемы поиска ответа на вопросы о качественных изменениях социально-экономического строя, факторном анализе исторического развития. Историческому сообществу при разработке новой концепции предстоит сформировать адекватный задачам источниковый комплекс, найти методики работы с ним.

5. Период 1930–1980-х гг. занимает ключевое место в процессе капиталистического переустройства СССР. Несмотря на формулу В.И. Ленина о среднем уровне развития капитализма в России (хотя и он признавал «чудовищную отсталость деревни» [26, с. 301]), даже в советской историографии звучали голоса о доминировании частично в промышленности и повсеместно в деревне вплоть до 1917 г. докапиталистических укладов [1; 2; 17; 31]. О том, что в досоветский период капиталистическая эволюция России не была завершена, пишет и подавляющее большинство современных исследователей [15; 20; 48]. Таким образом, революция 1917 г., которую в советское время определяли как буржуазно-демократическую (Февраль) и социалистическую (Октябрь) в итоге решала вопрос о буржуазном и капиталистическом характере устройства страны [16]. Как мы помним, после 1917 г. большевики вели поиск в другом направлении. Идея непосредственного введения коммунизма (она получила в истории наименования «военного коммунизма») показала свою несостоенность, вызвала масштабное противодействие населения страны. Штурмового внедрения социализма не получилось. Практика медленного строительства капиталистических отношений 1920-х гг., проводимая в рамках новой экономической политики, также была неудачна, так как не давала возможности реализации форсированного процесса первоначального накопления, необходимого для индустриальной, капиталистической стадии развития. Можно сказать, что большевистский эксперимент 1917–1928 гг., опробовавший две практики развития страны, оказался неудачен. В повестке дня стояла не декларировавшаяся, но реально присутствовавшая задача радикального капиталистического переустройства социально-экономической системы.

6. Суть процесса капиталистического переустройства в 1930–1980-е гг. состояла в осуществлении главного рывка первоначального накопления капитала, создании условий для крупного капитализированного производства. Сценарий первоначального накопления в нашей стране отличался форсированным характером и жесткостью действий власти. В историографии данный процесс совершенно неправомерно называется колективизацией (повторяя догмы «Краткого курса «Истории ВКП(б)»). Главными со-

ставляющими первоначального накопления было отделение производителей от средств производства в форме экспроприации крестьянских земельных наделов и наиболее ценной части капиталов (особенно скота и крупных орудий производства), создание огромной армии людей, не имевших другой возможности прокормиться, кроме продажи рабочих рук, аккумуляция капиталов для создания крупных капитализированных предприятий. Реализация процесса первоначального накопления капитала 1930-х гг. и более позднего периода сопровождалась особой налоговой политикой, созданием системы повинностей, займами с населения и др. Преобразования, связанные с процессами первоначального накопления капитала в СССР, сопровождались генезисом новой социально-классовой структуры общества. Прежде всего, требовалось создание класса, который будет реализовать права собственности на капитал, а также неизбежных спутников капитализма – управленцев (менеджеров), интеллектуалов (класса собственников интеллектуального капитала), и наконец, рабочих групп – рабочей аристократии, переносившей в новый продукт, прежде всего, прошлый труд, и пролетариата, занятого преимущественно ручным трудом.

7. Формирование новой концепции социально-экономического строя СССР неразрывно связано с необходимостью разработки нового понятийного аппарата. Ракурс старой понятийно-идеологической матрицы невозможно приспособить к изучению круга проблем, выходящих за рамки задач советской исторической науки – количественного подтверждения определенных партийно-государственными документами преимуществ социализма (или критика его отдельных «недостатков»). Адекватный новый терминологический аппарат к тому же должен соответствовать общепринятой в мире научной терминологии, выраженной в классических, применительно к социально-экономической истории, терминах. Ни в одной стране мира, кроме СССР, не шла, например, речь о существовании «основных фондов» народного хозяйства. Классическим термином был термин «капитал». К этому термину, прежде всего, и необходимо вернуться, рассматривая генезис социально-экономической эволюции СССР.

Советская политэкономия, признавая капитал как затраты живого и прошлого труда, воплощенного в средствах производства, считала, что они могут быть «капиталом» только при частной собственности на эти средства и при товарно-денежном характере экономических отношений. Эта традиция сложилась в середине 1930-х гг. В первом издании «Большой советской энциклопедии» указывалось: «фонды народного хозяйства СССР ... принципиально отличаются от основного капитала в капиталистическом хозяйстве», где «средства труда служат средством эксплуатации» [9, с. 100]. На наш взгляд, капитал в СССР сохранил экономическую сущность, то есть был ресурсом, возвращенным в производство и используемым для получения прибыли. Более того, сохранение и при «социализме» сущностных качеств капитала, предопределявших общественные отношения, в конечном итоге привело к формированию из управленцев (представлявших эту государственную собственность) слоя будущих приватизаторов. Подтверждает характер основного производственного ресурса 1930–1980-х гг. как капитала то, что он был «лакомым кус-

ком» и частым объектом незаконного присвоения. Он виделся классам, стремящимся к полному обладанию капиталом, главным источником наращивания благосостояния.

Формирование и развитие советского социализма происходило путем государственной капитализации. Капитализация – сложный процесс качественных изменений, характеризовавшийся радикальным переустройством производства, при котором «прошлый труд» (капитал) становился решающим фактором экономики, в себестоимости продукта основное место занимает промышленная составляющая, товаризация охватывает средства производства, рабочие руки и продукт труда.

Государственный капитализм большинством авторов определяется как строй, в котором государство выступает в роли ведущего предпринимателя, распоряжается прибылью. Многими экономистами отмечалось, что госкапитализм – строй, реализующийся в целях ускорения развития страны [18], часть из них связывают государственный капитализм в СССР с процессом накопления капитала (например, П. Тейлор). Американские экономисты С. Реснич и Р. Волф утверждают, что в обществах советского типа государственный капитализм был связан с огосударствлением хозяйства, деятельность господствующего класса капиталистов (государство) по извлечению прибавочной стоимости, эксплуатации рабочего класса и перераспределению прибавочного продукта в пользу конечных потребителей и самого себя [36]. Как видно, представление о государственном капитализме, его критериях, особенностях в разных странах, в том числе в СССР, до сих пор не определены.

По нашему мнению, капитализм – это такое устройство социально-экономической жизни общества, при котором капитал (прошлый труд¹) становится главным фактором производства по отношению к живому труду², а основная социальная градация общества предопределяется местом в отношениях реализации права собственности на средства производства. Государственный капитализм, являясь разновидностью капиталистической системы, характеризуется отсутствием локализации полного права собственности на средства производства в руках отдельных индивидов, разделенностью этого права между социальными классами, с сосредоточением основных прав владения, распоряжения и пользования в руках высшего класса – по сути протобуржуазии. При этом вторичные признаки капиталистического устройства (механизмы товаризации, прогнозно-плановые рычаги, методы балансировки) могут серьезно отличаться от классического индивидуализированного капитализма.

8. В процессах первоначального накопления капитала в СССР в 1930–1980-е гг. выделяется ряд крупных этапов, отличающихся серьезной спецификой.

Первый этап охватывает 1930–1950-е гг. Начало этапа связано с переломной точкой в формировании процессов форсированного первоначального накопления – так называемой коллективизация сельского

¹ Под «капиталом» (прошлым, или овеществленным трудом) здесь и далее мы понимаем ресурсы, используемые в производстве, и воплощенные в ранее созданных средствах производства и предметах труда.

² Под «живым трудом» мы понимаем непосредственные трудовые усилия, связанные с обеспечением функционирования овеществленного труда (капитала).

хозяйства. В ходе этого этапа было осуществлено изъятие средств производства у индивидуальных сельхозпроизводителей, создан рынок рабочих рук для работы по найму в промышленности и сельском хозяйстве (колхозники в этом смысле отличались большой спецификой). Консолидация ресурсов на данном этапе достигалась через широкомасштабное применение повинностных методов эксплуатации. Система повинностей полномасштабно действовала в колхозной деревне, где были законодательно регламентированы отработочные, натурально-продуктовые и денежные повинности [5]. Частично повинностной системой были охвачены приусадебные хозяйства рабочих и служащих. В аграрной подсистеме движение продукта, средств труда, рабочих рук осуществлялось, в основном, вне классических рыночных механизмов, хотя «вынужденная» товарность нарастала. В 1946–1953 гг. из сельского хозяйства СССР был изъят продукт стоимостью 298 млрд руб., а перемещен туда продукт из других сфер народного хозяйства стоимостью только 193 млрд руб. [35, с. 281]. При этом затраты колхозам на производство продукции, например, в 1950 г. возмещались государством лишь на 30–50% [45, с. 45]. Данный этап первоначального накопления с повинностными методами эксплуатации и неэквивалентным обменом позволил завершить переход к неаграрной экономике.

Второй этап первоначального накопления – период конца 1950–1960-х гг. – характеризуется перевodom экономики на капиталистические рельсы. Главным рубежом данного критерия является капитализация аграрного производства. Крупнейшие экономические изменения, ставшие индикатором свершившейся капиталистической революции, произошли именно в аграрной подсистеме общества. Ушла в прошлое система повинностей, коренным образом изменился феномен товарности. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. вместе с реорганизацией МТС, отменой обязательных поставок сельхозпродукции, а затем введением заработной платы колхозникам идет становление аграрного рынка на продукты сельского хозяйства, средства труда, рабочие руки.

Третий этап госкапиталистического развития СССР охватывал 1970–1980-е гг. Это период, когда основные сферы экономики уже были высококапитализированными производствами, в стране достаточно полно масштабно функционировал рынок, важнейшей частью которого стало «освобождение» колхозников (1974 г. – принятие новой паспортной системы, по которой паспортизацией была полностью охвачена колхозная деревня), действовала современная финансово-кредитная система и др. Данный этап государственного капитализма в СССР завершил формирование класса советской протобуржуазии, который совершил революцию по окончательной концентрации собственности на государственные капиталы в своих руках.

9. Этапы формирования государственного капитализма в городе и деревне, промышленности, сельском хозяйстве и других отраслях не совпадали. В тот момент, когда промышленность сразу формировалась как капитализированное производство, капитализация аграрной подсистемы через колхозный механизм происходила посредством крупномасштабного использования архаичных, «феодальных» по сути, государственных по форме механизмов первоначального накопления. По сути дела в рамках строительства государ-

ственного капитализма советское государство использовало уникальный ход – использование механизмов аграрного общества для стадиального перехода к капитализированной экономике. Только с 1960-х гг. можно говорить об индикативном уровне капитализации сельского хозяйства, соответствующего капиталистической экономике.

10. Важнейшим показателем развития государственного капитализма является величина основных производственных капиталов народного хозяйства.³ Их величина в СССР выглядела следующим образом³ (в ценах 1973 г.): 1928 г. – 29,9 млрд руб., 1940 г. – 72,14 млрд руб., 1945 г. – 63,7 млрд руб., 1950 г. – 91,4 млрд руб., 1960 г. – 227,9 млрд руб., 1965 г. – 360 млрд руб., 1970 г. – 581,7 млрд руб., 1975 – 805 млрд руб. [42]. В этой динамике выделяются два ярких этапа: первый – с довольно медленными темпами нарастания капитала (конец 1920-х – конец 1940-х гг.). При этом период Великой Отечественной войны связан с потерями в основном производственном капитале. Второй период начинается в 1950-е гг. и длится до конца советского периода. Данный этап связан с ускоряющимися темпами наращивания основных капиталов страны: среднегодовые темпы прирастания основных капиталов в 1960–1970 гг. были в 2,6 раза выше, чем в 1950–1960 гг., а в 1970–1975 гг. – в 3 раза выше, чем в период 1950–1960 гг.

11. Аграрный характер экономики страны 1920-х – начала 1930-х гг. признавался крупнейшими политическими деятелями того времени. Важнейшими показателями в этом случае служили данные об удельном весе сельского хозяйства в формировании национального дохода и валового продукта. В 1930 г. в политическом отчете ЦК ВКП(б) XVI съезду партии И.В. Сталин привел сведения, что в 1928/29 году доля сельского хозяйства в валовой продукции всего народного хозяйства СССР составляла 51%, доля промышленности – 49% [40, с. 265]. В 1934 г. в отчетном докладе ЦК XVII съезду ВКП(б) И.В. Сталин свидетельствовал, что удельный вес сельского хозяйства в валовой продукции СССР составлял в 1930 г. – 38%, в 1931 г. – 33%, в 1932 г. – 29%, в 1933 г. – 30% [41, с. 310]. По данным официальной статистики только в 1930-е гг. в структуре валовой продукции страны произошел структурный сдвиг в сторону индустриальной составляющей. Данные балансов народного хозяйства, подготовленных ЦСУ, показывают, что в СССР в 1935 г. валовая продукция промышленности составляла 44% валовой продукции народного хозяйства, а сельского хозяйства – 15%; в 1940 г. – доля промышленности была равна 58%, сельского хозяйства – 26% всей валовой продукции СССР [37]. Позже, рассматривая обнародованные органами государственной статистики показатели структуры национального (валового) дохода, многие экономисты отмечали, что к этим данным нужно подходить с осторожностью, так как показатели валового дохода, создаваемого в сельском хозяйстве, как правило, исчислялись в ценах реализации соответствующих лет, которые, как известно, были до 1953 г. беспрецедентно низкими [6; 12, с. 111; 22; 23; 27; 32]. Доля сельского хозяй-

³ Расчеты выполнены сектором экономической эффективности социалистического воспроизводства и сектором научной информации Института экономики АН СССР во второй половине 1970-х гг. Таблицы подготовлены ст. науч. сотр., канд. экон. наук А.Л. Засухиным.

ства в национальном доходе СССР по официальным данным также сокращалась. В 1928 г. она составляла 39% национального дохода страны (доля промышленности – 29%), в 1930 г. – 30% (доля промышленности – 36%). В 1940 г. национальный доход формировался за счет сельского хозяйства на 29% (за счет промышленности – 51%), в 1960 г. – на 21% (за счет промышленности – 53%), в 1970 г. – на 22% (за счет промышленности – 51%) [12, с. 111; 28, с. 105; 38]. Таким образом, превращение экономики страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную в первой половине 1930-х гг. – уже свершившийся факт.

12. Становление государственного капитализма было связано с развитием «инфраструктурных» отраслей, занимающих все большее место в экономике СССР. Удельный вес отраслей «транспорт и связь», «строительство», «торговля заготовки, материально-техническое снабжение и др.» составлял в произведенном национальном доходе 1970 г. 27%, в 1975 г. – 31%, в 1980 г. – 34%, 1985 г. – 36% [29, с. 32]. При этом особенно быстро увеличивался удельный вес показателя «торговля и др.», что, несомненно, было связано с развитием товарных отношений.

13. История становления государственного капитализма в СССР показывает, что социально-экономическое устройство страны в такой период может отличаться большой спецификой по сравнению с западной моделью. Западная модель была связана, прежде всего, с рыночностью, как одним из главных способов регулирования экономики. Задачи развития государственного капитализма в СССР решались через другую систему, включающую значительный арсенал внеэкономических методов принуждения, неэквивалентных цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства и др. Подобные механизмы позволили товаризировать аграрную продукцию (через становление вынужденной товарности), обеспечить город человеческими, продовольственными ресурсами, а промышленность – значительными размерами капиталовложений. Естественно, что осуществляясь подобная модернизация экономики в СССР могла только при довольно жестком политическом режиме, который и был сформирован и действовал вплоть до победы госкапиталистических отношений – до 1960-х гг.

14. Важнейшим элементом трансформации экономики СССР от аграрной стадии к промышленной была плановая система. В достаточно оформленном виде идеи народнохозяйственного планирования были описаны профессором Берлинского университета К. Баллодом в конце XIX в. [3], отдельные элементы планирования использовала Российская империя в крупных проектах, например при строительстве Транссиба. Этот подход потребовал решения вопроса о «точках роста» советской экономики, ресурсном обеспечении разных отраслей, расчетов потребности в рабочей силе и решения других проблем, ставивших вопрос создания некоего плана народнохозяйственного развития. Как известно, первой попыткой народнохозяйственного планирования в мире считается план государственной электрификации России (1920 г.), затем в 1923/1924 г. были созданы первые программы развития промышленности. С 1928 г. и до конца советской эпохи экономика СССР развивалась в рамках пятилетних планов (кроме семилетки 1959–1965 гг.)

15. Система планирования в СССР строилась на использовании балансового метода, согласно которому статистическими органами проводились макроэкономические расчеты ресурсных возможностей народного хозяйства и создавалась основа для продумывания перераспределения ресурсных потоков для развития отраслей и сфер экономики. Балансовый метод планирования использовался государством как важнейший регулятор развития государственно-капиталистической экономики. Балансы народного хозяйства СССР начали составляться в 1923 г. и составлялись с некоторыми перерывами с конца 1930 – начала 1950-х гг. до конца советской эпохи. Методика их составления менялась вместе с усложнением экономически страны, количество учтенных показателей расширялось. С конца 1950-х гг. народнохозяйственный баланс учитывал баланс производства, потребления и накопления общественного продукта (сводный материальный баланс); баланс производства, распределения, перераспределения и конечного использования общественного продукта и национального дохода (сводный финансовый баланс); межотраслевой баланс производства и потребления общественного продукта; баланс трудовых ресурсов; баланс основных фондов (капиталов); баланс денежных доходов и расходов населения. Кроме того, в систему составления балансов был включен ряд материальных балансов важнейших продуктов и некоторые другие таблицы [4].

Таким образом, формировалась практика советского госкапитализма – невиданного до его появления в мире типа социально-экономического устройства.

Литература

1. Адамов, В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала / В.В. Адамо // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972.
2. Анфимов, А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. / А.М. Анфимов // Исторические записки. – Москва, 1959. – Т. 65.
3. Баллод, К. Государство будущего. – 2-е изд. – Санкт-Петербург, 1900.
4. Безнин, М.А. Источниковые возможности балансов народного хозяйства в контексте изучения социально-экономической истории СССР (пилотное исследование) / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Вестник Вологодского государственного университета. – 2016. – № 1.
5. Безнин, М.А. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы: тезисы научного доклада / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – Вологда, 2003. – 36 с.
6. Белик, Ю.А. Национальный доход СССР / Ю.А. Белик. – Москва, 1961.
7. Binns, P. Russia: From workers' state to state capitalism / P. Binns, T. Cliff, Ch. Harman. – London: Bookmarks Press, 1987.
8. Binns, P. State Capitalism / P. Binns // Marxism and the Modern World. Education for Socialists. – 1986. – № 1.
9. Большая советская энциклопедия (БСЭ). – 1-е изд. – Москва, 1936. – Т. 58.
10. Boswell, T. The spiral of capitalism and socialism / T. Boswell, Ch. Chase-Dunn. – London; Boulder: Lynne Rienner, 2000.
11. Буздалов, И.Н. Экономическая эффективность интенсификации сельскохозяйственного производства / И.Н. Буздалов. – Москва, 1966.
12. Вайнштейн, А. Народный доход России и СССР. История. Методы исчисления. Динамика / А. Вайнштейн. – Москва, 1969.

13. Валовой, Д.В. Социализм и товарные отношения. Проблемно-исторические очерки политической экономии социализма / Д.В. Валовой, Г.Е. Лапшина. – Москва, 1972.
14. Wallerstein, I. The capitalist world economy / I. Wallerstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
15. Вишневский, А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР / А.Г. Вишневский. – Москва, 1998.
16. Войков, М.И. Российская экономика 100 лет назад или о причинах русской революции 1917 года / М.И. Войков // <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a4-2014/25964-rossiyskaya-ekonomika-100-let-nazad-ili-o-prichinah-russkoy-revoljucii-1917-goda.html>
17. Гиндин, И.Ф. В.И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России / И.Ф. Гиндин // В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. – Москва, 1970.
18. Государственный капитализм // Большая советская энциклопедия: в 30 т. – Москва, 1972. – Т. 7.
19. Goldman, E. My Further Disillusionment in Russia / E. Goldman. – Garden City, NY, 1924.
20. Грекори, П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки / П. Грекори. – Москва: РОССПЭН, 2003.
21. История политической экономии социализма. – Ленинград, 1983.
22. Калганов, М.В. Национальный доход / М.В. Калганов. – Москва, 1959.
23. Кац, В. Народный доход и его распределение / В. Кац. – Москва, 1932.
24. Клифф, Т. Государственный капитализм в России / Т. Клифф. – Москва, 1991.
25. Ленин, В.И. О продналоге // Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – Изд. 5. – Москва, 1963. – Т. 43.
26. Ленин, В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 гг. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Москва, 1967. – Т. 16.
27. Марин, Л.Г. Как исчисляется национальный доход СССР / Л.Г. Морин. – Москва, 1963.
28. Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1928, 1929 и 1930 гг. – Москва, 1932.
29. Основные показатели баланса народного хозяйства. Статистический сборник. – Москва, 1987.
30. Pannekoek, A. State Capitalism and Dictatorship / A. Pannekoek // International Council Correspondence, 1937. – Vol. III. – №. 1.
31. Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. – Москва, 1969.
32. Плышевский, Б.П. Распределение национального дохода СССР / Б.П. Плышевский. – Москва, 1960.
33. Политическая экономия: учебник для комвузов и вузов / сост.: А.А. Вознесенский и др. – Москва, 1932. – Т. 1.
34. Радченко, А.И. Государственный военный монополистический капитализм в СССР: Ленин, Сталин, Хрущев, Горбачев и др. / А.И. Радченко. – Москва, 2003.
35. Растворников, В.Г. Сельскохозяйственная динамика. ХХ век. Опыт сравнительно-исторического исследования / В.Г. Растворников, И.В. Дерюгина. – Москва, 1999.
36. Resnick, S.A. Class Theory and history / S.A. Resnick, R.D. Wolff. – New York; London, 2002.
37. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 3. – Д. 317. – Л. 17; Д. 694. – Л. 1.
38. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 3. – Д. 694. – Л. 1.
39. Солнцева, С.А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) / С.А. Солнцева // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С. 3–16.
40. Сталин, И. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) // Stalin I. Сочинения / И. Сталин. – Москва, 1953. – Т. 12.
41. Сталин, И. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // Stalin I. Сочинения / И. Сталин. – Москва, 1953. – Т. 13.
42. Статистическая база для расчета экономической эффективности общественного производства (1913–1977). – Москва, 1979. – Ч. 1.
43. Taylor, P.J. The way the modern world works: World hegemony to world impasse / P.J. Taylor. – Chichester; New York: John Wiley, 1996.
44. Троцкий, Л.Д. Преданная революция / Л.Д. Троцкий. – Москва, 1991.
45. Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве. – Москва, 1969.
46. Chase-Dunn, Ch. Socialist states in the world system / Ch. Chase-Dunn. – Beverly Hills and London: Sage, 1982.
47. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер. – Москва, 1995.
48. Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. – Москва, 2000.
49. Экономический строй социализма: в 3 т. – Москва, 1984.

Рецензент – Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ.

M.A. Beznin, T.M. Dimoni

**ON THE PROBLEM OF STATE CAPITALISM IN THE USSR (1930–1980)
– THESES OF A NEW APPROACH**

This article considers a number of issues related to the problems of social and economic development of the USSR during the 1930–1980s. The authors define this system as ‘state capitalism’. The article explores the wide-ranging discussion in the social sciences on the problem of determining the nature of the socio-economic structure of the USSR, and statistical data will be used to support the position of the authors. More specifically, the authors, investigating balances of the national economy of the USSR, posit a situation of increased share of past labor (capital) in the cost of production and reduced share of living labor. In addition, the authors present arguments for the formation of stages of state capitalism in the USSR (1930–1980s).

Russia, socio-economic system, state capitalism.

С.Г. Карпов
Вологодский государственный университет

СОТРУДНИКИ ВОЛОГОДСКОЙ МИЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ПАРАДИГМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Статья посвящена проблемам реформирования правоохранительных органов Вологодской области в 1990-е гг. Основное внимание уделено рассмотрению моделей поведения сотрудников милиции в изменившихся экономических и политических условиях развития общества.

Вологодская область, закон, милиция, модель поведения, общество, преступность.

В условиях перестройки начался процесс расширения прав и полномочий союзных республик. В октябре 1989 г. после длительного перерыва в Российской Федерации было снова образовано республиканско Министерство внутренних дел. Одним из основных структурных подразделений министерства являлась милиция, задача которой – охрана общественно-го порядка и борьба с преступностью. Правовой основой ее деятельности стал принятый 18 апреля 1991 г. закон РСФСР «О милиции» [2]. В нем были сформулированы основные задачи милиции, урегулирован ее правовой статус, определена организационная структура, а также гарантии правовой и социальной защиты сотрудников милиции. Позже к этому закону был принят ряд изменений и дополнений.

В 1990-е гг. работать органам правопорядка пришлось в очень непростых условиях. После распада СССР Россия стала суверенным государством. Вслед за политическими переменами российское руководство приступило к радикальным социально-экономическим реформам. Основанные на принципах либерализма и шокотерапии эти реформы привели к обнищанию значительной части населения страны и обогащению отдельных социальных групп, получивших возможность приватизировать государственную собственность. Началась трансформация социальной структуры, которая характеризовалась размыванием прежних классов и социальных групп, маргинализацией значительной части населения, усилением конфликтности в обществе.

Крайне негативное влияние на общественную обстановку оказывала безработица. Уже в первый год рыночных реформ безработными стали 3877 тыс. человек или 5,2% экономически активного населения Российской Федерации. В последующие годы уровень безработицы неуклонно возрастал и в 1999 г. составил 9094 тыс. человек или 12,6% экономически активного населения страны [4, с. 78]. В небольших городах сmono предприятиями и в сельской местности уровень безработицы был еще выше.

Кардинальное изменение социально-экономических и политических условий развития общества при-

вело к осложнению криминогенной обстановки. С 1992 по 1999 г. количество зарегистрированных преступлений в стране увеличилось с 2761 тыс. до 3002 тыс. единиц [4, с. 139]. Появились новые виды преступлений, преступность стала более жесткой и агрессивной, широко использующей различные технические средства и оружие. Увеличилась доля тяжких преступлений, таких как убийства и покушения на убийства, разбои, грабежи, преступления связанные с незаконным оборотом оружия и наркотиков. Значительно выросло количество преступлений экономического характера.

Аналогичная ситуация складывалась в Вологодской области. Криминогенная обстановка характеризовалась значительным нарастанием негативных явлений. За 1992 г. преступность выросла на 37,4%, опередив темпы роста преступности в стране. Впервые за многие годы коэффициент преступности в области в расчете на 10 тыс. населения (191) оказался выше, чем в России [1, д. 337, л. 31]. Так, в областном центре рост преступности за первый квартал 1992 г. составил 33%, число краж государственного и лично-го имущества увеличилось соответственно на 52 и 27%. На 27% выросло количество преступлений в общественных местах. Наблюдался рост преступности среди несовершеннолетних, а также среди ранее судимых и лиц, находившихся в пьяном виде. Напряженная оперативная обстановка сложилась в ряде городов и районов области. Например, в Череповецком районе за четыре месяца 1992 г. преступность выросла на 54%, в том числе количество тяжких преступлений – на 30% [1, д. 332, л. 123].

В условиях нестабильной социально-экономической и политической обстановки многие ведомства, органы и трудовые коллективы перестали заниматься воспитательной работой. Практически везде распались общественные формирования (добровольные народные дружины, товарищеские суды), которые оказывали милиции всестороннюю помощь в охране правопорядка и проведении профилактической работы среди различных категорий граждан.

В то же время работа правоохранительных органов была затруднена устаревшим законодательством

и несовершенной структурой, слабой материально-технической базой, снижением социального статуса и престижа работников милиции. В этих условиях сотрудники правоохранительных органов оказались в крайне сложном положении. Рухнули старые стереотипы, которые ранее определяли их действия и поступки. Этикетная модель поведения, выработанная в советский период, устарела. Нужно было менять стиль и методы работы, привыкать к новым реалиям общественных и экономических отношений.

«Человек не что иное, как ряд его поступков», – писал немецкий философ Гегель. В данных обстоятельствах сотрудники правоохранительных органов демонстрировали различные модели поведения. Среди них: уход из органов внутренних дел в другие структуры (коммерция, частная охрана и др.), честное выполнение служебного долга, формальное отношение к служебным обязанностям, стремление приспособиться к новым условиям работы, использование служебного положения в личных целях. Эти модели определялись самыми разными факторами: мировоззрением, привычками, способом мышления, влиянием окружающих людей, изменившимися социально-экономическими условиями и т.д.

Большинство сотрудников, несмотря на усложнившиеся условия работы, добросовестно выполняли свои служебные обязанности, нередко рискуя своей жизнью. Так, с начала 1990-х гг. сотрудники УВД Вологодской области регулярно направлялись в «горячие точки» страны, прежде всего на Северный Кавказ. Как правило, это были длительные служебные командировки сроком на три месяца, в ходе которых происходили боевые действия. Только в Чеченской Республике при исполнении служебного долга погибло 11 сотрудников вологодской милиции, 57 получили ранения различной степени тяжести. За период с 1995 по 2004 г. за участие в боевых действиях на территории Северо-Кавказского региона 1347 сотрудников УВД Вологодской области получили государственные награды. Капитан милиции С.В. Перец посмертно был удостоен звания Герой России, 75 сотрудников награждены орденом Мужества [3, с. 244].

Кроме участия в боевых действиях вологжане несли патрульно-постовую службу, дежурили на блокпостах, осуществляли паспортный контроль и проводили следственно-оперативные мероприятия, помогали местному населению. В августе 1996 г. в УВД области поступило письмо от главы администрации села Червлённые Буруны Ногайского района Республики Дагестан с выражением искренней благодарности в адрес сотрудников управления, находившихся в служебной командировке на территории данного района. В письме была отмечена добросовестность несения службы вологжанами, их высокая бдительность, активная помощь местному населению в обеспечении правопорядка [1, д. 370, л. 222].

На территории Вологодской области работники правоохранительных органов постоянно привлекались к проведению разного рода специальных операций. Периодически проводились профилактические отработки Вологды и Череповца, а также отдельных районов, где складывалась неблагоприятная криминогенная обстановка. Регулярно осуществлялись опера-

ции под кодовыми названиями «Арсенал» (пресечение незаконного оборота оружия), «Подросток» (выявление безнадзорности, предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних), «Урожай» (обеспечение сохранности урожая, сельскохозяйственной техники и горюче-смазочных материалов), «Трал» (пресечение незаконного вывоза сырья, готовой продукции и лицензируемых товаров), «Мак» и «Допинг» (борьба с незаконным оборотом наркотиков), «Защита» (использование технических средств для борьбы с кражами государственного и личного имущества). К участию в этих операциях привлекались сотрудники всех городских и районных отделов внутренних дел.

В условиях экономических реформ и отсутствия должной правовой базы при проведении приватизации увеличилось количество преступлений в сфере экономики. Борьба с ними стала одним из главных направлений деятельности областной милиции. Несмотря на большие сложности в раскрытии такого рода преступлений, сотрудники ОБЭП в ходе работы набирались опыта и успешно решали поставленные задачи. Так, в 1995 г. количество выявленных экономических преступлений увеличилось по сравнению с 1994 г. на 3,8%, из них тяжких – на 39,8%. Больше на 2,9% вскрыто фактов взяточничества, на 16,1% – незаконных сделок с валютными ценностями, на 81,8% – незаконной торговли, в 3,2 раза – выпуска и продажи товаров, не отвечающих требованиям безопасности [1, д. 367, л. 159].

Многие сотрудники правоохранительных органов демонстрировали высокий профессионализм и решительность в раскрытии преступлений, нередко рискуя своей жизнью. 3 февраля 1996 г. в автомашине ВАЗ-2104 в п. Кувшиново были обнаружены трупы двух мужчин с признаками насильственной смерти. Мобильная следственно-оперативная группа в составе сотрудников Вологодского РОВД – Н.Н. Голубина, С.Н. Иванова, А.В. Рыкованова и отдела уголовных расследований УВД В.Н. Пестерева и С.В. Бараева профессионально отработали все версии убийства, определили пути и направления работы. В результате в короткий срок преступление было раскрыто, а преступники – граждане Ирана Марзбани и Валилу арестованы, их вина доказана [1, д. 366, л. 158].

В то же время сложные условия работы, низкий уровень социальной защиты и материального обеспечения побуждали часть сотрудников правоохранительных органов уходить в другие структуры. В 1990-е гг. в органах милиции, особенно в районных отделах внутренних дел, наблюдалась текучка кадров и их дефицит. Данные обстоятельства способствовали попаданию в милицию людей, которые по своим деловым и моральным качествам не соответствовали высоким требованиям, предъявляемым к сотрудникам правоохранительных органов. Такие люди формально относились к своим служебным обязанностям, допускали грубые нарушения дисциплины, а порой и сами совершали преступления, используя свое служебное положение.

Так, в августе 1997 г. в квартиру вологжанки Смирновой проникли грабители и похитили деньги и ювелирные изделия. Было возбуждено уголовное дело, но старший следователь П. не принял исчерпыва-

вающих мер по своевременному сбору и процессуальному закреплению доказательств, изобличающих в совершении преступления виновных лиц. Не был допрошен свидетель, не проведено опознание по голосу одного из подозреваемых в грабеже, не использованы материалы экспертизы. Вследствие этих просчетов уголовное дело было приостановлено за недоказанностью вины подозреваемых лиц.

Негласные проверки несения службы в ночное время нарядами ППС и ДПС ГИБДД, регулярно проводимые руководством УВД, нередко выявляли серьезные нарушения со стороны отдельных работников милиции. Имели место случаи утери табельного оружия и служебных удостоверений, прогулы и опоздания на дежурства, появления на службе сотрудников в состоянии алкогольного опьянения, что приводило к трагическим последствиям. В ноябре 1999 г. в одном из отделений милиции Грязовецкого ОВД на почве неприязненных отношений произошла ссора между двумя сотрудниками. Один из них застрелил другого, а потом пытался покончить с собой [1, д. 393, л. 19].

Практические ежегодно фиксировались ДТП, виновниками которых были сотрудники милиции. При этом некоторые из них пытались использовать свое служебное положение для скрытия преступления. Так, в декабре 1997 г. сотрудник Управления ГАИ УВД области майор милиции Р., находясь в служебной командировке в Вытегорском районе и следуя на служебной автомашине, совершил наезд на пешехода, причинив ему смертельную травму. С места происшествия сотрудник милиции уехал, чем затруднил расследование ДТП.

Имели место случаи, когда сотрудники правоохранительных органов пытались заработать, используя свои должностные полномочия. Так, сотрудник Бабаевского ОВД майор милиции К. кроме службы активно занимался предпринимательской деятельностью – заготовкой и продажей леса, что было запрещено законом «О милиции» [1, д. 427, л. 407]. Своеобразный «бизнес» организовал и. о. начальника отделения ГИБДД г. Вологды капитан милиции К., который вместе с одним из внештатных сотрудников осуществлял

влял продажу чистых бланков талонов техосмотра автотранспорта. Всего ими было реализовано около 2 тыс. штук таких талонов [1, д. 389, л. 176].

Иногда работники милиции сами становились преступниками. В марте 1993 г. милиционеры медвытрезвителя при УВД Череповца Г. и К. на служебной машине и в форменной одежде, подъехав к торговой палатке, потребовали у продавца водку. Получив отказ, «правоохранители» разбили витрину, забрали несколько бутылок спиртного и уехали [1, д. 338, л. 146]. В сентябре 1999 г. оперуполномоченный ОВД Сямженского района А. похитил из комнаты хранения оружия райотдела два пистолета и на трассе Вологда–Архангельск пытался ограбить водителя [1, д. 392, л. 139].

Руководство УВД решительно избавлялось от сотрудников, компрометирующих правоохранительные органы. В то же время для преодоления негативных явлений в органах внутренних дел области осуществлялся целый ряд мер организационного и правового характера: совершенствовалась система отбора и обучения кадров, внедрялись новые формы и методы воспитательной работы, больше внимания стало уделяться боевой, оперативно-служебной и психологической подготовке личного состава органов и подразделений. Существенно укрепилась материально-техническая база всех структурных подразделений УВД, городских и районных отделов внутренних дел области. Реализация этих мер проходила в рамках реформирования правоохранительных органов на протяжении 1990-х гг. и в последующий период.

Литература

1. Архив УМВД по Вологодской области. – Ф. 7. – Оп. 1.
2. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 16.
3. Виртуальная война: десятилетию участия вологодской милиции в чеченском конфликте посвящается / ред.-сост. Н. Коротаевский. – Вологда: Вологодская неделя: Фест, 2005. – 247 с.
4. Россия в цифрах, 2002: крат. стат. сб. / Госкомстат России. – Москва, 2002. – 398 с.

Рецензент – Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ.

S.G. Karpov

EMPLOYEES OF THE VOLOGDA MILITIA DURING THE REPLACEMENT OF THE PARADIGM OF SOCIAL DEVELOPMENT

The paper explores the problems of reforming law enforcement institutions in the Vologda region during the 1990s. The author focuses on consideration of behavior patterns of police officers in the changed economic and political situation in the development of the society.

Vologda region, law, police, behavior pattern, society, criminality.

Т.Л. Соколова
Вологодский государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ПАРТИИ НА РУБЕЖЕ 1980–1990-Х ГГ. НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ

В статье рассматривается отражение программных установок и деятельности политических объединений и партий на страницах региональных общественно-политических газет Вологодской области в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Выявляется осведомленность читателей о существовании и деятельности региональных отделений политических партий, анализируется отношение читателей к последним. Также в статье рассматривается позиция редакций вологодских газет по отношению к партиям и объединениям.

Периодическая печать, политическая партия, перестройка, Вологодская область.

Политические реформы во второй половине 1980-х гг. в СССР вызвали к жизни множество самостоятельных объединений: групп, клубов, ассоциаций, движений, а затем и политических партий. Тема неформальных объединений стала предметом обсуждения на страницах центральной печати с 1988 г. Первые публикации о деятельности политических объединений появляются на страницах вологодских изданий также в 1988 г. В настоящей статье рассматривается проблема освещения деятельности политических партий на страницах областных, городских и районных общественно-политических газет Вологодской области в 1988–1993 гг.

Первым среди вологодских изданий информацию о политических объединениях опубликовала областная газета «Красный Север». В декабре 1988 г. «Красный Север» в корреспонденциях «Требую визу на выезд» и «Лицом к лицу» рассказывал о безуспешных попытках «Демократического союза» создать свое отделение в Вологде. В продолжение темы «Красный Север» в апреле 1989 г. перепечатал статью из газеты «Правда» – «Ход конем, или Куда зовет «Демократический союз?»», в которой обосновывался тезис о том, что оппозиция имеет право на существование, однако затем следовала разгромная критика «Демократического союза», как организации, способной нанести огромный вред перестройке.

В июле 1989 г. в «Красном Севере» появилась специальная страница «Диалог. Дискуссионный политический клуб», где редакция намеревалась помещать материалы о неформальных общественных движениях, появившихся в стране за годы перестройки. Уже в первых выпусках «Диалога» развернулась дискуссия вокруг Объединенного фронта трудящихся (ОФТ) между представителем движения Н.К. Водомеровым, несколько статей которого было опубликовано в «Красном Севере», и читателями газеты. В ответ на информационные материалы, раскрывающие программу ОФТ, редакция помещала письма читателей, убежденных в отсутствии необходимости создания

подобных организаций, программы которых во многом повторяют цели и задачи КПСС, профсоюзов, советов трудовых коллективов.

Вслед за «Красным Севером» тема общественных объединений появилась на страницах других вологодских газет. В период с 1988 по 1993 гг. включительно на страницах общественно-политических изданий Вологодской области автором выявлены публикации о тридцати двух политических движениях и партиях. По количеству публикаций движение «Демократическая Россия» занимало лидирующую позицию в газетах «Красный Север», «Вологодские новости», «Вологда». В газетах «Речь» и «Сокольская правда» преобладали публикации о «Демократической партии России», чуть меньше материалов о «Демократической России». Областное издание «Русский Север» за период с 1991 по 1993 гг. больше всего поместило сообщений о Либерально-демократической партии. Деятельность общественных организаций, движений и партий в районных газетах Вологодской области «Авангард», «Красное знамя» была представлена единичными публикациями.

В газете «Красный Север» сообщения, затрагивающие деятельность «Демократической России» носили нейтральную или негативную направленность. Среди публикаций: несколько материалов о съездах партии, информация о деятельности партии в Вологде [4], интервью с представителем «Демократической России» об экономической ситуации в стране [10], призывы в поддержку президента Б.Н. Ельцина [3] и другие информационные материалы. Примером публикации негативной направленности может служить материал С. Зайцевой ««Демократическая Россия»: портрет без ретуши», опубликованный на странице «Диалог. Дискуссионный политический клуб» в октябре 1990 г. Информация о съезде «Демократической России» в публикации представлена в виде документальных магнитофонных записей в хронологической последовательности: интервью, отрывки из выступлений, фрагменты пресс-конференции. Анализ публи-

каций «Красного Севера», касающихся «Демократической России», показывает, что редакция информировала своих читателей о деятельности данной партии, и часто информация сопровождалась негативным оттенком, что, по всей видимости, должно было вызвать идентичное восприятие у аудитории.

На страницах «Красного Севера» за исключением «Демократической России» были опубликованы материалы о девятнадцати партиях и объединениях. Основная масса публикаций представляла собой информацию в большей степени нейтральной направленности о программе и деятельности той или иной политической партии. Публикации о партиях коммунистической направленности занимали на страницах «Красного Севера» значительное место. Автором были выделены информационные сообщения о деятельности «Вологодского союза коммунистов», «Российской партии коммунистов», «Российской коммунистической рабочей партии». Публикации представляли собой информацию о деятельности партий и выдержки из программ.

Негативный оттенок в «Красном Севере» носили публикации о деятельности «Демократической партии России», «РНПЦ», «Трудовой России» и «Славянского собора». Так, в июне 1990 г. в газете на тематической странице «Диалог» был опубликован ряд материалов, посвященных новым политическим объединениям. В репортаже с учредительной конференции «Демократической партии России» автор – журналист Л. Сорокин – обращал внимание читателей на ряд негативных моментов, таких как отсутствие культуры общения у делегатов, антибольшевистские лозунги и пропаганда и др. В заключение материала Сорокин выражает критическое отношение к новой партии и ее программе [9]. В материале «В гостях у “черных рубашек”» журналист А. Варюхичев сравнивал РНПЦ с националистами и даже фашистами и высказывает прямое несогласие с программой и деятельностью новой общественно-политической организации в Вологде [1].

Областная газета «Красный Север» по количеству публикаций и охвату политических партий и движений занимала лидирующую позицию в области.

Анализ публикаций «Красного Севера» показывает, что в 1988–1991 гг. в газете помещались в основном публикации с негативным оттенком о демократических объединениях. Осенью 1991 г. «Красный Север», будучи независимым изданием, опубликовал информацию о том, что газета предоставляет на своих страницах слово руководителям и членам любых политических партий и движений. Следует отметить, что редакция сдержала свое обещание, и в газете появились обращения и программы ранее замалчиваемых политических объединений.

Газета городского Совета народных депутатов «Вологодские новости» за рассматриваемый период опубликовала материалы о пяти политических партиях и объединениях, причем в двадцати пяти материалах из тридцати одного опубликованного речь шла о «Демократической России». Основное внимание «Вологодские новости» уделяли деятельности вологодского отделения движения «Демократическая Россия», представленного как «самое массовое среди

политических движений», влияющее на политические процессы города и области.

В городских газетах «Коммунист» (с сентября 1990 г. – газета «Речь») и «Сокольская правда» в начале 1990-х г. среди публикаций о деятельности политических партий преобладали информационные материалы нейтральной и положительной валентности о «Демократической партии России» и движении «Демократическая Россия».

Газета областного Совета народных депутатов «Русский Север» с момента выхода (январь 1991 г.) позиционировала себя как принципиально беспартийное издание. По словам редактора В.В. Панцырева, «Русский Север» не «ввязывался» в политику и занимал нейтральную позицию, однако уйти от материалов на политические темы редакции газеты не удалось. Особенностью данного издания являлось: во-первых, обязательная публикация противоположных точек зрения, во-вторых, публикация материалов на коммерческой основе. Среди немногочисленных статей, авторы которых отстаивали различные точки зрения, под рубрикой «Политический перекресток» в газете были помещены программные статьи С. Чуркина, лидера вологодской организации ЛДП, «Что с нашей страной?» [11] и Н. Водомерова, лидера вологодской организации РКРП, «Чего хотят коммунисты?» [2]. Кроме того, «Русский Север» стремился предоставить читателям информацию обо всех политических объединениях, существовавших в Вологодской области. Так, в конце 1992 г. газета публикует ряд материалов под общим заголовком «Их не знают даже в лицо», в которых содержалась краткая информация о политических партиях Вологодчины: время создания, количество членов, лидеры, география распространения, программные тезисы [7]. Помимо информационных сообщений «Русский Север» публиковал различного рода обращения, заявления областных комитетов политических партий к населению.

В «Русском Севере» за 1991–1993 гг. автором выявлены публикации о девятнадцати политических движениях и партиях. Основная масса публикаций представляла собой различного рода информацию нейтральной валентности за редким исключением. По количеству публикаций лидирующее положение занимали заявления и обращения к населению «Либерально-демократической партии» и информационные сообщения о движении «Демократическая Россия».

Информация о политических партиях и движениях в районных газетах в начале 1990-х гг. представлена единичными публикациями, большей частью затрагивающими деятельность партий коммунистической направленности: КПР и РКП. Например, в газете «Авангард» в январе 1993 г. была опубликована статья «Есть ли шанс у коммунистов?», в которой утверждалось, что в народе нарастает осознание необходимости восстановления коммунистической партии России, которая бы последовательно отстаивала права трудящихся, боролась за восстановление в полном объеме советской власти. В качестве примера приводился Никольский район, в котором была создана инициативная группа по проведению перерегистрации коммунистов [5].

Таким образом, публикации о политических партиях и движениях в газетах Вологодской области на рубеже 1980–1990-х гг. носили немногочисленный характер: в областных изданиях публикации появлялись не более 2 раз в месяц, в городских и районных газетах – менее 1 раза в месяц. Публикации о том или ином политическом движении или партии в отдельно взятом периодическом издании на протяжении 1989–1993 гг. имели место лишь один или два раза, за редким исключением – больше. Это позволяет утверждать, что читатели не получали полной информации о деятельности политических партий и их региональных отделений, что подтверждается письмами читателей, которые на протяжении исследуемого периода обращались в редакции с просьбой опубликовать информацию о политических партиях и их программах [8]. Следовательно, на страницах областных, городских и районных изданий Вологодской области в период с 1985 по 1993 гг. информация о деятельности общественных организаций, политических движений и партий не носила системного характера. Основная масса публикаций представляла собой информационные материалы об организационной деятельности политических движений, аналитические материалы носили единичный характер, большинство публикаций страдало односторонностью и тенденциозностью в освещении данной проблемы. Это подтверждается опубликованными в газетах письмами читателей, ко-

торые отмечали, что, несмотря на широкий спектр проблем, освещаемых изданиями, газетным материалам не хватало полемичности, объективности суждений и компетентности. Газеты часто занимали позицию «третейского судьи», что также не устраивало читателей.

Литература

1. Варюхичев, А. В гостях у «черных рубашек» / А. Варюхичев // Красный Север. – 1990. – 17 июня. – С. 2.
2. Водомеров, Н. Чего хотят коммунисты? / Н. Водомеров // Русский Север. – 1992. – 7 ноября. – С. 3.
3. В поддержку президента // Красный Север. – 1993. – 5 октября. – С. 1.
4. «Демократическая Россия» в Вологде // Красный Север. – 1991. – 15 ноября. – С. 2.
5. Есть ли шанс у коммунистов? // Авангард. – 1993. – 16 января. – С. 2–3.
6. Еще одна элита? // Красный Север. – 1989. – 20 августа. – С. 2.
7. Их не знают даже в лицо // Русский Север. – 1992. – 27 октября. – С. 2–3.
8. Кто есть кто // Красный Север. – 1990. – 5 июня. – С. 2.
9. Сорокин, Л. «Кто правит бал?» / Л. Сорокин // Красный Север. – 1990. – 9 июня. – С. 3.
10. Что пройдено? Что впереди? // Красный Север. – 1992. – 11 ноября. – С. 2.
11. Чуркин, С. Что с нашей страной? / С. Чуркин // Русский Север. – 1992. – 7 ноября. – С. 3.

Рецензент – С.Г. Карпов, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории ВоГУ.

T.L. Sokolova

POLITICAL ASSOCIATIONS AND PARTIES AT THE TURN OF 1980–1990s ON THE PAGES OF REGIONAL NEWSPAPERS

The article deals with policy-making principles and the activities of political associations and parties as reflected in the pages of regional newspapers of the Vologda region from the late 1980s to the early 1990s. The author reveals what the readers of newspapers knew concerning the existence and activities of regional branches of political parties and examines as well the responding attitudes of the readers with regards to the latter. The article also considers the position of Vologda newspapers' editorial boards on political associations and parties.

Periodical press, political party, reconstruction, Vologda region.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 167/168

O.E. Баксанский
Институт философии РАН

МЕГАНАУКА: МЕТОДОЛОГИЯ КОНВЕРГЕНЦИИ

В статье рассматриваются риски и социально-экономические последствия конвергентных технологий. Ставится проблема кардинального изменения картины мира и методологии научного исследования, требующего подготовки специалистов принципиально нового класса, работающих на междисциплинарной основе, что предполагает формирование новой – конвергентной – парадигмы образования. Конвергентный этап развития науки рассматривается как окончание постнеклассического этапа развития научной рациональности и переход к новой научно-исследовательской программе. Показывается, что конвергентный проект науки по своей значимости, масштабам сравним с атомным или космическим, которые дали развитие современным новейшим высоким технологиям, благодаря которым Россия до сих пор по праву относится к передовым высокотехнологичным государствам.

Конвергентные технологии, конвергентная парадигма образования, междисциплинарный подход, меганаука, социально-экономические риски.

Процесс развития науки, если описать его в самых общих чертах, начинается с появления множества отдельных, не связанных между собой областей знания. Позже началось объединение областей знания в более крупные комплексы, а по мере их расширения снова проявила себя тенденция к специализации.

Сегодня же, благодаря ускорению научно-технического прогресса, мы наблюдаем пересечение во времени целого ряда волн научно-технической революции. В частности, можно выделить идущую с 80-х годов XX столетия революцию в области информационных и коммуникационных технологий, последовавшую за ней биотехнологическую революцию, недавно начавшуюся революцию в области нанотехнологий. Также нельзя обойти вниманием имеющий место в последнее десятилетие бурный прогресс развития когнитивной науки.

Особенно интересным и значимым представляется взаимовлияние именно информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и когнитивной науки. Данное явление получило название NBICS-конвергенции (по первым буквам областей: N – нано; B – био; I – инфо; C – когно, S – социально-гуманитарные технологии).

Термин *NBIC-конвергенция* ввели в 2002 г. М. Роко и У. Бейнбриджем, авторами наиболее значительной в этом направлении на данный момент работы, отчета «Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information technology and Cognitive science», подготовленного 2002 г. в Всемирном центре оценки технологий (WTEC). Отчет посвящен раскрытию особенности

NBIC-конвергенции, ее значению в общем ходе развития мировой цивилизации, а также ее эволюционному и культурообразующему значению.

Однако спустя несколько лет стало очевидно, что первоначальные четыре базовые технологии невозможно рассматривать в отрыве от блока социально-гуманитарных дисциплин и было предложено расширить NBIC-конвергенции до NBICS-конвергенции, что открыло огромное поле деятельности для гуманитарного знания, но, к сожалению, отечественные академические исследователи (философы, психологи, социологи, экономисты) оказались не готовы ответить на вызовы времени. Далее мы постараемся очертить стратегические направления органического включения социально-гуманитарных технологий в общий конвергентный контекст.

Взаимодействиеnano- и биотехнологий является двусторонним. Биологические системы дали ряд инструментов для строительства наноструктур. Например, созданы особые последовательности ДНК, которые заставляют синтезированную молекулу ДНК сворачиваться в двумерные и трехмерные структуры любой конфигурации. Подобные структуры могут быть использованы, например, в качестве «лесов» для строительства нанообъектов. Нанотехнологии приведут к возникновению и развитию новой отрасли – наномедицины – комплекса технологий, позволяющих управлять биологическими процессами на молекулярном уровне.

В целом же взаимосвязь nano- и биообластей науки и технологии носит фундаментальный характер. При рассмотрении живых (биологических) структур

на молекулярном уровне становится очевидной их химическая природа, и можно сказать, что на микроуровне различие между живым и неживым не очевидно. К примеру, АТФ-сингтаза (комплекс ферментов, присутствующий практических во всех живых клетках) по принципам своего устройства и функциям представляет собой миниатюрный электромотор. Разрабатываемые же в настоящее время гибридные системы (микроробот со жгутиком бактерии в качестве двигателя) не отличаются принципиально от естественных (вирус) или искусственных систем. Подобное сходство строения и функций природных биологических и искусственных нанообъектов приводит к особенно явной конвергенции нанотехнологий и биотехнологий.

Нанотехнологии и когнитивная наука более далеко отстоят друг от друга, поскольку на данном этапе развития науки возможности для взаимодействия между ними ограничены, кроме того, эти области начали активно развиваться позже других. Но из просматриваемых сейчас перспектив прежде всего следует выделить использование наноинструментов для изучения мозга, а также – его компьютерного моделирования. Существующие внешние методы сканирования мозга не обеспечивают достаточной глубины и разрешения. Безусловно, существует огромный потенциал для улучшения их характеристик, но разрабатываемые во многих ведущих лабораториях роботы размером до 100 нм (нанороботы) представляются наиболее технически простым путем изучения деятельности отдельных нейронов и даже их внутриклеточных структур.

Взаимодействие между нанотехнологиями и информационными технологиями носит двусторонний синергетический и, что особенно интересно, рекурсивно взаимоусиливающийся характер. С одной стороны, информационные технологии используются для компьютерной симуляции наноустройств. С другой стороны, уже сегодня идет активное использование (пока еще достаточно простых) нанотехнологий для создания более мощных вычислительных и коммуникационных устройств.

Информационные технологии также используются для моделирования биологических систем. Возникла новая междисциплинарная область – вычислительная биология, включающая биоинформатику, системную биологию и др. К настоящему моменту создано множество самых разнообразных моделей, симулирующих системы от молекулярных взаимодействий до популяций.

В целом, можно говорить о том, что развивающийся на наших глазах феномен NBICS-конвергенции представляет собой радикально новый этап научно-технического прогресса. По своим возможным последствиям NBICS-конвергенция является важнейшим эволюционно-определенным фактором и знаменует собой начало трансгуманистических преобразований, когда сама по себе эволюция человека, надо полагать, перейдет под его собственный разумный контроль.

Подводя итог изложенному, можно заключить, что отличительными особенностями NBICS-конвергенции являются интенсивное взаимодействие между указанными научными и технологическими областями; значительный синергетический эффект; широта охвата рассматриваемых и подверженных влиянию предметных областей – от атомарного уровня материи до разумных систем; выявление перспективы качественного роста технологических возможностей индивидуального и общественного развития человека.

В последнее десятилетие значительное внимание уделено изучению социальных следствий конвергенции науки и технологии (CKTS – Convergence of knowledge and technology for the benefit of society – конвергенция знаний, технологий и общества), которая представляется основой прогресса в XXI веке [1].

Конвергенция рассматривается как возрастающее и преобразующее взаимодействие между научными дисциплинами, технологиями, обществами и сферами человеческой деятельности для достижения совместности и интеграции.

Конвергенция важна для информационного общества, и анализ социальных следствий конвергенции позволяет решать проблемы, которые не могут быть решены дисциплинарной наукой, а также создавать новые технологии и знания, ориентированные на следующие принципы:

- взаимозависимости в природе и обществе;
- повышения креативности и инноваций в рамках знаний и технологий посредством эволюционных процессов конвергенции/дивергенции;
- целостного системного дедуктивного подход;
- развитие междисциплинарных языков высокого уровня для создания новых решений и передачи новых знаний;
- мировоззренческие концепции современных фундаментальных исследований.

Конвергенция возрастает в течение последних нескольких десятилетий. На первом этапе усилия, направленные на исследования и разработку нанотехнологий, привлекли внимание к сближению многих ранее отдельных научных и технических дисциплин (биологии, химии, физики конденсированных сред, материаловедения, электротехники, медицины и др.) на основе возрастающего понимания атомных и наномасштабных структур.

NBIC-конвергенция была вторым этапом, объединяющим возникающие технологии на основе их общих составляющих, таких как атомы, гены (ДНК), биты, и нейроны, иерархически интегрированных во всех технологических сферах и масштабах.

CKTS является очередным этапом конвергенции; она расширяется на взаимосвязях и границах технологий, и, в конечном счете, вводит их в общечеловеческие, общепланетарные и общесоциальные основы. Она объединяет в соответствующих сферах человеческие, технические, социальные, природные ресурсы и возможности, чтобы попытаться ответить на вопросы и решить проблемы, которые узодисциплинарными

возможностями решены быть не могут, а также создает и распространяет новые знания, технологии, промышленности, продукты и решения для улучшения благосостояния людей.

Экономисты признают СКТС в качестве современного двигателя прогресса, дающего новые принципиальные возможности для создания сети глобальной конвергенции для построения и объединение усилий различных регионов планеты.

Конвергенция в действительности является частью динамического процесса конвергенции/дивергенции, который происходит в различных областях человеческой деятельности.

Этап конвергенции заключается в анализе связей между разрозненными идеями и их интеграции. Этап дивергенции состоит из принятия этих новых конвергенций и их применения к концептуальному формированию новых систем, многомерных результатов в знаниях и технологиях.

Процесс конвергенции/дивергенции находит свое отражение в последовательной цепи идей от античности до современной эпохи, в эволюции знаний и технологий, а также в развитии различных организаций и отраслей экономики.

Существует несколько подходов, которые являются основой концепции СКТС:

(а) *принятие решений и трансформация знаний* на основе конвергенции/дивергенции процессов в области науки, технологий и приложений;

(б) *целостный систематический дедуктивный подход*, начиная с глобальной системы человеческой деятельности и учитывающий иерархические взаимосвязи между знаниями, технологиями и социальными системами;

(с) *создание языков высокого уровня* (многодисциплинарных, конвергентных), использующих интеграцию знаний, технологий и культур – таких как теории унификации, междисциплинарные нанотехнологии, информатика, фрактальные структуры;

(д) *сосредоточение усилий на поиске принципов решения фундаментальных исследований и социальных проблем*. Процессы конвергенции будут использоваться для определения идей и соответствующих им фундаментальных исследований в стратегических областях, изменяющих научные приоритеты.

Любая научно-техническая система развивается по определенным законам: знания накапливаются, потом они трансформируются в технологии, которые приводят к новым видам производства, и перед наукой возникают новые задачи. Радикальное изменение научной картины мира приводит к научным революциям.

Еще 300 лет назад в глазах ученых природа была едина и неделима, наука об окружающем мире называлась естествознанием, а ученый, который пытался этот мир изучать, – естествоиспытателем. Постепенно из этого непознанного целого, по мере развития средств изучения окружающего мира, человек начал вычленять сегменты, доступные для анализа. Таким образом формировались различные научные дисцип-

лины: математика, физика, химия, биология, геология и т.д. Следующим этапом стала еще более узкая специализация, и в результате на сегодняшний день существуют сотни различных узкоспециальных направлений в науке. Двигаясь по пути все более углубленного анализа окружающего мира, человечество создавало узкоспециализированные области в науке и образовании, определившие, в том числе, и отраслевой принцип развития экономики.

Важно отметить, что, продвигаясь по пути узкой специализации, человечество достигло значительных результатов. Все, что сегодня создано в области материальной жизни, человечество достигло благодаря этой узкоспециализированной системе науки и образования.

Но, с другой стороны, было потеряно видение целостной картины мира. Создание узкоспециальной системы науки определило отраслевой принцип построения экономики. На первом этапе развития все производство состояло из отраслевых технологий: деревообработка, добыча полезных ископаемых, металлургия и др. На следующем этапе появились более сложные «межотраслевые интегрированные» технологии: микроэлектроника, авиация, космонавтика, сложное машиностроение. Однако *отраслевой характер* экономики сохранился.

В последней четверти XX века на арену вышли информационные технологии, имеющие *надотраслевой характер*, так как они применяются абсолютно во всех отраслях науки и производства. Информационные технологии явились средством, объединившим все межотраслевые науки. А в конце XX века появились нанотехнологии, внутренняя логика развития которых призвана соединить существующую межотраслевую науку и технологии в единую картину естествознания, но уже на новом, атомном уровне.

В середине XX века, когда появилась возможность манипулировать атомами, молекулами, ученые начали конструировать из них новые вещества. Были созданы искусственные материалы, хорошо известные нам сегодня: полупроводниковые кристаллы кремния, германия, арсенида галлия и др., диэлектрические кристаллы, в частности лазерные, и даже такие материалы, которые обладают свойствами, не существующими у природных веществ. Таким образом, в середине прошлого столетия, наряду с основной линией развития науки – анализом, начала формироваться новая линия – синтез, когда человечество руками и разумом ученых начало синтезировать искусственные материалы.

Главная же проблема заключается в том, что ресурсы ограничены. Отсюда возникает новая задача: нужна выстроенная система *приоритетов*. Существует много важных задач, но сегодня, используя те ресурсы, которыми располагает человечество, можно решить лишь малую их часть. Поэтому необходимо из этого множества задач выбрать наиболее приоритетные и сконцентрировать на них усилия.

В целом основная тенденция развития сегодняшней науки связана с возвратом к единой, целостной

картине мира. Выделим важнейшие, с нашей точки зрения, черты современного этапа развития научной сферы:

- переход к наноразмеру (технологии атомно-молекулярного конструирования);
- междисциплинарность научных исследований;
- сближение органического (живой природы) и неорганического (металлы, полупроводники и т.д.) миров.

Характерная черта научного развития на данном этапе – это сближение органического мира, мира живой природы, с неорганическим, в чем достигнуты большие успехи в последние десятилетия. Как следствие – принципиально меняется подход к организации исследовательской работы – от узкоспециального необходимо перейти к междисциплинарному методу проведения научных исследований. Ученый, манипулирующий атомами, создающий из них новые вещества, не может назвать себя физиком, химиком или биологом.

Конвергентный проект науки по своей значимости, масштабам сравним с атомным или космическим, которые дали развитие сотням новейших высоких технологий, благодаря которым Россия до сих пор по праву относится к передовым высокотехнологичным государствам. Но при этом он значительно превосходит предыдущие по силе и глубине воздействия на экономику и общество.

Всестороннее развитие конвергентных технологий должно осуществляться только на принципиально новой междисциплинарной основе. Фактически мы являемся современниками новой научно-технологической революции. В течение ближайших 10–20 лет полностью изменится экономический уклад мира, на что указывает М. Кастельс.

Одно из главных условий нового научного уклада – наличие специалистов междисциплинарной направленности. Серьезный фактор, препятствующий развитию такого единого подхода, – действующая сегодня во всем мире система финансирования и организации науки. Она построена по узкоспециальному принципу и затрудняет организацию междисциплинарных исследований. Необходимо в корне изменить нынешнюю организацию науки, причем в мировом масштабе. Те страны, которые смогут быстро и эффективно перестроить систему научных исследований и образования, нацелить их на междисциплинарные исследования, обеспечат себе достойное место в глобальном мире. Перед человечеством сегодня стоит задача формирования и развития принципиально нового подхода, и речь идет в первую очередь о конвергентных NBICS-технологиях.

Сама логика развития науки привела образование от узкой специализации к междисциплинарности, затем наддисциплинарности, а теперь фактически к необходимости объединения наук. Но не к простому геометрическому сложению результатов, а к их синергетическому эффекту, взаимопроникновению.

Все эти чрезвычайно сложные технологии требуют специалистов принципиально нового класса, под-

готовленных уже на междисциплинарной основе. При этом таких междисциплинарно образованных специалистов не должно быть много, на сегодняшний день это, можно сказать, элита научного сообщества, что предполагает формирование новой – конвергентной – парадигмы образования.

К характеристикам конвергентного единства может быть отнесено также доминирование междисциплинарных исследований, которые берут на себя интегративные функции по отношению к отдельным наукам (примерами могут служить теория систем, теория управления и т.д.). Кроме того, растет само многообразие интегративных процессов; иначе говоря, происходит их дифференциация, т.е. интеграция дифференцируется. Сама дифференциация при этом становится все в большей мере моментом интеграции, приобретает все более явно выраженную интегративную направленность, выступает как закономерный, функциональный момент процесса самоорганизации и самоустроения науки. В результате интеграция как движение к целостности направлена не противоположно дифференциации, а включает ее в себя как часть, как один из необходимых аспектов общего процесса развития системы.

Для того чтобы разумно, безопасно и эффективно пользоваться всеми этими достижениями, привести современную техносферу в гармонию с природой, создать ноосферу, необходимо учитывать и использовать закономерности трансформации сознания, психики человека. Человек как субъект практического и познавательного отношения к миру рано или поздно сам становится объектом научно-технологического воздействия. Это может быть осуществлено путем соединения возможностей NBICS-технологий с достижениями социально-гуманитарных наук и технологий. На этом пути пространство конвергентных технологий приобретает еще одно измерение – социально-гуманитарное, а конвергентное единство нано-, био-, инфокогнитивных технологий дополняется социально-гуманитарными технологиями, становясь уже NBICS-технологиями. Это делает их практическим инструментом формирования качественно новой техносферы, которая станет органичной частью природы.

Резюмируя изложенное, можно отметить, что в естествознании XXI в. Складывается новая научная картина мира, в рамках которой аналитической подход к познанию структуры материи сменился синтетическим, доминируют междисциплинарные исследования, растет их многообразие; они берут на себя интегративные функции по отношению к отдельным наукам; сближаются науки об органической и неорганической природе, интеграция наук приобретает трансдисциплинарный характер; дифференциация из особого направления эволюции науки становится моментом доминирующего в ней интеграционного процесса; процессы дифференциации и интеграции сливаются в единый синтез; усиливается взаимодействие между внешними внутренним единством науки, они часто становятся неразличимыми. Такая парадигма научного знания может быть названа *конвер-*

гентной [1; 11], а сам конвергентный этап развития науки знаменует собой окончание постнеклассического этапа развития научной рациональности [13] и переход к новой научно-исследовательской программе.

Литература

1. Roco, M. Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science [Электронный ресурс] / M. Roco, W. Bainbridge (eds). – Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/498/116/ednref1>
2. Баксанский, О.Е. Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные / О.Е. Баксанский. – Москва: URSS, 2009. – 220 с.
3. Баксанский, О.Е. Физика и математика: анализ основания взаимоотношения. Методология современного естествознания / О.Е. Баксанский. – Москва: Либроком, 2009. – 188 с.
4. Баксанский, О.Е. Естествознание: современные когнитивные концепции / О.Е. Баксанский, Е.Н. Гнатик, Е.Н. Кучер. – Москва: URSS, 2010. – 224 с.
5. Баксанский, О.Е. Нанотехнологии. Биомедицина. Философия образования. В зеркале междисциплинарного контекста: учебное пособие / О.Е. Баксанский, Е.Н. Гнатик, Е.Н. Кучер; Российской акад. наук, Ин-т философии РАН. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2010. – 222 с.
6. Баксанский, О.Е. Когнитивно-синергетическая парадигма НЛП: от познания к действию / О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер. – Москва: Издательство ЛКИ, 2005. – 182 с.
7. Баксанский, О.Е. Когнитивный образ мира: пролегомены к философии образования / О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер. – Москва: Канон+, 2010. – 228 с.
8. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
9. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / М. Кастельс. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000.
10. Кобаяси, Н. Введение в нанотехнологию / Н. Кобаяси. – Москва, 2005.
11. Ковалчук, М.В. Идеология нанотехнологий / М.В. Ковалчук. – Москва, 2010.
12. Огурцов, А.П. Образы образования. Западная философия образования. ХХ век / А.П. Огурцов, В.В. Платонов. – Санкт-Петербург, 2004.
13. Уэбстер, Ф. Теория информационного общества / Ф. Уэбстер. – Москва: Аспект Пресс, 2004.
14. Хартманн, У. Очарование нанотехнологии / У. Хартманн. – Москва, 2008.

Рецензент – Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ.

O.E. Baksanskii

MEGASCIENCE: METHODOLOGY OF CONVERGENCE

The convergent technologies (nano-, bio-, info-, cognitive, social and humanitarian technologies) and the risks and socio-economic consequences are considered. The cardinal change of the world-view and methodology of scientific research demands that the experts of a fundamentally new class, who are trained to work on an interdisciplinary basis, assume the formation of new (convergent) educational paradigms. The convergent stage of the development of science marks the termination of the ‘post-non-classical’ stage of the development of scientific rationality and the transition to a new research programme. The significance of the convergent project of science is comparable with nuclear or space ones, which have facilitated the modern development of technologies and contributed to Russia’s on-going right to be placed amongst leading high-technology states.

Convergent technologies, convergent paradigm of education, interdisciplinary approach, megascience, socio-economic risks.

N.A. Ястreb
Вологодский государственный университет

СЕТЕВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются эпистемологические аспекты социальных технологий нового поколения, основанных на сервисах Web 2.0, и высоких гуманитарных технологий. Показано, что современные социальные технологии на базовом уровне интегрированы с информационными технологиями и могут быть рассмотрены как совокупность эпистемических практик, т.е. таких способов работы со знаниями и информацией, реализованной в технических объектах, которые повышают эффективность изначального знания.

Социальные технологии, высокие гуманитарные технологии, социальные медиа, социальные сети, социальная аналитика.

Вторая половина XX в. стала эпохой становления междисциплинарных исследований в современной науке, когда содержательная и методологическая специфика между частными дисциплинами и естественными и социально-гуманитарными науками в целом стала предметом критического анализа и пересмотра. Обращение естественных и технических наук к изучению человека как одного из главных объектов исследования, заявленное, в том числе, и в программах развития конвергентных технологий, привело к необходимости исследования проблем, выходящих за пределы их традиционной предметной области.

В рамках технонаучной парадигмы инженерная деятельность понимается уже не просто как создание искусственных устройств или технологических объектов, но и как социотехническая практика, включающая социальное проектирование как часть технической деятельности. При таком подходе практически любой современный крупный технологический проект необходимо подразумевает формирование «целостных контекстов, включающих в себя также их те или иные решения, институциональные структуры, сети социальных связей и т.д.» [1, с. 208]. Меняется круг задач инженерной деятельности, в который на современном этапе входит учет психологических, управлеченческих, экономических, экологических, ценностных, социокультурных и других аспектов.

Программы конвергентных технологий и в Европе и в США ставят основной целью улучшение качества жизни человека, но в них по-разному раскрывается как само это понятие, так и пути достижения заявленной цели. Трансгуманистическая направленность американского проекта опирается на внутринаучные тенденции, приведшие к началу XXI в. фундаментальные и прикладные проекты к возрождению идеи «человек есть мера всех вещей». Здесь человек становится точкой конвергенции, задающей цель развития всех направлений, сформулированную как расширение его возможностей и «улучшение» его самого. Одной из особенностей этого процесса, который рас-

сматривается как отражающий реальные происходящие в науке изменения, является вторжение естественных наук в святая святых социально-гуманитарных и философских концепций. Затрагиваются проблемы природы человека, ценностей, смысла жизни, социальной структуры и т.д., что формирует необходимость проведения гуманитарных исследований как социально-гуманитарной экспертизы технологических решений, инноваций, проектов. Социальная наука при этом остается внешней по отношению к инженерной деятельности, хотя и рассматривается в контексте сотрудничества, но выступает, в первую очередь, как экспертная система.

В европейской программе, ключевой автор которой, А. Нордманн, сам является профессиональным философом, а в составе экспертной группы изначально были представители социально-гуманитарного направления, социальная наука рассматривается как неотъемлемая часть проектирования, а социальные исследования – как актор технологического прогресса. Приводятся примеры того, как такие направления стимулировали развитие технологий, в частности, результаты исследования структуры процесса восприятия и специфики распознавания паттернов мозгом были успешно применены при решении проблем машинного обучения и распознавания образов; семиотика и лингвистика определили развитие технологий вероятностных рассуждений и статистического вывода; социологические теории принятия инноваций были использованы практически всеми крупными технологическими корпорациями при выработке стратегии внедрения новых устройств и приложений. Экономические и юридические исследования необходимы для системы стимулов для поддержки и распространения технологий. Ключевая идея здесь состоит в том, что технологии, созданные без учета специфики общества и человека, «будут запущены неправильно и впоследствии будут отвергнуты обществом» [2, р. 16].

Включение социальной науки как полноправного участника конвергентного развития ведущих технологий отражено в термине *NBICS-конвергенция*, широко

используемом в последнее время вместо *NBICS-конвергенции*. В данной работе используются авторские именования, данные авторами анализируемых программ. В остальных случаях NBICS используется как указание на направление, в котором социальные исследования рассматриваются не как оценка технологий, а как часть процесса проектирования.

Одной из наиболее заметных тенденций в переосмыслении концептуальных оснований конвергентных технологий стало введение в их состав социальных технологий, с которыми связываются важнейшие изменения в понимании как сути самих технологических знаний, так их преобразующего общество потенциала. В рамках данного исследования мы сосредоточимся на описании эпистемологических аспектов и выявлении эпистемических практик, проявивших себя в социальных технологиях нового поколения.

Термин *социальная технология* появился в XIX в. и был впервые использован А. Смолом и Ч. Ричмендом (университет Чикаго) для обозначения методов усовершенствования общества [3]. Философское осмысление социальных технологий началось сравнительно недавно. Мы не находим соответствующей словарной статьи в основных философских энциклопедиях и справочниках. В социологии данный термин определяется как «система методов выявления и использования скрытых потенциалов социальной системы в соответствии с целями ее развития, совокупность операций и процедур социального воздействия на объект на пути получения оптимального социального результата» [4].

Начиная со второй половины XX в. в социологии определяются основные направления разработки и внедрения социальных технологий, среди которых центральное место занимают социальное планирование, разработка комплексных программ развития городов, регионов и отраслей, социальное проектирование решения стандартных социальных проблем, управление консультирование. Само понятие «социальная технология» вошло в употребление в управляемых науках лишь в 70–80-е годы XX столетия. Теория социальных технологий связана с работами таких известных отечественных социологов, как И.В. Бестужев-Лада, А.Г. Здравомыслов, А.А. Зворыкин, В.Г. Подмарков, Ж.Т. Тощенко, В.А. Ядов и др. [5].

Одно из первых определений социальной технологии принадлежит советскому философу В.Г. Афанасьеву, который определил ее как перевод абстрактного языка науки, отражающего объективные закономерности развития общества, на конкретный язык нормативов, решений, предписаний, регламентирующих и стимулирующих людей на достижение поставленных целей.

В зарубежной социальной философии проблематику социальных технологий рассматривал К. Поппер. В работе «Открытое общество и его враги» он анализирует феномен социальных технологий, предлагает их типологию и выступает с жесткой критикой социальной инженерии как масштабных экспериментов над обществом, состоящих в насаждении теоретических моделей утопического социального порядка, приводящем в конечном итоге к утверждению тоталитаризма. Идеальное государство Платона он называет

утопической инженерией, а проект Маркса – жесткой социальной инженерией, критикует их и предлагает мягкий вариант «постепенной инженерии»: «применяющий его политик может как иметь, так и не иметь перед своим мысленным взором план общества, он может надеяться, а может и нет, что человечество однажды воплотит в жизнь идеальное общество и достигнет на земле счастья и совершенства. Однако он будет сознавать, что если человечество способно достичь совершенства, то это произойдет еще очень не скоро, и что каждое поколение людей, а значит поколение наших современников стремится не столько к тому, чтобы его осчастливили – ведь не существует институциональных средств, позволяющих сделать человека счастливым, – сколько к тому, чтобы его избавили от несчастий, которые человечество способно предотвратить» [6, с. 201].

Разделив социальные технологии на «утопическую инженерию», которая изначально антигуманна и тоталитарна, и «постепенную инженерию», Поппер тем самым признает необходимость социальных технологий как таковых и предлагает сосредоточиться на их сущности и особенностях их использования.

Введение социальных технологий в круг актуальных вопросов отечественной философии произошло, прежде всего, благодаря И.Т. Касавину. Он исходит из определения социальной технологии как «коммуникационно-деятельностной формы проявления социального субъекта на уровне организационной, управляемой и социально-проектировочной деятельности, в аспекте социального конструирования знания и реальности, основанного на социальных и гуманитарных науках» [7, с. 101].

Радикальным поворотом в сфере социальных технологий стало создание социальных сетей и интернет-сервисов, основанных на технологиях Web 2.0. Содержание этого поворота не сводится к появлению новых средств воздействия на человека и общество, а подразумевает изменение самой «технологии социальной технологии». Объединение миллиардов людей в социальные сети, создание микроблогов и новых социальных медиа позволило каждому человеку самому стать медиа, делиться содержанием и социальными связями с другими пользователями.

Социальные медиа представляют собой новый вид коммуникации, основанный на использовании различных интернет-приложений, или сервисов Web 2.0, которые позволяют пользователям создавать контент и взаимодействовать друг с другом. Это взаимодействие может принимать различные формы, которые включают: обмен ссылками на интересный контент, произведенный третьими лицами; общественные обновления публичной информации – профиля, в том числе о текущей деятельности и даже данные о местоположении; обмен мультимедийной информацией – фотографиями, видео и сообщениями. Социальное медиа может быть определено как «онлайн ресурс, который позволяет не просто просматривать информацию об интересующем явлении, но участвовать в обсуждении общественно значимых проблем и создавать различные сообщества, а также самостоятельно добавлять какую-либо информацию о деятельности организации (аудио, видео, фото)» [8, с. 109].

В таких условиях функцию генерации информации и освещения событий может выполнять любой человек, использующий соответствующее приложение. К настоящему времени сложилась первичная типология социальных медиа, включающая сервисы микроблогов, основанные на мгновенном обмене краткими сообщениями; блоги и лонгриды, предполагающие развернутые описания и отзывы; сервисы совместной работы в сети, а также мультимедиаочистки и ряд других.

В то же время, технологии больших данных (Big-Data) позволяют анализировать эту информацию и создавать алгоритмы ее обработки для решения конкретных задач, от формирования маркетинговых предложений, адаптированных под конкретного пользователя, до выявления едва намечающихся изменений политических предпочтений участников глобального сетевого взаимодействия.

Задача таких сетевых технологий состоит в том, чтобы собирать полезные данные и сделать их еще более полезными, т.е. они могут быть рассмотрены как эпистемические практики. Практически с самого возникновения медиафилософии возникает и обосновывается ее теоретиками идея активности медиа, выходящего за пределы функции передачи информации, трансформирующего транслируемое содержание, «наряду со «слабым» значением медиа как нейтрального, индифферентного к смыслу средства передачи информации от отправителя к получателю «сильное» его значение включает в себя опосредование и посредника, которое его дополняет и расширяет» [9, с. 94]. Медиафилософия, хотя и использует чаще всего отличный от эпистемологического инструментарий, ставит задачи, тесно пересекающейся с исследуемыми нами проблемами эпистемических практик. Как указывают И.М. Чубаров и А.Л. Рябова, главным вопросом медиаанаки является то, какое сообщение является собой каждый новый медиум и «как он трансформирует тем самым набор ценностных ориентаций человеческой цивилизации, модели социальных отношений, поведение и способы восприятия» [там же].

Однако новое медиа не является нейтральным не только в ценностном или социокультурном отношении. Имея в своей структуре технологии интеллектуального анализа, оно перестает быть эпистемологически нейтральным. Новые медиатехнологии одновременно могут быть названы эпистемическими практиками, поскольку предполагают конструирование данных и метаданных и их использование для принятия решений и генерирования алгоритмов, запускающих или блокирующих те или иные информационные процессы в сетевом пространстве.

Одним из первых примеров проявления эпистемических практик в социальных технологиях стала социальная аналитика, представляющая собой различные методы мониторинга, анализа, измерения и интерпретации цифровых связей и отношений людей, а также актуальных в сети тем, идей и распространяемого содержания. Социальная аналитика включает в себя анализ настроений, обработку сообщений на естественном языке, анализ социальных сетей (профилей, динамики, способов взаимодействия) и передовые методы, такие как анализ текста, прогнози-

рующее моделирование, автоматизированную идентификацию и классификацию предметов и тем сообщений, людей или содержания сетевого взаимодействия. Технологии социальной аналитики позволяют выявлять социальные связи в коллективах и распределенных сообществах, отслеживать происходящие изменения и использовать данные при принятии политических, экономических или социальных решений.

В методах социальной аналитики также наглядно проявился сам феномен конвергенции. Так, в исследованиях механизмов распространения информации в микроблогах и социальных сетях при анализе данных были использованы методики, ранее разработанные для исследования распределения мутаций в популяциях живых организмов, бактериальных и вирусных патогенов во время эпидемий [10, р. 754]. В частности, был выявлен «эпидемиологический порог», то есть значение коэффициента соотношения перепостов, комментариев и упоминаний информации, при котором она становится известна большинству пользователей социальной сети. Кроме того, стоит упомянуть, что сфера информационных технологий всегда активно заимствовала биологическую терминологию для описания процессов распространения информации между пользователями, как на уровне профессионального жаргона, так и в официальной терминологии (к примеру, вирус и антивирус, заражение и т.д.).

Информационные технологии, как в случае биотехнологий, для социальных исследований стали не просто вспомогательным средством, инструментарием, но и определили изменение понимания самого общества, которое для специалиста по социальным технологиям представляет собой динамичный массив данных от множества акторов, объединенных сетевым взаимодействием. Интеграция информационного и социологического подходов к пониманию социальных процессов нашла свое отражение в виде технологий социальных вычислений, которые основываются на идеи о том, что любое принятное человеком решение осуществляется в социальном контексте, следовательно, социальная информация должна служить основой для планирования любой деятельности.

Социальные вычисления – это технологии, поддерживающие сбор, представление, обработку, использование и передачу информации, которая распространяется в социальных группах, таких как исследовательские или бизнес-команды, сообщества, организации, рынки и т.д. Значимость этой информации связана именно с тем, что она связана с людьми, которые, в свою очередь связаны с другими людьми. Цель разработки технологий социальных вычислений состоит в том, чтобы понять, каким образом системы людей и компьютеров могут быть использованы в качестве посредников между людьми и используемыми ими инструментами. Теоретической основой социальных вычислений являются социальная психология и киберпсихология. Социальная психология охватывает такие темы, как принятие решений, убеждения, формы группового поведения и т.д. Когнитивные науки и эпистемология также играют огромную роль в понимании социальных вычислений и сетевого поведения человека. Таким образом, социальные вычисления – это программные продукты, учитывающие

социальные особенности существования человека и технологии применения компьютерных средств для решения социальных целей. Наиболее наглядными примерами таких продуктов служат социальные медиа, сетевые компьютерные игры, блоги, wiki-технологии, чаты и т.д.

Главным источником данных для социальной аналитики и социальных вычислений в XXI в. выступают уже не столько традиционные опросы, предлагающие ручной трудоемкий сбор и оцифровку сведений, сколько социальные сети, автоматически собирающие разнообразную информацию, касающуюся своих пользователей и их активности. В широком смысле социальная сеть определяется как цепочка отдельных лиц и их личных связей. Концепция социальных сетей строится на теории «шести рукопожатий», согласно которой любые два человека на Земле связаны друг с другом в среднем пятью знакомыми посредниками. Следовательно, для того, чтобы объединять в сетевое взаимодействие миллионы людей, достаточно предоставить им возможность делиться с другими пользователями своими личными связями, на чем и основана работа социальных сетей, таких как Facebook, или бизнес-сетей, таких, как LinkedIn.

Социальные сети не просто меняют привычные нам формы коммуникации, они вызывают глобальные эпистемологические и онтологические трансформации: «на место получения принципиально нового знания приходит управление уже полученным знанием... эпистемология объединяется с менеджментом знания через категорию «управления» [11]. Непрерывный обмен письменными сообщениями, файлами и ссылками вызывает «эпидемию контента» и децентрализацию информационного пространства, сохранявшуюся на предыдущем этапе развития сети, в эпоху Web 1.0. На смену сайтам приходят приложения, на смену скачиванию – обмен и перепост с комментариями, своеобразная «производная» контента. Знание не выкладывается в сеть в готовом виде, не крадется и не дарится, «теперь оно рождается во взаимодействии пользователей» [11].

В сетях формируются свои, динамичные, способы упорядочивания информации в условиях ее лавинообразного нарастания, которые можно рассматривать как эпистемические практики, позволяющие пользователю не «утонуть» во множестве медиаматериалов. Это, в частности, адаптивные ленты, создаваемые интеллектуальными алгоритмами для каждого пользователя социальных сетей на основе его предпочтений и особенностей активности в сети, и методы маркирования информации, например, хэштеги, позволяющие мгновенно создавать ленты сообщений по любой тематике. Сетевое взаимодействие давно достигло такого уровня усложнения, который создает широкие возможности для социальной самоорганизации, что наглядно демонстрируют, к примеру, сетевые научно-исследовательские коллективы и лаборатории.

Главной когнитивной новацией социальных сетей стало то, что пользовательская информация, аккумулируемая ими, представлена не потоком данных, а в виде особых динамичных интегрированных структур – социальных графов. Личные данные, социальные связи и их структура, социальные отношения и пер-

социальные предпочтения человека выстраиваются в социальный граф, проявляющийся на двух уровнях. На коммуникационном он детерминирует индивидуальное информационное пространство пользователя, а на информационном позволяет собирать сведения о практически любых сторонах личности или деятельности активного в сети человека. В обоих случаях использование социальных графов позволяет получать практический результат. Пользователь, владеющий методикой управления таким конструктом, может определять как содержание и структуру своего сетевого пространства, так и границы доступности его личных данных автоматическим системам и другим пользователям. Интегрированная информация о человеке, в свою очередь, может повысить эффективность интеллектуального поиска в ответ на запросы такого пользователя, сформировать для него индивидуальное рекламное предложение, сгенерировать рекомендации по выбору сетевых друзей, медиа-контента и т.д.

Социальные сети не исчерпывают всех направлений, по которым ведется разработка социального программного обеспечения. Сюда относятся сетевые гиды, социальные закладки, которыми можно делиться с друзьями, сетевые системы хранения данных, виртуальные миры. Особую актуальность приобретают технологии ограничения сетевой активности, которые сами по себе являются сетевыми технологиями. В образовании, в бизнес-среде, где люди могут не справляться с поставленными задачами из-за того, что тратят слишком много времени в сети, достаточно остро стоит проблема ограничения сетевого взаимодействия.

Потенциал самоорганизации, создаваемый современными глобальными компьютерными сетями, в настоящее время можно оценить только приблизительно. Одной из наиболее интересных тенденций в мировом информационном пространстве стал феномен краудсорсинга, включающий метод распределенных вычислений, когда множество людей в сети предоставляют вычислительные мощности своих компьютеров для решения каких-либо масштабных исследовательских задач или использование «интеллекта толпы», когда большие группы людей добровольно участвуют в реализации тех или иных исследовательских проектов в сети. Установив небольшую программу, любой человек может поучаствовать в астрономических вычислениях, химических или биологических экспериментах или решении математических задач, посильных только суперкомпьютерам. Интернет людей – это концепция высококультурной информационной технологии, нового поколения социальных сетей, которая будет способна интегрировать при помощи сетевых технологий интеллектуальные и технологические возможности отдельных участников для решения коллективных задач.

Одним из наиболее показательных направлений в рамках вычислительного подхода в социальной сфере стали «Human Computation», или машинные вычисления с помощью человека. Традиционное понимание вычислительных машин предполагало их использование в качестве «усилителя» интеллектуальной деятельности человека. Однако достаточно быстро стало понятно, что целесообразной является не только пе-

редача ряда операций от человека к машине, но и компьютер может успешнее решать задачи, если получит возможность обращаться к человеку за помощью, например, при распознавании изображений. Проекты с использованием такого «распределенного мышления» (distributed thinking) активно стали распространяться в 2000-х гг. На смену классическому пониманию искусственного интеллекта как самостоятельной автономной искусственной системы, обладающей когнитивными способностями, таким образом, приходят концепции гибридного человеко-машинного интеллекта.

Социальные технологии состоят в использовании знаний о человеке и обществе для осуществления воздействия на социум и процессы, происходящие в нем. Гуманитарные технологии, в свою очередь, фокусируются на человеке, изменении его поведения, когнитивных или иных личностных особенностей, ценностей, интеллекта, жизненных приоритетов, т.е. это «производство новых способов деятельности» [12, с. 63]. Если основным ресурсом традиционных технологий является материя в той или иной форме, то главным ресурсом гуманитарных технологий являются человек и знание [13].

В конце XX в. появляется термин «высокие гуманитарные технологии» (hi-hume), предметом которых является «преобразование биосоциальной природы человека, т.е. трансформация его генетического, когнитивно-логического и социокультурного кодов» [14, с. 283].

Высокие гуманитарные технологии направлены на осознанное проектирование человека и общества, это «методики, позволяющие эффективно и целенаправленно воздействовать на “общественное сознание” и тем самым на общественные процессы» [15], или «воздействие и формирование живого человеческого сознания». Российский экономист М.Г. Делягин подчеркивает, что высокие гуманитарные технологии отличает именно проективный характер воздействия на человека и приводит в пример PR (public relations), суть которых состоит в формировании в обществе благоприятного восприятия какого-либо объекта. Если реклама и маркетинг, отмечает он, приспособливают товар к вашим потребностям, то «PR приспособливает вас к уже имеющемуся товару» [16].

Конец XX в. демонстрирует парадигмальный сдвиг в понимании целей научного и технического познания, который можно назвать антропологическим поворотом. Научно-техническое развитие европейской цивилизации и сама идея прогресса традиционно основывалась на идее преобразования природы и ее подчинения потребностям человека. Среди причин изменения этой идеи, безусловно, нужно отметить негативные экологические последствия и биосферные трансформации, вызванные появлением у человека средств, инструментов и возможностей кардинально менять сложившийся в природе порядок. Примерами могут служить активная добыча полезных ископаемых, строительство масштабной инфраструктуры, меняющей традиционные ареалы обитания животных и растений, вырубка лесов и т.д. Однако не менее важны и мировоззренческие изменения и структурные трансформации самой науки. На первый план выходят

исследования, непосредственно связанные с человеком, и технологии, которые могут обеспечить интеллектуальное и физическое здоровье, комфорт, безопасность, обучение и развлечения. Нарастание проявлений общества потребления в виде экономических кризисов, экологических и социальных проблем привело к необходимости переосмыслиния потребностей самого человека, переоценки его планетарных амбиций. В итоге современность можно рассматривать как «некий закономерный этап в развитии человечества, когда его воздействие на биосферу достигло некоторого предела, и стало легче изменять самих себя, чем изменять биосферу»¹.

Высокие гуманитарные технологии в таких условиях становятся даже более значимыми, чем традиционные ресурсы, например, деньги. Обладание технологиями, способными формировать потребности и требуемые социальные процессы или формы поведения, становится важнейшим фактором конкурентоспособности производителей товаров и услуг, политического влияния, экономической успешности.

В настоящее время можно выделить ряд сложившихся направлений развития высоких гуманитарных технологий, к которым относят технологии управления сознанием, PR, образовательные технологии, когнитивные технологии, «фабрики мысли», биотехнологии, нейротехнологии, геронтологию и разработку технологий продления индивидуальной человеческой жизни, генные технологии, человеко-машинные интерфейсы и многие другие.

Очевидно, что потенциал социальных преобразований, отличающий высокие гуманитарные технологии, одновременно означает широкие возможности для манипуляций сознанием индивида, социальных групп и общества в целом. Иногда hi-hume понимаются буквально как технологии манипуляции человеком: «подчеркнем, что в нашем понимании Hi-Hume речь идет не об «очеловечивании» техники и технологий, а о технологиях, которые предназначены для целенаправленного изменения человеческого сознания, как индивидуального, так и массового... мощь этих технологий насколько велика, что они способны разрушать механизмы саморегуляции человека и социума»².

В то же время, нельзя не отметить, что высокие гуманитарные технологии имеют значительный потенциал для развития человека, его когнитивных способностей, социальных и личностных качеств, для воспитания нравственных и ценностных ориентаций.

Рассмотренные социальные и гуманитарные технологии представляют лишь малую часть того многообразия технологических средств, которые уже имеются и разрабатываются для управления человеческими ресурсами. Но даже этот неполный перечень наглядно показывает, что социальные технологии не просто являются значимыми, они выступают услови-

¹ Делягин М.Г. Глобализация: влияние нового уровня открытости на международную конкуренцию и общественные отношения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/information/HighHume.htm> (дата обращения 11.10.2015).

² Жукова Е.А. Человек в плену у hi-hume // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – № 11. – С. 30.

ем для внедрения любой технологической или научной инновации, что ставит проблему их социально-гуманитарной экспертизы, а также совершенно новые задачи перед современным образованием, в том числе технологическим, поскольку любая деятельность погружена в стремительно меняющееся социальное взаимодействие, что нужно прогнозировать и учитывать.

Литература

1. Андреев, А.Л. Технонаука / А.Л. Андреев // Философия науки. – 2011. – № 16. – С. 200–218.
2. Nordman, A. Converging Technologies – Shaping the Future of European Societies / A. Nordman. – Luxembourg: European Communities, 2004. – 65 p.
3. Smal, A.W. Seminar Notes: The Methodology of the Social Problem. Division I. The Sources and Uses of Material / A.W. Smal // The American Journal of Sociology. – 1898. – № 4 (1). – P. 113–144.
4. Социологический словарь Socium [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/572/symbol/209> (дата обращения 01.11.2015).
5. Пестова, Г.А. Социология управления: учебное пособие / Г.А. Пестова. – Москва: Академия Естествознания, 2011. – 104 с.
6. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – Москва: Международный фонд «Культурная инициатива»; SorosFoundation (USA), 1992. – 490 с.
7. Касавин, И.Т. Социальные технологии. Теоретические концептуализации и примеры / И.Т. Касавин // Общественные науки и современность. – 2012. – № 6. – С. 100–111.
8. Шестеренкина, Л.П. Основные характеристики новых социальных медиа / Л.П. Шестеренкина, И.Д. Борченко // Ученые записки ЗабГУ. – 2014. – № 2 (55). – С. 107–111.
9. Чубаров, И.М. Медиа, медиа наука и философия медиа / И.М. Чубаров, А.Л. Рябова // Логос. – 2015. – № 2. – С. 92–105.
10. Handbook of Human Computation. – New York: Springer, 2013. – 1058 p.
11. Опенков, М.Ю. Философия социальных сетей. Коммуникация знания [Электронный ресурс] / М.Ю. Опенков, М.Н. Лысоченко. – Режим доступа: <http://www.ifap.ru/pr/2012/n121108a.pdf> (дата обращения 01.11.2015).
12. Узлов, Н.Д. Настоящее и будущее гуманитарных технологий / Н.Д. Узлов // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. – 2011. – № 4. – С. 62–70.
13. Барышников, П.Н. Философия IT, high-hume и... мифология / П.Н. Барышников // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2012. – № 3. – С. 15–23.
14. Чешко, В.Ф. HighHume (биовласть и биополитика в обществе риска): учебное пособие / В.Ф. Чешко, В.И. Глазко. – Москва, 2009. – 319 с.
15. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / под ред. М.Г. Делягина. – Москва, 2000.
16. Делягин, М.Г. Глобализация: влияние нового уровня открытости на международную конкуренцию и общественные отношения [Электронный ресурс] / М.Г. Делягин. – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/information/HighHume.htm> (дата обращения 11.10.2015).

Рецензент – А.Ю. Нестеров, доктор философских наук, зав. кафедрой философии и истории Самарского государственного аэрокосмического университета им. академика С.П. Королёва (национальный исследовательский университет).

N.A. Yastreb

SOCIAL NETWORK TECHNOLOGY: THE EPISTEMOLOGICAL DIMENSION

The article examines the epistemological aspects of the new generation of social technologies based on Web 2.0 services and high humanitarian technologies. It is shown that modern social technology at the basic level are integrated with information technologies, and can be viewed as a set of epistemic practices, which are defined as methods of work with knowledge and information, implemented in technical objects enhancing efficiency of original knowledge.

Social technologies, high humanitarian technologies, social media, social networking services, social analysis.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

Ю.В. Бабичева

Вологодский государственный университет

ТАНТАЛОВЫ МУКИ. М. БУЛГАКОВ – КИНОДРАМАТУРГ

В 1930-е годы М.А. Булгаков предпринял несколько попыток написания сценариев классических произведений любимого Гоголя: три редакции – «Мертвых душ» и четыре – «Ревизора». Материалы о кинодраматургических опытах Булгакова были подготовлены Ю.В. Бабичевой в конце 1980-х.

М. Булгаков, сценарии «Мертвых душ», сценарии «Ревизора».

ИЗ ИСТОРИИ ЖАНРА

...Неизвестно, что такое сценарий, и поэтому
трудно говорить о том, каким ему нужно быть.
Ю. Тынянов

«Неизвестно, что такое сценарий», – это сказано компетентным теоретиком кино и автором нескольких киносценариев Ю. Тыняновым в 1926 году [1, с. 323]. В 1970-х и 80-х годах уже говорили уверенно: кинодраматургия – новая область литературы, киносценарий – особый жанр художественной литературы (см.: Амашневич Э.Г. Сценарий – особый жанр художественной литературы. Ташкент, 1972; Вайсфельд И.В. Новая область литературы. Москва, 1970); и одна за другой выходят в свет монографии о «новой области» и «новом жанре». Но это – внешние показатели состояния вопроса, а по существу – и сегодня не изжил себя пафос тыняновского заявления: «неизвестно, что такое сценарий». Достаточно сказать, что и сегодня ему еще не найдено определенное место в родовой (аристотелевской) системе разновидностей литературных произведений: является ли «особый жанр» вполне самостоятельным дополнением к ней – или только новой разновидностью? И если разновидностью, то чего именно – эпоса, лирики, драмы?

Для того чтобы ответ на этот вопрос не был так легковесен, каким он в целом на сегодняшний день является, должно быть предпринято не выборочное, а системное изучение истории «особого жанра» в контексте истории русской литературы: от ранних «дигиписей» Антала (супругов Ханжонковых) до современных сценариев, которые на правах самостоятельных литературных произведений печатаются в альманахе «Киносценарий», предназначенному для массового читателя. В таком системном изучении видное место займут и кинодраматургические опыты М. Булгакова, который в начале 30-х годов предпринял несколько попыток экранизировать классические произведения пера любимого Гоголя – «Мертвые души» и «Ревизор».

Массовое тяготение писателей к киноискусству (немому кино) в 20-е годы Булгакова почти не коснулось: тогда он пребывал в апогее своего «театрального романа». В кино он пришел в тот переломный для последнего момент, когда, едва утвердившись в статусе искусства, оно переживало новое сотрясение эстетических основ: училось говорить. Уже отшумели споры 10-х и 20-х годов о слове в немом кино, и был утвержден приговор: «немота» кино (точнее – его особая бессловесная речь) – это и есть его специфика, делающая его равным в семье искусств¹. Но «Великий Немой» этого приговора не принял. Предсказанная ему еще Л. Андреевым тоска по слову («Танталовы муки») неизбежно вела его к освоению кинематографа (Андреев говорил, играя словами: в те сферы, где кинемо-апаш становился аристократом «фон-Кинемо») и овладению звуком, живой (а не «абстрактной», не «разложенной») человеческой речью. Однако овладеть ею было не так легко, и новые (бедные!) кинемо-Шекспиры в муках искали путей соединения киноязыка со словом. Кинорежиссер И. Пырьев, вспоминая об этих «танталовых муках», говорил, что их легче преодолевали те, кто приходил в кино из театра [2, с. 56]. М. Булгаков принадлежал к киносценаристам именно такого рода.

¹ В 10-е годы такой «приговор» вынес в «Письмах о театре» Л. Андреев: «...и вот нарождаются какие-то новые кинемодраматуры, еще неведомые таланты и гении. Кинемо-Шекспир, отбросив стеснительное слово, так углубляет и расширяет действие, находит для него столь новые и неожиданные комбинации, что оно становится выразительным, как речь» (Андреев Л. Полное собрание сочинений: в 8 т. Санкт-Петербург, 1913. Т. 8. С. 315). Изобретение кинетофона и перспектива сделать кино говорящим его не радовала.

Еще более категорично высказал такого рода суждение в 20-х годах Ю. Тынянов: «...бессловесность кино, вернее, конструктивная невозможность наполнить кадры словами и шумами, вскрывает характер его конструкции», – полагал он и резко оспаривал самую возможность сделать кино звуковым, цветным и объемным. Его кредо: «кино – искусство абстрактного слова», «кинетофоны – ублюдок театра и кино, жалкий компромисс» и т.д. [1, с. 329, 326, 322].

«МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Бедный, великий кинемо-Шекспир!

Ему суждено начать собою новый род танталов.

Л. Андреев

«Роман с кино» начался для Булгакова в те дни, когда еще бурно развивался его «театральный роман»: на сцене МХАТ репетировался «Мольер», незадолго до того прошли на той же сцене многострадальные «Мертвые души». Именно они и дали повод И. Пырьеву поручить Булгакову написать сценарий по «Мертвым душам» для киноленты, которую собирался снимать.

История создания этого сценария последовательно восстановлена Б.Ф. Егоровым в статье «М.А. Булгаков – “переводчик” Гоголя» [3]. Вот ее основные вехи: в конце марта 1934 года был заключен договор с первой московской кинофабрикой «Союзфильм», согласно которому Булгаков обязался к 15 мая предоставить экспозицию фильма, а к 20 августа – сам сценарий. Экспозиция была готова 10 мая, а вслед за нею 17 мая в качестве дополнения представлено заказчику конспективное «Содержание сценария». В течение июля-августа того же года одну за другой Булгаков создал три редакции самого сценария, учитывая замечания И.А. Пырьева и зам. директора кинофабрики И.В. Вайсфельда. Считая третий окончательным, передал его режиссеру для согласования. Осень и зима прошли во все более нервных пререканиях и с режиссером, и с фабрикой (директор С.А. Саврасов) по поводу поправок и «поправочек», которых требовала фабрика, и вносил, превратившись в соавтора, режиссер, а также и по вопросам оплаты. В марте 1935 года писатель направил И. Вайсфельду развернутое и обоснованное (нелестное) мнение об исправленном режиссерском сценарии, которое содержало тринадцать пунктов принципиальных замечаний и несогласий, где последним стояло самое для него важное: «Нельзя не пожалеть, что исключена баллада о капитане Копейкине». На этом, в сущности, и закончилась булгаковская попытка экранизировать «Мертвые души»².

Дальнейшая история созданного им сценария вырисовывается как-то смутно. И. Пырьев в мемуарах «О пройденном и пережитом» уверяет, что причиной прекращения работы над фильмом стала статья в «Правде» о музыке Д. Шостаковича к опере «Леди Макбет Мценского уезда» («Сумбур вместо музыки») [2, с. 60]: статья эта была им воспринята как призыв ставить картину о современности. Сегодняшние исследователи (Ю. Тюрин, Г. Файман) указывают на неточность этого объяснения: статья в «Правде» вышла в январе 1936 года, когда, уже отказавшись от «Мертвых душ», Пырьев завершил работу над фильмом о современности – «Партийным билетом». Значит, главная причина остановки в работе заключается все-таки в том, что Булгакову и Пырьеву (за которым стояла вся кинофабрика) не удалось тогда согласовать

своих представлений о том, каким должен быть фильм-поэма по мотивам известного литературного шедевра.

Тот сценарий, к которому И. Пырьев в 1965 году еще раз – и опять без результата – возвращался и который потом, в 1978 году был дважды опубликован как совместное произведение М. Булгакова и И. Пырьева, имеет лишь касательное отношение к вопросу об активном участии писателя Булгакова в создании советского звукового кино. Те же материалы, которые имеют к этому сюжету прямое отношение (экспозиция сценария, его конспективное изложение, три редакции самого текста), пока лежат в архиве писателя и, как принято в таких случаях выражаться, – ждут своего исследователя.

Булгакова не занимали специально вопросы киноэстетики, но в процессе работы над первым сценарием мысль его невольно прикоснулась к некоторым проблемам специфики молодого искусства, прежде всего – к вопросам его сюжетостроения. Уже столкнувшись с трудностями превращения повествовательного произведения в театральную драму, он осмысливал теперь способ преодоления еще больших трудностей, связанных с экранизацией романа-поэмы, превращая ее в «стремительную и достаточно острую пьесу для экрана» [3, с. 74]. Этот «способ» предполагал, по Булгакову, обязательность «заманчивой завязки», «ясной, точной и сжатой фабулы» и – «оглушильной развязки». Такая установка опять требовала значительной перемонтировки классического повествовательного сюжета. К тому же, как и в случае с инсценировкой, автор хотел непременно сохранить в сценарии самого Гоголя: киноискусство давало более широкие возможности для того, чтобы сделать видимыми (да еще непременно – «с точки зрения современного человека» [3, с. 71]) лирические и сатирические (капитан Копейкин) гоголевские «отступления».

Прирожденный драматург, мастер слова, пришедший в кино в тот момент, когда звучащее слово победно вошло составной частью в это искусство, Булгаков-сценарист словом не злоупотреблял. Он активно осваивал изначальный язык кино и искал оптимальный вариант сочетания слова со зримым образом в кинокадре. Впервые публикуя «Дополнения к экспозиции киносценария...» («Содержание сценария») от 17 мая 1934 года, Б.Ф. Егоров следующим образом комментирует этот документ: «...экспозиция сценария довольно близка к театральной инсценировке» [3, с. 73–74]. Такое мнение лишь отчасти справедливо: экспозиция сценария опирается на фабулу инсценировки. Но уже в кратком изложении содержания «кинопоэмы» ощущаются существенные отличия от театральной пьесы. Специфические приемы киноискусства дают авантюрному сюжету ту лирическую глубину и сатирическую определенность, какие мог бы дать (и не дал!) в инсценировке несостоявшийся образ Первого Чтеца.

Широкие обзоры-панорамы российских просторов (поля, поля, поля...) создают лирико-символический образ: Николаевская Русь. Наплывами рождается образ беглых крестьян Плюшкина и сатирический – капитана Копейкина. Фабульный, контрастный монтаж кадров дает гоголевское ощущение фантасти-

² В памяти И. Пырьева эта нелегкая и мучительная для автора сценария история отложилась укороченной и спрятленной моделью: «Одним словом, через три месяца сценарий был готов, его единодушно одобрили виднейшие литературоведы, и он был разрешен к постановке» [2, с. 60]. Сохранившиеся документы убеждают, что «одним словом» история этого несостоявшегося замысла не передаваема.

ческой несообразности русской общественной жизни: пир у полицеймейстера и пир в подвале трактира; по одним и тем же местам пролетает «грозный, но бессильный» генерал-губернатор и едет поверженный, но неистребимый Чичиков. В «Дополнении» есть также несколько намеков, реализация которых требовала экспрессивных средств киноискусства: «дикий скандал» у Ноздрева; «гром и молнии» у губернатора в миг расплаты Чичикова за плутовство... Как будет использовано слово Гоголя в сценарии, – по конспекту еще трудно определить: здесь оно присутствует пока в виде кратких и выразительных ремарок – как материал для надписей в немом кинематографе. Первый вариант сценария был готов где-то к началу июля 1934 года: 10 июля в письме другу автор сообщает о только что состоявшемся чтении этого варианта Пырьеву и Вайсфельду [3, с. 75]. На 80-ти страницах машинописного текста Булгаков продемонстрировал, как хорошо гоголевский стиль сочетается с законами поэтики киноискусства и как родственны эти последние его, булгаковскому, дарованию. [Рукопись первого варианта хранится в архиве Булгакова в рукописном отделе Библиотеки им. В.И. Ленина. Далее – РО ГБЛ, ф. 562, к. 15, ед. хр. 3.]

Сцены-«наплывы» значительно, по сравнению с драматическим вариантом, расширили фабулу кино-поэмы: появилась предыстория чичиковской авантюры (его служба в таможне); странички биографий умерших крестьян (Собакевич «видит» похороны Михеева, Чичиков воображает смерть Степана Пробки; Плюшкин возвращается памятью на 20 лет назад, откуда начинается процесс его «умирания»; оживают воспоминания Ноздрева о дебоше на ярмарке, где он потерял одну из своих бакенбард). При этом сюжеты, заимствованные в гоголевском тексте, варьируются теми, что создала фантазия Булгакова, строго подчиненная духу гоголевского творчества. Так, например, здесь опять нашла себе место сцена, не удавшаяся в инсценировке: оживление картины, изображающей переход Суворова через Альпы, что висит в гостиной Ноздрева. «Вырвавшись вперед, летит со шпагой взбалмошный поручик» [л. 31] с лицом и голосом хозяина дома. Этой сцены нет в тексте поэмы, но все же она связана с образной системой гоголевского произведения. Во второй части «Мертвых душ», где речь идет о некой «чиновной особе» по имени Самосвистов («эпикуреец, собой лихач, в плечах аршин, ноги стройные, отличный товарищ, кутила и продувная бестия»), Гоголь пытается представить его себе в иной, не канцелярской, обстановке, ну хоть «в военное время»: «Его бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимые опасные места, украсть перед носом у неприятеля пушку – это его бы дело. Но, за неимением военного поприща, на котором бы, может быть, его сделали бы честным человеком, он пакостил от всех сил. Непостижимое дело!» [4, с. 514]. Вот они: видимый стимул рождения сцены со «взбалмошным поручиком», который в иной, не военной обстановке стал вздорным пакостником Ноздревым, и особый, фантасмагорический стиль («Непостижимое дело!»), который Булгаков унаследовал у любимого учителя.

В этом стиле переведены в первом варианте сценария на киноязык чудовищные слухи, поползшие по

городу после скандального разоблачения Чичикова на губернаторском балу. «Не Наполеон ли он?!» – строится в перепуганном мозгу чиновника дикое предположение, и на экране проходит гротескная картина: побег Наполеона-Чичикова с острова св. Елены, его похождения в России и грозные репрессии чиновникам-взяточникам... [л. 53–55]. Чичиков – это капитан Копейкин! – рождается в воспаленном мозгу, и на экране («Кабинет полицеймейстера исчезает и появляется Петербург в тумане...») пройдет в зримых образах история капитана Копейкина и оживет он сам («физиономия наглая», «развязен» [л. 56–62]). А потом эта история (опять «непостижимое дело!») перерастет в историю назначения Николаем I нового генерала-губернатора, князя Одноворовского...

Появится в сценарии и сам Самосвистов (потеряв где-то одну букву фамилии и превратившись в Самосвистова), давший толчок образной мысли, но несколько отдовинется от своей повествовательной основы. Получив от Булгакова характерный в его поэтике атрибут – темные очки (у Булгакова обычно это символ принадлежности к секретной государственной службе: ср. Афрания в «Мастере и Маргарите» с его низко надвинутым капюшоном или человека в дымчатом пенсне в повести «Роковые яйца»), он обрел вместе с ними новую и отчасти загадочную (все то же «непостижимое дело!») функцию: неизвестно, чьей властью он освобождает Чичикова от ответственности, уничтожив все улики, и пустит его, неистребимого, вновь гулять по свету, по дорогам мошенничества и приобретательства.

И наконец, наплывами иного, лирического характера достигается в сценарии эффект присутствия самого Гоголя, грустно и пристально смотрящего из прекрасного далека в любимое и несчастное лицо России. Как и в театральной инсценировке, в finale сценария появляются картины Рима: балкон, силуэт человека в темном плаще на нем в сочетании с закадровым голосом: «Русь, Русь! Вижу тебя из моего чудного прекрасного далека...» [л. 75]³. Звук пробуется в этой редакции сценария в разных вариантах: использован и диалог, и лирический авторский голос за кадром. Сам текст сценария оформлен разделением листа на две половины: слева обозначено зримое действие, как в сценариях немого кино, справа – диалог театрального характера.

Набросав первую редакцию, автор познакомил с ней заказчиков в черновом виде. «И хорошо сделал, что не перебелил», – писал он П.С. Попову под свежим впечатлением обсуждения, потому что Пырьев и Вайсфельд сходу отвергли все самое «кинематографичное»: суворовских солдат в ноздревской сцене, Копейкина, наплывы фабульные (панихида в усадьбе Собакевича) и наплывы лирические (Рим и силуэт Гоголя на балконе). После некоторого торга удалось сохранить – сильно укороченным – эпизод с Копейкиным. «Но – боже! – до чего мне жаль Рима!» – снова тосковал писатель. Наученный горьким опытом

³ В первом варианте сценария есть еще одна сцена, создающая общее, «гоголевское» настроение: юноша возвращается из театра по сумеречной улице – и видит иную, испанскую, освещенную луной и с силуэтом на балконе... Очнулся – и вновь он на Сенной, вблизи кабака [л. 35].

инсценировки, он почти не сопротивлялся и сразу обещал все переделать: «так что они даже изумились» [3, с. 75].

Так появился второй вариант сценария, помеченный 24 июля. Он лучше всего характеризуется перечнем утрат и потерь. Исчезли: таможня, Михеев, молодость Плюшкина, сцены в конюшне Ноздрева и на ярмарке. «Суворовская» сцена сокращена за счет Ли-хого поручика – и потеряла содержательный смысл. Исчез Наполеон. Исчезли Рим и Гоголь. Остался – пока – капитан Копейкин.

Такого рода вымарки делались и в машинописном тексте уже укороченного до 65-ти листов сценария: дважды вычеркнут текст гоголевских лирических отступлений: «О, моя юность!» [л. 20] и о «блестательной радости», ждущей своего часа [л. 32]. На л. 35 вычеркнута обширная сцена оживших мыслей Чичикова о судьбах умерших «душ» с образом дворового человека Плюшкина в центре ее.

Усиленная роль звучащего слова: в тексте сценария заполнена в основном правая, «словесная» сторона. При этом главная роль отведена диалогам действующих лиц; закадровый авторский голос дважды убран из текста.

Фантастическая наполеоновская сцена первого варианта превращена здесь в реально-бытовую театральную сцену с переодеванием Ноздрева: перепуганные чиновники, увидев его в треуголке, приняли за Наполеона.

Словом, сценарий в этом варианте лишился большинства специфических признаков экранного искусства и превратился в пьесу театральную, которую можно снять на киноленту и при этом использовать некоторые достижения и преимущества кинотехники: зrimы авторские описания – улица, дорога, бричка, стая ворон над полями... Вряд ли такой сценарий мог удовлетворить самого автора⁴, и 12 августа 1934 года появился третий вариант: в нем 7 частей, 48 машинописных страниц, он оформлен как повествовательный текст, без разделения на левую и правую, действенную и речевую части. Этот вариант стал новым этапом освоения Булгаковым сферы киноискусства и прежде всего – возможностей слова в этой сфере [РО ГБЛ, ф. 562, к. 15, ед. хр. 5].

К тому типу сценария, который был наиболее близок характеру его дарования, но абсолютно непримлем для работодателей, писатель уже не возвращался: вся кинофантасмагория (мечты, ретроспекты, видения, лирические наплывы) бесследно исчезла. До поры сохранялась только сильно урезанная повесть о капитане Копейкине. Но удовлетвориться тем, чтобы обогатить кинотехникой чисто драматургический материал для экрана, он тоже не хотел. И снова искал – иные, еще не учтенные им возможности киноискусства, которые помогли бы соединить на равных, как в самой поэме, стремительную авантюрную фабулу с глубиной горестных размышлений Гоголя о судьбах

России. В поисках средств реализации на экране тоскливого гоголевского вопроса: «Русь, Русь!.. какая же непостижимая тайная сила влечет к тебе?» – Булгаков особенно активно мобилизовал звук. Он написал теперь лирический сценарий, в котором главное – настроение, и его-то должны были уловить и воплотить режиссер, оператор и актеры. Игра звуком делала это настроение реально ощущимым. Военная музика в прологе (знак Петербурга) переходит в звон гитар и голос, поющий: «младую гречанку я страстно любил...». На этом фоне значительно звучит «страстный» монолог героя: «А за что же другие благоденствуют?». Звон трактирного колокольчика переходит в звяканье бубенчика под дугой, которым открывается первая сцена: весенний закат, бричка – дорога.

Подробные видовые панорамы: «город разворачивается на возвышенности над рекою...», «город разворачивается вблизи...», «улица в губернском городе...». Тщательно выписанные интерьеры дворянских усадеб. Детально обрисованная внешность действующих лиц с сохранением авторских оценочных интонаций, например: «Губернатор, толстяк с бабым лицом и глупыми глазами...» и т.п. Все пронизано единым настроением, подчинено мироощущению одного человека, хотя в этом варианте сценария он бесплотен: ни Рима, ни балкона, ни силуэта за его решеткой...

Этот вариант сценария не производит впечатления вполне законченного произведения, скорее – это один из фрагментов какого-то движущегося целого: процесса поиска Булгаковым путей к новому зреющиму искусству.

К сожалению, этот поиск не шел свободно и органично. С самого начала дело осложняли поправки и «поправочки», которые разрушали цельность уже складывающейся системы. Послушный поначалу, Булгаков по мере продвижения работы становился все нервней и несговорчивей. В ноябре 1934 года он пишет Пырьеву письмо, в котором слышится едва сдерживаемое раздражение: «...сценарий содержит такое множество стилистических ошибок и всякого рода искажений, что его надлежит немедленно править... Я не хочу отвечать за те ошибки, которые в нем содержатся» [3, с. 75–76]. Требования кинофабрики внести (в третий раз!) еще кое-какие поправки и дополнения он выполняет чисто формально (см. «Дополнения» к 3-й редакции сценария от 4 ноября 1934 [РО ГБЛ, ф. 562, к. 15, ед. хр. 7]). В марте 1935 года высказывает в письме Вайсфельду мнение об окончательном режиссерском сценарии, где в 13-ти пунктах излагает свои замечания о необходимых исправлениях, некоторые из которых так и не были приняты во внимание режиссером и теперь уже соавтором.

Когда появилась эта, вполне закономерная в практике киноискусства и самая главная «поправочка» – соавтор сценария И. Пырьев, который деликатно, но настойчиво убирал из текста все булгаковские фантазии, оставляя добротный, зrimый, бытовой и сатирический гоголевский материал, скрепленный размежеванным голосом Гоголя-повествователя, – Булгаков совсем утратил энтузиазм – и дело разладилось. Пырьев взялся за новый фильм из современной жизни: «Анютा», позже – «Партийный билет». Булгаков –

⁴ Это был тот самый «тип сценария», о котором еще в 1926 году с недобрым иронией говорил Ю. Тынянов, назвав его «промежутком между испорченным романом и недоделанной драмой» и полагая естественной издержкой в процессе рождения нового искусства, – «пока не будет пересмотрен вопрос об отношении кино к литературе» [1, с. 324].

за новый сценарий для кино по пьесе Гоголя «Ревизор».

Режиссерский многострадальный сценарий, в котором не так уж много осталось от первоначального замысла Булгакова-кинодраматурга (последний его оплот – капитан Копейкин потерялся в сентябре, после исправления третьей редакции режиссером-соавтором), опубликован под двумя именами М. Булгакова и И. Пырьева в 1978 году в журнале «Москва» (№ 1) и в 2-томнике избранных сочинений И. Пырьева [5]. В комментарии, сопровождающем журнальную публикацию, Ю.П. Тюрин утверждает, что сценарий «Мертвых душ» «безусловно представляет немалый интерес не только как явление нашего кинематографа начала 1930-х годов, но и как факт отечественной литературы». Не станем оспаривать этого утверждения, но уточним: данный «факт отечественной литературы» не является, однако, «фактом» писательской биографии Булгакова. «Черты булгаковского эксцентризма», «элементы веселой мистификации», свойственные этому писателю (по мнению публикатора, они «четко проявляются» в напечатанном сценарии, – мы с этим не согласимся), остались в первой редакции произведения, а здесь исчезли почти бесследно. Единственная фантастическая сцена здесь, написанная под нажимом, по прямому указанию заказчика (сон Чичикова об оживших «душах»), получилась совсем не булгаковской. Она сомнительна по эстетическим качествам и в некотором роде кощунственна: развороченные могилы, мужики в покойницких рубахах, засыпающие, отряхнувшись от земли, хохот покойников над выскочившей из могилы незадачливой бабой... Нет, это не булгаковский стиль, не его фантасмагория, всегда возникающая на базе завершенной, додуманной мысли, а не пустой игры слов: мертвые души – ожившие покойники.

«Странная личность» в темных очках, чья роль в этом варианте сценария непомерно расширилась (впервые «личность» появляется уже в ресторанный сцене пролога), тоже утратила обобщающую многозначность. На вопрос Чичикова, кто это такой, председатель палаты отвечает «вполголоса»: «Шпион... Недавно приехал...». Чуть позднее окажется, что «личность» представляет собой бдящее око вновь назначенного губернатора князя Хованского и не без ведома последнего обирает Чичикова, отпуская его на дальнейшее мошенничество по принципу: вор у вора дубинку украл.

Итак, соавторство Булгаков–Пырьев разладилось, и фильм не был снят ни в 1935 году, ни в 1965, когда Пырьев взялся было за него снова – и снова от него отказался. В этом последнем акте данной истории все закономерно.

Пырьев должен был остыть к этому замыслу уже потому, что главный пафос сценария – «дать отдых добродетельному человеку» и «припрячь подлеца» (то есть опять, как часто делал это Булгаков, – «поговорить о дряни») не совпадал с главным пафосом творчества Пырьева: он стремился изображать эпоху в ее героическом содержании. «Повсюду шло гигантское строительство, – вспоминает он ощущение тех лет... В героическом труде вырастали, воспитывались и закалялись новые люди...» [2, с. 60].

Булгаков должен был остыть к этому замыслу уже потому, что после многих чужих «поправочек» из него ушел тот Гоголь, которого знал и любил он. К. Паустовский вспоминает: «...любимым писателем Булгакова был Гоголь. Не тот истолкованный по-казенному Гоголь, которого мы принесли в жизнь с гимназической статьи, и неистовый фантаст, безмерно пугающий людей то своим восторгом, то сардническим хохотом, то фантастическим воображением, от которого стынет кровь» [6, с. 559]. Как только Булгаков почувствовал, что опять, как в случае с театральной инсценировкой, героям сценария становится не его Гоголь, а тот, «истолкованный по-казенному», который ему незнаком, он потерял творческий интерес к работе.

Булгаков должен был остыть к этой работе еще и потому, что его складывающиеся представления о жанре кинопьесы не сошлись с таковыми, как они сложились у его заказчиков из «Мосфильма» и, в частности, с режиссерской системой И. Пырьева. Булгаков считал необходимым не «инсценировать» чужое произведение, а создавать по его мотивам совершенно новое; не ученически следовать в русле фантазии первоисточника, а соперничать с ним в выдумке. Особенно весело и интересно было ему соперничать с Гоголем, которого так любил и внутреннее родство с которым ощущал еще в детстве. На этом пути у него в раннем советском (немом) киноискусстве был блестящий предшественник – сценарист Ю. Тынянов, автор кинопьесы по мотивам гоголевской «Шинели». Один из постановщиков этого фильма, режиссер Г. Козинцев вспоминал: «Тынянов виртуозно использовал черновики Гоголя, отдельные положения, лица, детали из других его произведений. Это была тончайшая и сложнейшая мозаика...» [7, с. 107]⁵. К такой же «мозаике» стремилась и душа Булгакова-инсценировщика и сценариста по гоголевским произведениям. Но душа И. Пырьева этого стиля не принимала. Дело – разладилось.

«РЕВИЗОР»

Оказалось, что Гоголь может учить кинематографии.
Г. Козинцев

В существующей сегодня научной и критической литературе о Булгакове сложилась традиция говорить о его работе над киносценарием по комедии Гоголя «Ревизор» как о работе менее обязательной, в его биографии – проходной. С легкой руки Елены Сергеевны, чья дневниковая запись была обнародована М. Чудаковой, считается, что это была случайная и тягостная для него работа «над чужими мыслями из-за денег» [Записки ОР ГБЛ, вып. 37, с. 118]. Так ли это было в авторском самочувствии – или не так, но изучение сохранившихся набросков и вариантов ки-

⁵ Там же режиссер рассказывает, с каким остервенением набросилась часть критиков 20-х годов на эту «мозаику», воплощенную на экране. Один из них рассудил, что классика – народное достояние, а сценарист и режиссер, «исказившие» классику, должны через прокуратуру привлекаться к ответственности за «расхищение народного достояния» [7, с. 116]. Ныне «Шинель» Тынянова – Козинцева – Трауберга – это хрестоматийный образец раннего советского немого кино, уже вписаный в ряд киноклассики.

нопьесы открывает страницу творческой биографии драматурга, пришедшего в кино, полную ярких находок, дерзких проб, обычного для Булгакова остроумия и даже озорства.

«Вероятно, Булгаков, занятый в эти месяцы своими оригинальными работами, в том числе постановкой во МХАТ “Мольера”, уделял сценарию “Ревизора” значительно меньше творческого внимания, чем в свое время “Мертвым душам”, – полагает Б. Егоров, автор статьи о булгаковских «переводах» Гоголя на языки сцены и кино [3, с. 80]; «...в этом случае смело можно считать Булгакова лишь доработчиком и советчиком», – еще категоричнее утверждает вслед за ним в «Заметках читателя» Г. Файман [8, с. 209]. Факты не позволяют согласиться с этими оценками.

Договор на сценарий по «Ревизору» Булгаков заключил с «Украинфильмом» в августе 1934 года. Сроки, предусмотренные этим договором, предписывали ему представить либретто не позднее 25 октября, а готовый сценарий – к 25 февраля 1935 года. Постановщиком фильма предполагался поначалу А.Д. Дикий; позднее стал молодой режиссер М.С. Каростин [3, с. 80]. С этого момента до февраля 1935 года мысль Булгакова, активно работая в сфере близкой ему стихии гоголевской фантазии, подыскивала художественные эквиваленты киноискусства яркой словесной образности любимого писателя. На этом пути, кроме краткого конспекта сценария, возникли один за другим четыре его варианта, каждый из которых, отличаясь от предыдущего, является ступенькой не только творческой эволюции Булгакова-драматурга, но и молодой кинодраматургии вообще в тот для нее важный момент, когда она только начинала осваивать новый вид искусства – звуковое кино⁶.

Сохранившиеся варианты и редакции булгаковской кинокомедии по мотивам «Ревизора» содержат в себе богатые россыпи «кинопревращений» разного характера и стилей. Их последовательное изучение позволяет определить общие тенденции художественного поиска на пути превращения опытного драматурга – в кинодраматурга:

- он ищет **зримый** реальный образ-гротеск, который мог бы на экране передать богатство гоголевской словесной сатирической бытописи;

- он ищет **видимый** эквивалент гоголевской фантастии, способный создать ощущение нереальной вымороченной действительности, так сказать, зримый образ пустоты и небытия: сон, видение, бред, пустую мечту вместо жизни;

- он осваивает звук в кино, ищет соответствия и равновесия зрелища и слова, узаконивает в образной системе кино звуки-символы, говорящие, содержащие шумы и музыкальные темы;

- он учит манипулировать «говорящим» светом и ритмом сменяющихся планов, кадров.

⁶ Конспект хранится в архиве М. Булгакова в ИРЛИ [ф. 369, ед. хр. 173]. В отделе рукописей ГБЛ сохраняются четыре варианта сценария, датированные 15 окт., 24 окт. 1934 года, 9 янв., 28 февр. 1935 года, а также литографированный экземпляр сценария, написанного в соавторстве М. Булгаковым и М. Каростиным [ф. 562, к. 15, ед. хр. 8-12]. Последний с небольшими стилистическими исправлениями опубликован в журнале «Искусство кино» [9].

Формально все четыре варианты сценария завершены: имеют свои начала и концы. Но по существу ни один из них нельзя считать законченным в общем контексте этих исканий: есть поиск – свершений нет. Не найдена точная грань, отделяющая искусство кинодраматургии от драматургии театра. Не установлены черты поэтики звукового кино в его размежевании с немым. Быть может, чувствуя все это, Булгаков и создавал все новые варианты, а потом, сдав позиции, вступил в соавторство с Каростиным, точнее – «перешел» в его готовый и совсем иной сценарий в качестве «доработчика», оставив плоды собственной фантазии до поры храниться в архивных папках? Или опять изнемог от требований бесконечных переделок и поправок, от категорических резюме: «не отвечает требованиям» – и решил переложить большую часть этих тягот на молодые плечи кинорежиссера, ставшего соавтором? Так или иначе, но на четвертом варианте Булгаков, видимо, свернул свою работу над сценарием. И все же то, что осталось от нее в архиве, – это богатый материал для истории советского звукового кино в момент становления его как вида искусства.

Первая редакция сценария датирована 15 октября 1934 года. Она занимает 36 машинописных листов, не считая титульного [РО ГБЛ, ф. 562, к. 15, ед. хр. 8]. Здесь же на л. 37–40 сделанные 15 октября «Дополнения к конспекту». На титуле – авторское определение жанра: «кино-комедия по Гоголю», которое будет повторено во всех булгаковских редакциях сценария. Тексту предпослан тот же эпиграф, что и в комедии Гоголя: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». В дальнейшем, во второй и третьей редакциях, в поисках определяющей главное направление и пафоса кинокомедии мысли автор будет прикидывать в качестве эпиграфа то фразу из письма Гоголя, то цитату из текста «Ревизора»: «Я решился собрать все дурное, какое я только знал, и за одним разом над ним посмеяться, – вот происхождение “Ревизора”»; «...отсюда хоть три года скаки, ни до какого города не доедешь». В обоих случаях авторской рукой эпиграф вычеркнут из готового машинописного экземпляра: ни одна из этих фраз не раскрывала главного пафоса кинематографической комедии.

Первая редакция «Ревизора» еще очень тесно привязана композиционно к первоисточнику: пять ее частей соответствуют пяти актам гоголевской комедии. Но внутри каждой части идет активная перестройка событийного ряда, перевод с языка сценического зрелища на более подвижное во времени и пространстве зрелище кино. При этом автор, свободно фантазируя, вводит собственные диалоги – в духе, в стиле, «по мотивам» Гоголя. Действие первой части открывается не знаменитым: «Я пригласил вас, господа...», а диалогом Городничего с купцом Абдулиным, который идет параллельно с чтением только что полученного письма. Городничий собрался читать письмо, но входит Абдулин – в ермолке, в халате, со свертком казанского мыла в руках. «Улыбается восточной улыбкой». Происходит такая сцена-диалог:

– Городничий: Это что такое?

– Абдулин (с акцентом): Мыло.

– Городничий (схватив за бороду Абдулина): Ах, ты татарин!

– Абдулин: Да ведь ваши имянины, Антон Антонович, были на Антона.

– Городничий: И на Онуфрия мои имянины. (Берет письмо)

– Абдулин: Ах ты, Господи (тоскует).

– Городничий (вскрывает письмо, читает его про себя. По мере чтения веселеет. Внезапно лицо его меняется, становится серьезным, потом выражает ужас).

– Абдулин (смотрит с недоумением на городничего).

– Городничий (в ужасе смотрит в пол).

– Абдулин (недоумевая, все больше открывает рот).

– Городничий (немного опомнившись): Пошел вон!!

– Абдулин (бросается в дверь).

– Городничий: Мыло забери!!

– Абдулин (возвращается, схватывает сверток с мылом, бросается в дверь).

– Городничий (исступленно): Куда мыло поволок?!

– Абдулин (теряется, бросает сверток).

– Городничий: Зачем мыло бросил?! Анне Андреевне отнеси!! Туды его!! – Ах, ты, Господи!!

– Абдулин: Ах, ты, Господи (бросается с мылом в другую дверь).

– Городничий (в ужасе): Ах, ты, Господи! (крестится перед иконой. Кричит): Свистунов!!

Дверь распахивается, вбегает полицейский Свистунов [л. 1–2].

Сцена эта дает психологический фон жизни фантастического в своей дикости города. Она сложена из отдельных второстепенных реплик и намеков гоголевской комедии: Абдулин значится лишь в перечне действующих лиц как единственное лицо в безликом хоре купцов; реплика «Ах, ты, татарин» выхвачена из жалобной речи «одного из купцов» и вовсе не предполагает у Гоголя национального колорита – ермолки, халата, акцента, восточной улыбки; анекдотическая деталь – «имянины на Онуфрия» – тоже выделена из хоровой жалобы купцов на Городничего. Сцена в целом, сменяющаяся общей панорамой города, по которому в разные стороны разбегаются озабоченные полицейские курьеры, не отличается глубокой содержательностью. Создается впечатление, что пока Булгаков лишь примеривается к новому для него жанру, играет первом, пробует дать экранную, зримую форму самым незначительным, проходным репликам намекам гоголевского текста.

Только после двойной преамбулы (характеристика городничего, показ города) начинается, наконец, классическая сцена: «Я пригласил вас, господа...». В основе ее диалога – гоголевский текст, но вольно переработанный и прокомментированный зрелищными ремарками:

– Городничий (взволнованным тоном): Я пригласил вас, господа...

– Судья (поднявшись, бледнея): Как ревизор?

– Земляника (поднявшись): Как ревизор? [л. 2–3].

Кроме простейших форм превращения в зрелище разных словесных формул, отдельных реплик, в этом варианте есть и другого рода опыты: зрительные метафоры, обобщения авторской мысли. Таков, например, сон Городничего в первой части, где приснив-

шиеся ему две необыкновенно громадные крысы зрительно воплощают распространенную поговорку «тюремная крыса», то есть пророчат справедливый приговор прожженному мошеннику: «Комната превращается в тюрьму. Городничий в тюремном халате, в ручных кандалах стоит на койке, пятится. Две громадные крысы выходят из угла, медленно идут к нему. Городничий пытается сорвать кандалы. Срывает их, бросает в крыс. Крысы усмехаются...» [л. 4].

Во второй и третьей главах цепью кадров создается зрительный образ социального неравенства: сцена изгнания больных из лечебницы; сцена, где накрываются роскошный стол к приему ревизора, а фельдшер пишет на доске над каждой опустевшей кроватью: «Выздоровел» (в позднейших вариантах – «Виздоровел»); сцена, где в глазах подвыпившего Хлестакова Анна Андреевна вдруг теряет плоть, становится прозрачной и сквозь нее просвечивает: «Выздоровел»... [л. 12, 16].

Есть в этом варианте и первые попытки передать в зрямых кинообразах гоголевскую фантасмагорию, то есть пафос отрицания, доведенный до той точки, когда существующая, но нелепая реальность представляется фантастической. В ранней редакции сценария уже намечены остроумные сцены-видения, имеющие целью передать фантастическую реальность лихой хлестаковской лжи, в которой у Гоголя так отчетливо проступает «кривая рожа» действительности. Наряду со сценами чисто формального свойства (балерина в пачках на коленях Хлестакова под реплику «С хорошенькими актрисами знаком») есть и многозначительные: «стуманное изображение» Хлестакова в фельдмаршальском мундире, которое он рассматривает в зеркале. Этот кадр «подкрепляется» позднейшим, из четвертой части, где Хлестаков выпрашивает у судьи орден Святого Владимира и цепляет его на свой халат.

На особое место в серии кадров-видений пьяного Хлестакова в третьей части сразу же выдвинулась сцена, обусловленная репликой: «С Пушкиным на дружеской ноге». Известно, с каким пиететом относился Булгаков к личности и творчеству Пушкина и как близко и горестно воспринимал трагическую судьбу поэта. Практически он никогда не отвлекал своей мысли от этого сюжета, а вскоре за «Ревизором» уже должна была явиться в свет трагедия «Последние дни». Настойчиво повторяющаяся от редакции к редакции сценария сцена-кадр «С Пушкиным на дружеской ноге» – своего рода эквивалент историко-биографической трагедии о великом поэте. Булгаков вложил в этот кадр много творческой страсти, чтобы передать кощунственный смысл хлестаковской реплики, чтобы она воплотилась на экране как одна из тех «мелочных обид», позорная тяжесть которых добыла поэта.

В первой редакции кинокомедии кадр намечен так: под реплику Хлестакова появляется на экране «всклокоченный, совершенно пьяный Пушкин, чокается мадерой с Хлестаковым» [л. 17]. В последующих редакциях сцена менялась, варьировались детали, которые должны были усилить ее трагикомический эффект: поэт – и чернь, гений – в кривом зеркале сознания пьяного ничтожества, ошельмованное величие

– как горький факт фантастической николаевской действительности.

Во второй редакции [ед. хр. 9] сцена с Пушкиным выглядит так: «Марья Антоновна исчезает, и вместо нее появляется юный Лермонтов в юнкерском мундире». Карандашом в машинописный текст добавлено: «Здорово, брат Пушкин! Лермонтов (сурохо). Я не Пушкин!..» [л. 19].

В следующей, третьей редакции [ед. хр. 10] сцена разрослась, приобрела некоторую сюжетную самостоятельность:

«Гранитная набережная в Петербурге. У набережной в пальто и в цилиндрах стоят баснописец Крылов, Жуковский и Пушкин. Увидев подходящего к ним Хлестакова, радостно восклицают: аа!

Хлестаков обнимается с Крыловым и с Жуковским, треплет по плечу Пушкина.

– Хлестаков: Ну что, брат Пушкин?

– Пушкин (мрачно): Да так, брат, как-то все...

Хлестаков подмигивает Крылову на Пушкина, смеется: Большой оригинал!» [л. 18–19].

Едва закончив конспект первой редакции сценического материала, Булгаков этим же числом (15 окт.), войдя во вкус работы, набросал к нему ряд дополнений, еще не развернутых в сцены замыслов и наметок: сцена игры в карты Хлестакова с проезжим штабс-капитаном как завязка сюжета; пейзажные кадры с настроением: дорога, дождь, дрянной экипаж; новые штрихи городского интерьера: солдат на часах в мундире и сапогах, но без штанов, урок в уездном училище с появлением тени Александра Македонского... Дальше идут и во все отрывочные «наметки»:

«По приезде Хлестакова квартальные со шпагами гоняются за гусями.

Показать суд.

Показать школу (“учитель – гrimасы”)

“Сцена сумасшествия городничего; появление Гибнера с каплями”

“Соломенная веха”

Дамы в спальне – раздетые.

История со штанами.

Мечтания Хлестакова о приезде в деревню (без штанов).

Как Осип крестился на штаны» [л. 39–40].

В этом варианте сценария еще очень много черт традиционной для немого кино «комической»; трюков, рассчитанных на смех и только: унтер-офицерша показывает голый зад, солдат без штанов, штаны Хлестакова в разных ситуациях и т.д. Но в целом замысел автора передать в киноленте, языком иного искусства гоголевский сплав: смех, боль, гнев, глубокая дума – уже определился и в этом первом, для самого автора, по-видимому, только рабочем, пробном варианте. Едва закончив его, он тут же пишет к нему добавления, а с учетом этих последних уже 24 октября создает вторую редакцию, во многом отличную от первой.

На хранящемся в архиве экземпляре второго варианта рукой Елены Сергеевны карандашом надписано: «2-й вариант (представлен, как первый)» [РО ГБЛ, ф. 562, к. 15, ед. хр. 9, тит. лист]. 26 октября в тексте сделаны поправки, в частности, вычеркнут предполагавшийся эпиграф («Я решился собрать все дурное...»), и окончательно выставлена именно эта

дата завершения договорной работы. На титуле к определению жанра красным карандашом подписано: «конспект».

Композиция из пяти частей, соответствующих пяти актам комедии, сохранилась и здесь, но внутри каждой появились новые сцены (некоторые из них – по программе дополнений к первому варианту): сцена-экспозиция в гостинице «Пенза», где крупным планом даны в последовательной смене три состояния петербургского щеголя – в начале игры, в ее разгар и в плачевном конце, где он стоит «с испытым и убитым лицом», а Осип смотрит на него – «с выражением ужаса» [л. 1–2]; сцена сумасшествия Городничего в финале («Вижу свиньи рыла вместо лиц»): «Городничий в больничном колпаке, в халате улыбается слабо-умно. Сидит на крыльце. Перед ним – лужа, свиньи» [л. 37]. Расцвечены новым фейерверком выдумкой сцены-видения хлестаковского вранья: «с хорошенъкими актрисами знаком» – чиновники превращаются в балерин, а в центре «Городничий, декольтированный, в балетной пачке, с голыми руками» [л. 19]; «департаментом управлял» – целый сюжет: пустое кресло, все ищут «куда-то уехавшего» директора, над столом – портрет 35-летнего Николая I, по дождливой улице Петербурга под реплику «35 тыс. курьеров» бежит один-единственный рассыльный [л. 20]; карандашом в готовый текст вписана сцена дворцового виста: «французский посланник туманится и превращается в пехотного капитана. Хлестаков грозит ему кулаком» [л. 20].

Гоголевское слово в этом варианте как самоценное почти не существует, переведено в зримые эквиваленты. Диалоги сокращены до предела, их текст набран крупным шрифтом, приготовлен не для человеческого голоса, а для надписей на экране, из оставшихся реплик исчез прославленный гоголевский иронический подтекст. Например, знаменитая реплика Анны Андреевны: «я в некотором роде... я замужем» звучит здесь просто: «я замужем» – «это ничего» [л. 29], сразу лишаясь своей характеристической значимости. Вторая часть сцены в гостинице построена почти без слов. Городничий, например, только «делает жест, означающий: “Вынеси, любезный, чемодан”» [л. 15].

И все же Булгаков готовил сценарий для звукового кино, имея в виду использовать техническое открытие (кинетофон) для создания содержательного звукового (музыкального) образа фильма, который ранее создавался за пределами киноленты: в большом кинотеатре – специальным оркестром, в маленьком – тапером. Пока еще не очень уверенно и последовательно кинодраматург-экспериментатор пробует роль звука в кино: «Послышалась какофония – где-то прошуют трубы» – это в первой части образное выражение суматохи, связанной с подготовкой встречи внезапно свалившегося ревизора [л. 10]; «Ямщик что-то кричит тонким и пронзительным голосом» – это в четвертой части, в сцене поспешной ретировки минимого ревизора [л. 31].

Как и первый вариант, этот сценарий, хоть и завершен, не производит впечатления вполне цельного по художественной мысли произведения. Будто его автор уже оторвался от замысла гоголевского текста

(вычеркнул эпиграф: «вот происхождение “Ревизора”»), но еще не обрел четкой мысли: чем должен быть кино-«Ревизор» для советского зрителя тридцатых годов, в год столетнего юбилея существования шедевра Гоголя-драматурга (1835–1935).

Но, играя формой, устанавливая принципы перевода словесно-драматического произведения на язык киноискусства, он уже нащупывает эту главную мысль, главное задание. Опять, как и в случае с «Мертвыми душами» в театре и в кино, он ищет способ ввести в систему образов сценария «Первого»; оживить, сделать зримым то единственное «честное лицо» комедии, которое называл сам Гоголь, – его горестно-ироничный смех, необходимую составную часть его величественно-недоуменной думы о России.

Не обусловленный событийной логикой (или очень слабо ею обусловленный), всякий раз приходя откуда-то извне сюжета, настойчивым лирическим лейтмотивом зазвучал и здесь мотив дороги и тройки: «Деревня за городом. Ельник. Бешено мчится тройка с Хлестаковым и Осипом. Ямщик что-то кричит тонким и пронзительным голосом» [л. 31]; «Луна. Ельник. Дорога. Проносится тройка» [л. 37] и т.д.

Сценарий был представлен на рассмотрение заказчику и, видимо, подвергся резкой критике, судя по факту появления третьей редакции, тоже значительно отличающейся от двух предыдущих. Она датирована 9 янв. 1935 года, содержит в себе 31 машинописную страницу с авторской (?) правкой. В углу титульного листа пометка: «Либретто» [РО ГБЛ, ф. 562, к. 15, ед. хр. 10].

По этому тексту легко реконструировать, какая именно работа была проведена «Украинфильмом» с автором-сценаристом. Исчезла из сценария почти вся фантасмагория и лирика, усилился бытовой образ захолустья: недаром в качестве эпиграфа к этой редакции Булгаков взял было слова Городничего: «...отсюда хоть три года скачи...».

Центральным образом фильма стала огромная, почти символическая лужа перед зданием суда, которая все время «играет»: ее вброд переходит дьячок, а верхом на нем священник, благословляющий Свистунова; потом через нее наскоро перебрасывают мостки, застеленные узким ковром, – для ревизора. Развернуты в сцены все посещения Хлестаковым ведомственных учреждений, неузнаваемо преображенными: суд с обновленной мебелью («А где же дела? – Решены все»); чистенький класс, где ученики поют «Гром победы раздавайся», а Хлестаков гладит по голове мальчишку, искавшего Париж в океане; в богоугодном заведении над всеми кроватями дощечки «Виздоровел» и только одного «больного» – местного сторожа доктор Гибнер поит лекарством («А где же остальные больные? – Все выздоровели, ваше превосходительство! Они у нас, как мухи, выздоравливают») [л. 15–16].

Появились кадры, оживляющие голодные страдания мнимого ревизора: изголодавшийся Хлестаков охотится на кур [л. 8]. Лирический в предыдущей редакции образ тройки здесь заземлен, превращен в чисто бытовой аксессуар: на станции тройка Хлестакова встречается с казенной курьерской, везущей в город подлинного ревизора [л. 28]; в finale тройка

ревизора влетает в город, а сам он появляется в гостиной дома Городничего [л. 30].

В этой редакции заняло почетное место собственное гоголевское слово: восстановлены целые диалоги (они выделены в тексте крупным шрифтом, но предназначены для голоса, а не для экраных надписей); вернулось в реплику Анны Андреевны и ее неповторимое «в некотором роде»...

Из общего стиля этого добротного, реалистичного сценария, восстановившего лишь один гоголевский образ: захолустной и полудикой России николаевской поры («хоть три года скачи...»), выбилась лишь гротеская фантастическая сцена напоминанием о неистребимом пристрастии Булгакова к гоголевской фантасмагории. Это сцена-видение Хлестакова о том, как он однажды департаментом управлял. Кабинет. «Все необыкновенных размеров: величина с четырехэтажный дом – портрет Николая I; письменный стол, как двухэтажный дом; свечи на столе, как верстовые столбы; чернильница, как купель; перо, как дерево; и среди всего этого – малосенький и очень грозный Хлестаков» [л. 20].

Несколько обуздав яркую фантазию, Булгаков и в этом варианте сценария продолжает наглядно учиться языку кино: осваивает звук, свет («Церковь. Один бок выбелен луной, другой погружен в тьму» [л. 1]), пейзажную панораму (вид города, дом снаружи, интерьер дома), сочетание близких и дальних планов, технику передачи невидимого – снов, видений (во сне Городничий швыряет в крыс не настоящим, а туманным подсвечником, который летит бесшумно [л. 1]) и т.д.

Видимо, и этот вариант сценария заказчика не удовлетворил: работа продолжалась, но получила новый поворот. Словно компенсируя себе утраты и самоограничения, Булгаков дает волю воображению – и создает четвертую, самую необычную редакцию. На ее титульном листе рукою автора означен характер этой необычности: «Редакция с кукольным театром» [РО ГБЛ, ф. 562, к. 15, ед. хр. 11].

В этом варианте фантазии дан широкий простор. Восстановлен отовсюду решительно изъятый прежде главный для Булгакова образ «Первого» в его самой открытой ипостаси – самого Гоголя, изображенного в момент зарождения замысла и начала работы над комедией «Ревизор». Ночь в Петербурге. Камин в «безобразной комнате». Стол. Кресло. В кресле – «почти совсем спиной к зрителю, сидит, сгорбившись, человек. Длинные и жидкые пряди волос. Тень на стене показывает на столе его профиль, длинный, острый нос» [л. 2]. Человек в кресле видит сон: «зеркальную витрину магазина, и в этой витрине показываются яркие, раскрашенные куклы» [л. 2]. Они двигаются, живут, возникает образ фантастического, гротескного города щедринского стиля: городничий заглядывает все, что попадает ему под руку: окорока, битую птицу, балыки, колбасы, штуки материй, посуду, шали, ковры и т.д. [л. 3].

Далее действие раздваивается: спящий, проснувшись, выводит гусиным пером начало пьесы, и она течет в двух руслах – с живыми персонажами и большим количеством гротескного текста – и безмолвно, в кукольных гротескных образах в освещенной игрушечной витрине.

Видимой и последовательной логики в распределении сцен по двум этим руслам нет. В основном «игрушечны» все сцены наведения призрачного порядка в городе перед явлением ревизора, а также видения мечты Хлестакова и других персонажей. Но почему-то в этом же ряду оказалась и сильно разросшаяся проходная сцена распечатывания почтмейстером разоблачительного письма Хлестакова другу Тряпичкину. Разбив печать долотом, кукла-почтмейстер входит в это письмо и разгуливает там меж строк, изучая его, поражаясь и пугаясь его содержания (чуть ранее точно так же ползали чиновники по строкам письма, полученного городничим) [л. 4, 28–29].

Видимо, автор сценария только «прикидывал» найденный прием к гоголевскому тексту, увлекаясь в первую очередь именно возможностями приема. Куклы позволяли сдвигать планы, синтезировать разные по пафосу пласти: патетический, лирический, саркастический. Так, например, постоянный у Булгакова-инсценировщика Гоголя образ тройки здесь вошел в такой симбиоз: летит неудержимая тройка, мелькают версты и сосны, а меж ними – «замелькали фигуры чиновников со свиными рылами» [л. 30].

В финале сценария – снова петербургская комната с камином. «Человек встает из-за стола, задумывается. В фигуре его недоумение» [л. 31–32]. Булгаков делает еще одно усилие реализовать в образной системе нового искусства задачу, которую точно сформулировал еще тогда, когда приступил к инсценировке «Мертвых душ»: «... чтобы представить поэму Гоголя на экране, ее надлежит подвергнуть значительной ревизии в том плане, чтобы события, совершающиеся в ней, были видны с точки зрения современного человека» [3, с. 71].

Итак, фигура Гоголя в фильме выражает горькое недоумение. Разрешить это недоумение берется «современный человек», то есть Булгаков. Его историко-философское разъяснение давнего «недоумения» примерно таково: причина всех фантастических безобразий – деспотическая, «бессудная» власть, здесь конкретно – николаевский деспотизм, ушедший в дальние просторы истории и памяти. В сценарии эта сила «зашифрована» в образы космического масштаба и в крупные гротески. Фильм должен был начинаться – в просторах бесконечности: «Межпланетное пространство. Сышен гудящий звук струны. Из тьмы вылетает на зрителя и медленно летит, поворачиваясь вокруг своей оси, земной шар» [л. 1]. Шар приближается, поворачивается той стороной, где Россия. На нем, прикрывая собой всю европейскую часть страны, сидит Николай I: «... сидит, правой рукой опираясь на то место, где находится Петербург, а ботфортаами упираясь в Черное море» [л. 1]. Шар подвигается еще ближе, разрастается Петербург, на экране развертывается панorama города, а над ним – «в небе лежит тяжелая туча, очертаниями смутно напоминающая человека в шляпе с разметанным султаном, в ботфортах и в плаще». И уже потом: комната с камином, а в ней тяжело недоумевающий человек, озабоченный судьбою России, – Н.В. Гоголь.

В этой системе образов все прозрачно и однозначно: и содержание каждого символа-гротеска, и их иерархия, отражающая движение постоянной булгаковской мысли о деспотизме («бессудной власти») и его губительных для общества нравственных последствиях: от общечеловеческой (всечеловеческой) масштабной постановки этой проблемы к конкретно историческому ее варианту, а отсюда – в глубины художнического сознания, персонифицированного темью любимого учителя, Гоголя и его ожившим в образах воображением.

В конце сценария весь этот образный ряд проходит в обратном порядке: объектив киноаппарата ведет зрителя из комнаты Гоголя на улицы Петербурга... Карта... Николай, поправший Россию... «Земной шар летит под звуки военной музыки. Темнеет. Звук военной музыки переходит в долгий звук струны. Шар исчезает...» [л. 32].

Может быть, к тому времени, когда создавался этот вариант сценария, уже существовало соавторство М. Булгакова – М. Каростина: известно, что через несколько дней после его завершения (5 марта) Булгаков предложил «Украинфильму» ввести имя молодого режиссера в договор на сценарий, а гонорар поделить пополам [3, с. 80]. Возможно также, что это была последняя попытка создать сценарий по своим представлениям о кино и о Гоголе, которая встретила новые возражения, после чего писатель сдал позиции и согласился на соавторство – для новых переделок или для работы над совсем новым, уже не своим вариантом. Во всяком случае, ясно, что этот последний, четвертый вариант кинокомедии по Гоголю содержит в себе больше собственно булгаковских художественных идей, заявленных еще работой над «Мертвыми душами», чем три предыдущих. И наоборот: пятый по общему счету вариант сценария, авторами которого названы уже двое – М. Булгаков и М. Каростин, а название изменено на «Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю)», отстоит от сложившегося булгаковского стиля значительно дальше⁷.

Это тот вариант, который был создан Каростиным и в который «доработчиком» вошел Булгаков, истощивший энтузиазм и терпение в неравной борьбе с заказчиком, еще не определившим своих представлений о законах сценарного искусства и требований к кинодраматургии. «Результатом этого содружества к концу года возник еще один договор между соавторами, по которому Булгакову причиталось уже 25% общей суммы гонорара, а Каростину соответственно – 75%, в соответствии с размерами произведенной работы каждым из соавторов» [3, с. 80]⁸. Ясно, что речь идет здесь не об объеме работы Булгакова над сценарием «Ревизора» в целом (это объем измеряется высказанным), но лишь о мере его вмешательства в этот, уже не его вариант («Творчество Каростина»!).

⁷ В архиве М. Булгакова в ГБЛ хранится литографированный экземпляр с грифом: «Только для участников сценарно-производственной конференции». Цедрам. М., 1935. [фонд 562, к. 15, ед. хр. 12]. На обложке архивного экземпляра надпись карандашом: «Творчество Каростина. Е. Булгакова».

⁸ Близко знавший Булгакова в эти годы киносценарист С. Ермолинский вспоминает: «Работа с кинорежиссерами ошеломила его... Я успокаивал его, говоря, что все, что происходит с его сценарием, – нормально, не выходит из обычных кинематографических мытарств... режиссеры незаметно становятся соавторами сценария... это, хотя слегка и бьет по карману, но зато вселяет надежду, что фильмы будут осуществлены» [10, с. 637].

который он, вероятно, лишь подшлифовал, как делал это в свое время со сценами «Пиквикского клуба», созданными еще неопытной рукой Н. Векстерн. Если начисто забыть о четырех редакциях сценария по «Ревизору» в бумагах Булгакова, сохраняющих блестящий каскад художественных выдумок и глубокую конгениальность Гоголя; если попытаться произвести подсчет «произведенной работы» только по тексту «Необычайного происшествия», то, честно говоря, Булгакова там нет и на 25%».

Этот сценарий – явление иного художественного уровня и характера. Из него исчезла вся гоголевско-булгаковская фантасмагория: видения, мечтания, оживающие мысли героев. Действие развивается только в сфере быта на уровне комического гротеска, как в немых «комических» 20-х годов. Например, в гостинице, где остановился Хлестаков, дважды готовится обед «для пятого номера» – **до и после** посещения городничим мнимого ревизора. **До** процедура выглядит так: повар плюснул в кастрюльку помоев (буквально по реплике Хлестакова: «Ты просто воды налил в чашку»), вырвал из куриного хвоста и побросал туда несколько перьев (опять буквально: «какие-то перья плавают») – и все это щедро сдобрил солью и перцем. **После** – гротесковая комедийная сцена, апофеоз гурманства: «И началось. В громадной кастрюле исчезали бараны, гуси, куры, кусками летело масло, яйца. Вырастали крепости из теста, на которых затейливо лепились шапки крема» [с. 119, 122].

Сцены осмотра приведенных в порядок городских учреждений (тюрьма, училище, больница) унифицированы, лишились колорита и выдумки: повсюду «ревизора» встречают едиными возгласами: «Здравия желаем... всем довольны» [с. 123].

Комический гротеск местами достигает уровня балаганного стиля: грубо и развлекательно, лишенного грустного подтекста («сквозь слезы»). Распоясавшийся Хлестаков тащит городничих в спальню, а там смертельно пугается ее пылкого темперамента. Озадаченный супруг поначалу по соображениям семейной чести гневается, но затем, рассчитав выгоду, оставляет все как есть, игнорируя насмешки подчиненных [с. 126]. Сцены с просителями упрощены, если не сказать – банальны. Слесарша, которую не велено допускать к «ревизору», подбирается к входу вдоль стены на четвереньках, а обнаруженная – «метнулась щукой и впилась зубами в зад Свистунова» [с. 129–130].

В круговерти смешной и грубо-нелепицы (тоже фантасмагория, но другого рода) четко проложена система эпизодов, оживившая житейскую мудрость Земляники о роли и технике взяточничества в «благоустроенном обществе». А в ней особенно интересны придуманные кадры-ретроспекты, которых нет в пьесе Гоголя, но которые созданы в манере Гоголя. Настоящий, еще не прибывший, но уже приближающийся к городу ревизор показан в тот миг, когда он вручает взятку вельможе за указ, дающий ему выгодное право на ревизию. На стене за спиной вельможи – «огромный портрет Николая Палкина с протянутой рукой, как бы для принятия взятки...» [с. 128]. Может, эта сцена и есть булгаковский «процент» в сценарии? – во всех предыдущих вариантах у него неиз-

бежно фигурировал портрет Николая I, он же – «Палкин».

После классической немой сцены в сценарии Булгакова–Каростина губернатор едет в гостиницу к новому ревизору, некоторое время пребывает в его новомере невидимый и выходит со вздохом облегчения: «Взял» [с. 134]. Тема ведомственных злоупотреблений в «благоустроенном» государстве, практически – вечная сатирическая тема – в этом варианте сценария выдвинулась на первый план, стала идейным стержнем произведения. Этот факт авторами декларирован с самого начала. Эпизод, где Бобчинский «выкупает» у почтarya письмо для городничего, так прокомментирован здесь: «эта маленькая лента, первая взятка в фильме» [с. 113]. Это и обещание, что в сюжете она – не единственная и не последняя, и сознательное выдвижение на первый план темы административных злоупотреблений.

В россыпи комических кинотрюков, насытивших сценарий, один – видимо, булгаковский; он дважды повторен и перекликается с его сценариями-заготовками. Читается письмо, и между его строк возникает сначала малая точка, которая затем растет, превращаясь в лихую тройку. Тройка вихрем летит вдоль строчек, отсчитывая, как версты, слова и знаки препинания, подчеркивая их значимость [с. 113, 134]. Эпизод вызывает в памяти кадры «варианта с куклами», где чиновники ползали вдоль строчек гигантских писем, вычитывая потаенный смысл страшных слов.

По сценарию Булгакова–Каростина начались в 1936 году на «Украинфильме» съемки киноленты «Ревизор», задуманной как юбилейная к столетию премьеры гоголевской пьесы в Александрийском театре. Участники съемок – оператор Н. Топчий и художник А. Бобровников – позже вспоминали, что работа над фильмом шла в атмосфере веселой творческой импровизации: «Очень экспансивный Михаил Каростин вынашивал множество идей, которые выплескивал на съемочной площадке...». «Каростин и Мартинсон <исполнитель роли Хлестакова> все время придумывали новые решения» [9, с. 111]. Таким образом «процент» участия Булгакова в создании этого фильма все время снижался.

Фрагменты фильма, просмотренные работниками ГУКФ в начале 1936 года, вызвали недовольство. В феврале, выступая на дискуссии в Доме кино в Москве, А.П. Довженко дал им оценку более чем суровую: «В этом фильме отсутствует художественная правда. Постановщик извращает смысл и содержание классического произведения Гоголя... Способный молодой режиссер с первых своих шагов запутался в формалистической паутине...» (Советское искусство. 1936. 29 февраля).

«Формалистическая паутина» – типичная оценочная формула тех лет. Она не всегда адекватно определяла суть художественного явления, и в сегодняшних суждениях мы этот факт учтываем. Но в оценке Довженко важнее уловить главную мысль: постановщик и сценарист если уж не «исказил», то явно укрутил и раздробил смысл гоголевской комедии на множество сатирических эпизодов, поступился чем-то более важным, не сохранил специфики гоголевского смеха – «сквозь слезы». А ведь именно это стремле-

ние объединило в одно цельное, хотя и незавершенное произведение четыре булгаковских попытки создать сценарий для фильма «Ревизор».

Литература

1. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Тынянов. – Москва: Наука, 1977.
2. Пырьев, И.А. Избранные произведения: в 2 т. / И.А. Пырьев. – Москва: Искусство, 1978. – Т. I.
3. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 г. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 71–80.
4. Гоголь, Н.В. Собрание художественных произведений: в 5 т. / Н.В. Гоголь. – Москва, 1960. – Т. 5.

5. Пырьев, И.А. Избранные произведения: в 2 т. / И.А. Пырьев. – Москва: Искусство, 1978. – Т. 2.

6. Паустовский, К.Г. Повесть о жизни / К.Г. Паустовский. – Москва: Советская Россия, 1966. – Т. 2.

7. Козинцев, Г.М. Собрание сочинений: в 5 т. / Г.М. Козинцев. – Ленинград: Искусство, 1982. – Т. 1.

8. Файман, Г. Заметки читателя / Г. Файман // Вопросы литературы. – 1981. – № 12. – С. 195–211.

9. Деревянко, Т. Из истории постановки фильма «Ревизор» / Т. Деревянко // Искусство кино. – 1983. – № 9.

10. Ермолинский, С. Драматургические сочинения / С. Ермолинский. – Москва: Искусство, 1982.

Рецензент – С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ.

Yu.V. Babicheva

THE TORMENT OF TANTALUS: M. BULGAKOV AS A SCREENWRITER

In 1930s, M. Bulgakov made a number of attempts to write film scripts based on his favourite fictional works by N.V. Gogol: three versions of 'Dead Souls', and four versions of 'The Government Inspector'. Yu.V. Babicheva's materials on M. Bulgakov's film scripts were written at the end of 1980s.

M. Bulgakov, film scripts, 'Dead Souls', 'The Government Inspector'.

УДК 821.161.1 + 82.081

С.Ю. Баранов

Вологодский государственный университет

СЮЖЕТНАЯ СИТУАЦИЯ «ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА С ФРОНТА» И ВАРИАНТЫ ЕЕ РАЗРАБОТКИ (А. Платонов, Э. Казакевич, В. Белов)

Статья первая

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»

В статье рассматривается характерная для литературы послевоенных лет сюжетная ситуация «Возвращение солдата с фронта». Описывается ее образная структура, устанавливается связь с художественными традициями, а также зависимость от социально-исторического контекста. Материалом для рассмотрения путей интерпретации данной ситуации в литературном творчестве являются произведения А. Платонова, Э. Казакевича и В. Белова.

Амплификация, война, идеологема, контекст, «оттепель», психологизм, рассказ, сюжетная ситуация, тенденциозность, экзистенциальность.

Как особую сюжетную ситуацию «Возвращение солдата с фронта» впервые выделил, осмыслил и обстоятельно прокомментировал С.М. Эйзенштейн. В 1933–1934 годах он читал в ГИКе (Государственном институте кинематографии) курс лекций, материалы которого положил затем в основу учебника «Режиссура. Искусство мизансцены». Работа над этим учебником не была завершена, но текст сохранившейся объемистой рукописи занял почти весь четвертый том собрания сочинений Эйзенштейна, изданный в 1966 году, и стал, таким образом, доступным для читателя.

Согласно опубликованной рукописи, всю работу со студентами на протяжении учебного года Эйзенштейн строил на детальном разборе одной ситуации, которую описал так: «Солдат возвращается с фронта. Обнаруживает, что за время его отсутствия у жены родился ребенок от другого. Бросает ее» [35, с. 16]. Если исходить из широко распространенного представления о сюжетной ситуации как о некоем конфликтном состоянии, которое, во-первых, основано на «определенном взаимоотношении лиц в пределах времени между меняющими это взаимоотношение

событиями» [15, с. 79] и, во-вторых, провоцирует дальнейшее развитие действия, то в этом описании обозначена не одна, а несколько сменяющих, поочередно конкретизирующих друг друга и выстраивающихся в сюжетный ряд (образующих событийный костяк) ситуаций.

Возвращение солдата с фронта конфликтно само по себе уже потому, что происходит «пересечение границы семантических полей» [13, с. 224]: герой перемещается из «освоенной» им сферы фронтового быта в сферу изменившейся за время его отсутствия и потому мало знакомой ему в нынешнем состоянии «гражданской» жизни. Обнаружение чужого ребенка представляет собой один из вариантов развития исходного положения, но может рассматриваться и как самостоятельная сюжетная ситуация (вернувшийся с фронта солдат узнает о родившемся не от него ребенке). Уход солдата от изменившей ему жены – реализация одной из возможностей разрешения предыдущего конфликта и в то же время воплощение нового нравственно-психологического противоречия, приведшего к распаду семьи (нежелание вернувшегося фронтовика мириться с изменой жены). В процессе чтения курса эту цепочку сюжетных ситуаций Эйзенштейн дополнил еще одним звеном: ушедший был солдат возвращается к жене и прощает ее. В соответствии с намеченным планом занятий со студентами режиссер предполагал рассмотреть предложенное задание в нескольких жанрово-стилевых аспектах: мелодраматическом, патетическом и комическом. Первоначальная трехчастная его формулировка соответствовала установке на мелодраматизм. Дополнение этой формулировки четвертым элементом вывело задание, по замыслу Эйзенштейна, на «патетический» (собственно драматический) уровень, поскольку конфликт и его разрешение обретали большую нравственно-психологическую глубину [35, с. 259–275]. Таким образом, событийный ряд, предложенный Эйзенштейном для мизансценировки разработки, получал следующий вид: 1) солдат возвращается с фронта, 2) обнаруживает рожденного не от него ребенка, 3) уходит из дома, 4) возвращается к жене и прощает ее. Этот ряд может быть квалифицирован как фабула (схема поэтапного развития действия во временной последовательности).

Учитывая задачи курса, Эйзенштейн сознательно освобождал жизненный материал от культурно-бытовой конкретики, обозначал его «сурою и сухою». На данном этапе обучения он стремился к тому, чтобы дать студентам «понять и усвоить общие принципы конструирования событий, элементы структуры, элементы разворачивания сценарного задания и правильного выстраивания действия», избегая нагромождения известных им по собственному опыту бытовых деталей «без учета основной композиционной структуры» [35, с. 18]. Такое «нагромождение», по его мнению, неизбежно случилось бы, если бы названные в задании события происходили в России, пережившей в первой четверти XX столетия три войны: Русско-японскую, Перову мировую и Гражданскую. Поэтому местом действия им была «ориентировано» названа Германия «после империалистической войны», студентам практически неизвестная и потому

воспринимаемая ими как некое условное пространство, удобное для постижения основ конструирования мизансцен. Это, однако, не означало принципиально-игнорирования детализации материала в ходе режиссерского развертывания исходной ситуации. В перспективе Эйзенштейн намеревался в совместной работе со студентами «проследить, как разыгрывается, разрастается – «амплифицируется» – в затейливый ветвистый узор эта исходная, казалось бы, сухая ветка, как она начинает распускаться, цветти неожиданными красками, на определенных моментах собираясь в ягодки сочной игры сценических деталей» [35, с. 16]. При этом он намечал два перспективных плана: ближайший, обусловленный задачами преподаваемого курса, и отдаленный, связанный с будущей профессиональной деятельностью слушателей, с самостоятельной постановкой ими фильмов. И если для первого из них наиболее актуальным оказался «отбор и комбинирование наиболее выгодных и интенсивных элементов», общих конструктивных принципов, то на втором огромную значимость приобретало художественное воплощение «материала событий <...> во всей полноте типических деталей в типических условиях», т.е. в их социально-психологической и бытовой конкретности [35, с. 19]. «Амплификация» цепочки сюжетных ситуаций может быть интерпретирована как процесс трансформирования фабулы в сюжет.

Мизансценирование ситуации «Возвращение солдата с фронта» сопровождается у Эйзенштейна огромным количеством отсылок к философии, психологии, социологии, театру, кино, литературе, живописи, архитектуре, музыке, декоративному искусству разных эпох, стран и народов и получает значение не только практически-прикладное, но и общетеоретическое, выходящее далеко за рамки режиссуры как таковой. Постоянная апелляция к художественному опыту, накопленному литературой, обретает у него особую значимость: во-первых, потому что литература, как и кино, искусство сюжетное, основанное на «развертывании исходных ситуаций» во времени, во-вторых, потому что в литературе представлены ярчайшие образцы анализа межчеловеческих отношений, в-третьих, потому что литература, как искусство вербальное, является удобным предметом для эффективной речевой коммуникации в педагогическом процессе.

Сюжетная ситуация «Возвращение солдата с фронта» (в более общей формулировке «Возвращение воина с полей сражений»)¹ воспроизвелаась в кино, театре, в изобразительном искусстве и литературе многократно. Неслучайно, характеризуя предлагаемое студентам задание, Эйзенштейн называл его «тематически освоенным», «традиционным» и даже «затасканным». Однако им обращалось внимание на то, что и оно при творческом подходе может дать интересный, художественно значимый результат. Ситуация, о которой идет речь, легла, например, в основу упоми-

¹ Оба варианта, обозначенные этими формулировками, являются частными случаями еще более общей сюжетной ситуации мировой культуры «Возвращение» (см. о ней: [26]). В русской литературе второй половины XX века она становится одной из самых распространенных [30, с. 58].

наемного в работах Эйзенштейна, соответствующего его заданию по времени и месту действия романа Э.М. Ремарка «Возвращение»² [35, с. 383]. Обращаясь к русской литературе, можно было бы вспомнить «Тихий Дон» М.А. Шолохова, где она воспроизводится несколько раз и играет принципиально важную роль для реализации замысла писателя. Если же рассматривать ее в глубокой временной перспективе, то начать, по-видимому, пришлось бы с «Одиссеей».

Говоря об укорененности ситуации «Возвращение солдата с фронта» в литературе, о длительной традиции ее использования, нельзя упускать из вида, что она есть отражение, воспроизведение одной из типичных жизненных ситуаций, существование которых позволяет говорить о реализации в повседневных отношениях и поведении людей социально-психологических сюжетных схем, характеризующихся устойчивостью и повторяемостью. Еще А.Н. Веселовским был поставлен вопрос о «типических схемах, захватывающих положения бытовой действительности; однородных или сходных, потому что всюду они были выражением одних и тех же впечатлений; схемах, передававшихся в ряду поколений, как готовые формулы, способные оживиться новым настроением, стать символом, вызвать новообразования...». Данное представление было положено в основу разработанной им теории сюжета. Он писал: «Сюжеты – это сложные схемы, в образности которых обобщались известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности» [5, с. 494, 495]. Теоретические построения Веселовского выводились из мифологии, фольклора и древней словесности. Близкий по времени материал он предпочитал не использовать, полагая, что «сложная сюжетность и фотографическое воспроизведение действительности» в современной ему литературе препятствуют обнаружению в ней «готовых типических формул» и что это станет возможным лишь по истечении длительного времени, когда взгляд на эту литературу упростится и схематизируется. Однако работу по обнаружению таких формул и в литературе нового времени, и в текущей литературе уже на рубеже 1910–1920-х годов начали русские формалисты. Правда, они предпочитали рассматривать литературу как совокупность приемов, связь ее с действительностью их мало интересовала. Эйзенштейн учтивал опыт формалистов, но в режиссерском анализе ситуации «Возвращение солдата с фронта» был более близок не к ним, а к Веселовскому. Только если Веселовский, как литературовед, шел от историко-культурного материала к схеме, фиксирующей «однородные положения бытовой действительности», то Эйзенштейн, как режиссер, двигался в обратном направлении – от «известного акта человеческой жизни и психики» к сценическому (кинематографическому) тексту постановки, «амплифицирующему» этот акт³.

Ситуация «Возвращение солдата с фронта» режиссерски разрабатывалась и теоретически осмысливалась

Эйзенштейном в первой половине 1930-х годов. В 1940-х годах она вновь стала социально-психологической реальностью и получила широкое отражение как в литературе, так и в других видах искусства.

В названных ранее произведениях – «Одиссее», «Тихом Доне» и «Возвращении» Ремарка – нет чужого ребенка, столь важного для развития действия у Эйзенштейна. Тематическая связь этих произведений с его режиссерским заданием самая общая, основанная на лишь исходном положении – «Солдат возвращается с фронта». Тем не менее, примеры более полного соответствия выстроенной им ситуативной цепочки в литературе имеются. Поскольку это не учебные упражнения, а завершенные художественные произведения, в них наличествуют как общие конструктивные принципы, отмеченные Эйзенштейном, так и «амплификация» исходной ситуации посредством разработки социально-исторического и бытового фона, интерпретации и нюансировки нравственно-психологического конфликта, функциональной, портретной, поведенческой и характерологической конкретизации образов персонажей. Априори можно назвать несколько факторов, определяющих ход «амплификации»: социально-историческая приуроченность ситуации «Возвращение солдата с фронта», ее идеологический статус в момент создания произведения, литературный контекст, особенности творческой индивидуальности писателя (прежде всего – его мировоззренческие установки и стилевые предпочтения), принципы деформации базовой конструктивной схемы, зафиксированной в ситуативной цепочке Эйзенштейна. Наибольший интерес с точки зрения творческого подхода к укорененной в художественной практике типовой модели представляют два последних в приведенном перечне фактора. Но и другие факторы выпускать из виду не следует, так как влияние их на разработку, на содержательную конкретизацию рассматриваемой ситуации значительно.

Действие перечисленных факторов сказалось на всех трех произведениях, взятых для рассмотрения в данной статье: «Возвращение» А. Платонова, «При свете дня» Э. Казакевича, «Речные излуки» В. Белова. Выбор произведений мотивирован принадлежностью их к одной стадии литературного процесса (литература «оттепели»), к одной тематической ветви (литература о войне, точнее – о ее последствиях), к одному жанру (рассказ), наличием в них описанной Эйзенштейном типовой модели (развертывание ситуативной цепочки «Возвращение солдата с фронта»), своеобразием ее разработки в каждом из трех художественных текстов, дающим материал для наблюдений над процессом «амплификации».

Отнесение рассказа Платонова к той же стадии литературного процесса, что и произведений Казакевича и Белова, требует пояснения. Под разными заглавиями («Семья Иванова» и «Возвращение») он приходил к читателю дважды: в 1946 и в 1962 годах [20; 21], в разных общественно-политических и историко-культурных условиях. Это предопределило драматизм его читательской судьбы: первая публикация была резко осуждена в печати и обрела репутацию произведения *non grata*, не рекомендованного к переизданию и распространению в читательских массах.

² Роман был написан в 1931 году, в нем речь шла о немецких солдатах, вернувшихся с Первой мировой войны.

³ В настоящее время наблюдается возрастание интереса к типологическому изучению жизненных ситуаций, становящихся предметом отображения в искусстве и СМИ (см., напр.: [24]).

В данном случае имеется в виду вторая его публикация, близкая по времени к появлению рассказов Казакевича (1961) [9] и Белова (1964) [1], вписанная в тот же литературный контекст и воспринятая в этом контексте иначе, чем первая. Она может быть истолкована как факт «возвращенной литературы», для которой, как известно, характерен «конфликт интерпретаций», обусловленный исключением произведения на некоторое время из поля зрения читателей и критиков и разрывом традиции живого его восприятия.

На выбор для рассмотрения именно этих трех рассказов повлияло также то, что они могут быть причислены к разряду явлений литературы, отмеченных особым вниманием: произведения Платонова и Казакевича экранизировались (платоновское дважды – в 1982 и 2007 годах, рассказ Казакевича – в 1972 году), рассказ Белова дал название сборнику его прозы [1], который породил ожидания [22], оправданные два года спустя публикацией повести «Привычное дело».

Действие рассказов прямо соотнесено с Великой Отечественной войной и, в том или ином плане, ориентировано на осмысление ее результатов. То, что солдат в каждом из них возвращается именно с *этой* войны, имеет несомненное значение, так как она и в государственной идеологии, и в массовом обыденном сознании является важнейшим событием не только недавнего времени, но и многовековой истории страны. На участвовавшем в ней солдате лежит отсвет ее величия и значимости, независимо от того, кем он на войне был и чем именно отличился. Образно-гиперболически это выражено в известном стихотворении С.С. Орлова, написанном в 1944 году:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград [18, с. 82].

Однако декларируемые на государственном уровне версии событий войны, писательские представления о том, в чем именно заключаются ее величие и значимость, и личностные впечатления от нее совпадали не всегда. Кроме того, под воздействием политических перемен в стране менялись и официальные взгляды на войну, и ее освещение в литературе, и читательское отношение к произведениям о ней – как новым, так и написанным ранее.

Примером тому может служить рассказ Платонова, впервые опубликованный под заглавием «Семья Иванова» в конце 1946 года, сразу же подвергнутый жесточайшей критике с идеологических позиций и вновь пришедший к читателям под другим заглавием – «Возвращение» – лишь в 1962 году, в стране, которая пережила сильное мировоззренческое потрясение после смерти Сталина и начала постигать горькую правду о минувшей войне.

Инициаторами «разноса» «Семьи Иванова» выступили: на страницах «Литературной газеты» – ее редактор В.В. Ермилов [8], на страницах главного партийного органа, газеты «Правда», – генеральный секретарь Союза писателей СССР А.А. Фадеев [28]. Их обвинения в адрес писателя подхватил целый хор критиков и публицистов рангом пониже [27, с. 47–48]. Вместе с тем исследователи, занимавшиеся творче-

ской историей рассказа, замечают, что решение Платонова передать рассказ «Семья Иванова» из журнала «Звезда», где первоначально предполагалась его публикация, в «Новый мир» уберегло писателя от еще больших бед: тем самым он избежал участия в вместе с Зощенко и Ахматовой «фигурантом» по-громной кампании, инициированной Постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» [12, с. 667]. Причины, по которым объектом нападок стал платоновский рассказ, оцениваются по-разному. Е.А. Яблоков склонен усматривать здесь «руку» Сталина, давнего недоброжелателя писателя [36, с. 608]. А.Н. Варламов считает, что атака на Платонова могла быть спровоцирована «чувством стойкой неприязни» В.В. Ермилова к К.М. Симонову, недавно назначенному главным редактором журнала «Новый мир», и памятью о неприятностях, обрушившихся на А.А. Фадеева после публикации в 1931 году в редактируемом им журнале «Красная новь» «бедняцкой хроники» Платонова «Впрок» [4, с. 504–515]. Нельзя, однако, не учитывать и идеологический фон, на котором звучала тема недавно минувшей войны, неординарно истолкованная в рассказе Платонова «Семья Иванова». Проецированием на этот фон объясняется и осуждение за «чуждые советской литературе интонации» двух других замечательных произведений на тему «возвращения солдата с фронта», опубликованных в том же 1946 году, – стихотворения М.В. Исааковского «Враги сожгли родную хату» и поэмы А.Т. Твардовского «Дом у дороги» [12, с. 666–667].

Резкая критика рассказа Платонова касалась в основном расхождений между нормативным образом советской семьи (советского человека) и тем, как эта семья (человек) была изображена в рассказе. «Нет на свете более чистой и здоровой семьи, чем советская семья», – писал Ермилов. И подходить к ее изображению нужно руководствуясь «критериями нашей, советской, социалистической этики и эстетики» [8]. Продолжая Ермилова, Е.Ф. Книпович формулировала принцип социалистической этики и эстетики, нарушенный Платоновым: это неразрывная связь общественного и личного в судьбе «великих маленьких людей», чьи соединенные усилия привели к победе. Вернувшийся с фронта Иванов – один из тех, благодаря кому было водружено знамя победы над Берлином. Его жена «работала в тылу так, что дважды была удостоена правительской награды». Но в личной жизни военного времени оба они, как и их одиннадцатилетний сын, придерживаются недостойной советского человека морали, допускающей мимолетные супружеские измены и сведение потребностей до забот о поддержании своего физического существования: «Уж если трудно <...> то кто станет думать о верности, чистоте, благородстве? Можно лишь немножко согреться в холодной, страшной, бесприютной жизни» [11, с. 174].

Трактовка эта несправедлива по отношению и к автору рассказа, и к его героям. Она не только упрощает, но и искажает смысл того, что происходит во внутреннем мире произведения. Но она не столько результат недопонимания или личной нерасположенности к писателю, сколько следствие приверженности идеологеме, господствовавшей во время войны и

в первые послевоенные годы в литературе, критике и публицистике. В соответствии с этой идеологемой цель войны – защита социалистического отечества, требующая безусловного подчинения частной жизни общегосударственным интересам. Частная жизнь обретает положительный смысл только в том случае, если проникнута сознанием причастности к судьбам страны, государства, а ее изображение в литературе не допускает приоритета «психологии» над идеологией. Сосредоточение внимания на проблемах частной жизни, на семейных отношениях, на внутреннем мире человека расценивалось как идеологический просчет. В условиях войны выдвижение на первый план пропагандистской роли искусства обретало значимость веления самой действительности. И то, что пропаганда при этом имеет «партийную» подоплеку, считалось оправданным, обусловленным «руководящей ролью» силы, организовавшей отпор врагу.

В дневниковой записи А. Яшина от 7 февраля 1942 года приводятся слова из выступления Первого секретаря Ленинградского отделения СП СССР В.К. Кетлинской на общефлотском совещании писателей, участвующих в обороне города на Неве: «Просто психологические вещи писать сейчас не следует. Время требует обостренной большевистской тенденциозности» [37, с. 55]. «Психология» и «большевистская тенденциозность» оказывались противопоставленными, взаимоисключающими, в лучшем случае – иерархически ранжированными в пользу «большевистской тенденциозности» (в другом терминологическом выражении – «коммунистической партийности»). Под «большевистской тенденциозностью» в искусстве периода войны понимались упрощенно-плакатные образные воплощения идеологических установок, апеллирующие к массовому сознанию, четко выраженные, легко усваиваемые, легко тиражируемые. Под «просто психологией» – не личные переживания вообще, а те из них, которые отличаются противоречивостью, сложностью, неоднозначностью, и, в конечном счете, – дистанцированностью от политических интересов. Одной из причин уклона в такую «психологию» могло стать повышенное внимание писателя к семейной проблематике.

Конечно, психологический элемент литературе органически необходим в силу ее эстетической специфики, и так или иначе он давал о себе знать в писательском творчестве периода войны, несмотря на господствующий в ней пропагандистский пафос. В данной связи можно вспомнить стихотворение К. Симонова «Жди меня», созданное уже летом 1941 года, или рассказ В. Кожевникова «Март-апрель», написанный в трудном 1942 году (кстати, в обоих произведениях отчетливо звучит мотив возвращения). Правда, подобных произведений было не столь уж много, и они также могли вызвать сомнения в их идеологической доброкачественности. Так, стихи Симонова, хорошо понимавшего «советский литературный регламент», писались без расчета на публикацию, как нечто сугубо личное, «для себя», а первая попытка отдать их в печать оказалась неудачной: редактор фронтовой газеты полагал, что на ее страницах следует помещать что-нибудь «героическое, а не интимно-лирическое». Не взяла стихотворение по тем же соображениям и

«Красная звезда», корреспондентом которой поэт являлся. Появление его в январе 1942 года в «Правде» стало своего рода исключением из правил, неожиданным прорывом сквозь преграды партийной цензуры [32, с. 223–225].

Неприятие «психологизма» в литературе не было специфическим порождением военного времени, хотя частично этим временем оправдывалось. Отрицательная реакция на него давала о себе знать и раньше. Г.П. Федотов полагал, что начало гонению на «психологизм» положили в конце XIX столетия неокантианцы, но не они стали наиболее ярыми его противниками. В 1937 году, находясь в эмигрантском «далеке», он писал: «С наибольшей прямолинейностью и грубостью борьба с психологизмом в литературе велась в Советской России» [29, с. 81]. С новой силой, в не менее грубой и прямолинейной форме, эта борьба развернулась в послевоенные годы. Ее рецидивы напоминали о себе и позднее, в период «оттепели», когда, казалось бы, произошел поворот в освещении темы войны и личная жизнь человека, его внутренний мир в литературе начали обретать самоценность и право на изображение во всей психологической полноте, глубине и драматической противоречивости. Так, Симонов, будучи одним из инициаторов освоения ранее запретных для литературы аспектов военной тематики, продолжал считать необходимым для писателя установление «неразрывной связи общественного и личного в судьбе “великих маленьких людей”, чьи соединенные усилия привели к победе». В 1961 году он писал о работе романиста: «Наибольшие удачи <...> получаются там, где в самой жизни семья, как маленький коллектив, входит в большой коллектив, занятый тем или иным общим делом». Оглядка на принцип «большевистской тенденциозности» в подходе к изображению частной жизни дала ему повод критически оценить результат своего собственного творчества: «...в “Живых и мертвых” я отдал дань мнимой обязательности для романа наличия в нем семейных линий. И как раз это оказалось самым слабым местом в книге» [25, с. 170, 173]. Точку зрения Симонова на его собственное произведение разделяли далеко не все критики (см., напр.: [31, с. 193]), не говоря уже о читателях, но она показательна как свидетельство драматичности отступления от глубоко внедрившегося в сознание советских писателей положения о примате идеологии над психологией. В соответствии с этим положением внутрисемейная проблематика заключала в себе опасность уклонения в психологизм, ослабления идеологического контроля над литературным творчеством. В литературе послевоенных лет популярным способом разрешения семейных проблем был перевод их из психологического в идеологический план, снятие конфликта чувств приобщением героя к жизни страны, к коллективному делу [10].

Рассказ Платонова «Семья Иванова» был опубликован в самом разгаре борьбы с «психологизмом», которая тесно сопрягалась с борьбой за утверждение образа победы как праздника – зреющего, многолюдного, радостного и торжественного. Праздничные полотна на тему окончания войны были широко представлены в послевоенной живописи, тяготевшей к парадности и монументализму. Это и «Салют Побе-

М.И. Хмелько. Тост за великий русский народ

ды» В.Ф. Штраниха (1946), и «Парад Победы» С.Н. Богаткина (1947), и «Праздник Победы» Б.В. Иогансона (1947), и «Тост за великий русский народ» М.И. Хмелько (1947). Та же тенденция в первые послевоенные годы наблюдалась и в литературе, и в кинематографии. Сосредоточение внимания на нравственно-психологических последствиях войны, на ее травмирующем воздействии на человеческие души, на «слезах на глазах» и «седине на висках» не приветствовалось и могло быть воспринято как очернительство или, по крайней мере, как несоответствие «ведущей линии» в изображении войны. Это касалось и трактовки бытовой ситуации «Возвращение солдата с фронта». Одно дело, если она изображалась как общая семейная радость, как состояние счастья (картина А.С. Ускова «Возвращение с фронта в семью», 1948)⁴, другое – если встреча солдата с семьей была насыщена драматизмом, несла на себе печать тех страданий и бед, которые людям довелось пережить в годы войны (картина В.Н. Костецкого «Возвращение», 1947, выдвинутая на соискание Сталинской премии, но исключенная из списка претендентов)⁵.

Между тем нравственно-психологические проблемы семейной жизни, порожденные войной, давали о себе знать и нуждались в освоении литературой как одной из форм человековедения. Будучи последовательным проводником «большевистской тенденциозности» в литературном творчестве, В.В. Вишневский в то же время хорошо понимал, что она ограничивает взгляд на действительность и не позволяет выразить нечто сущностно важное. Еще в середине войны он

сделал «для себя» в дневнике такую запись: «Ночь, тишина. Лежу и пробую хоть немного разобраться в том, о чем мало пишут и почти не говорят, – в людском, в “законе человеческом”, в нормах, которые потрясены до основания... Пройдет война, выстроят новые дома, зацветут поля... А что будет с психикой людей, с выбитой из колеи жизнью?..» – Запись от 9 ноября 1943 года [6, с. 427–428]. То, о чем «мало писали и почти не говорили», относилось к сфере частной жизни, к внутреннему миру человека, к «психологии». По мере приближения Дня Победы беспокойство по поводу замалчиваемых проблем человеческого существования на войне и, в перспективе, после нее давало знать о себе все сильнее. Возвращаясь к затронутой ранее теме, Вишневский писал 4 января 1945 года в своем дневнике: «Сейчас война вызвала огромные миграции, перемены и пр., коснувшись самых интимных сторон нашего бытия. Порваны многие связи, другие поддерживаются искусственно, третий возникли вновь и чем-то отличаются от прежних. Семейный быт явно поколеблен, даже в самых устойчивых семьях» [6, с. 704]. С этими реалиями необходимо было считаться, но власть предпочитала не фиксировать на них внимание или квалифицировала как несоответствие советской идеологии. Так было и в годы войны, и в первые послевоенные годы. Рассказ Платонова «Семья Иванова», созвучный мыслям Вишневского, в 1946 году пришелся «не ко двору», так как не соответствовал государственной политике в области литературы и искусства. Редактор «Нового мира» Симонов ошибся, полагая, что время для публикации подобных произведений наступило. И возможно, его более поздние суждения о неуместности семейной линии в романе «Живые и мертвые» были в какой-то мере следствием истории с публикацией платоновского рассказа в редактируемом им журнале.

⁴ Хранится в Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике.

⁵ Хранится в Музее украинского изобразительного искусства (г. Киев).

А.С. Усков. Возвращение с фронта в семью

Обращение к семейной проблематике в ракурсе, обозначенном Вишневским, стало возможно лишь во второй половине 1950-х годов, когда наметился переход от идеологической «парадигмы мышления» – к гуманитарной [14, с. 11], когда война и ее последствия стали рассматриваться в искусстве с точки зрения нравственно-психологической значимости для отдельного человека, для его частной жизни – в личностном измерении. Своебразной литературной вехой, обозначившей этот переход, стал рассказ М.А. Шолохова «Судьба человека», впервые опубликованный в двух номерах газеты «Правда» – за 31 декабря 1956 и 1 января 1957 года.

Характеризуя произошедшие перемены, Василь Быков писал: «В литературе, как и в читателе, пробудилась не находившая доселе удовлетворения потребность в показе широких диапазонов человеческой души, показа правды без прикрас, без бахвальства, без лакировки, – такой, какова она есть» [3, с. 263]. Примечательно, что Быков, как и некоторые другие представители «лейтенантской прозы» конца 1950 – начала 1960-х годов, отказывался считать себя военным писателем, он настаивал на том, что в созданных им произведениях речь идет не о войне как таковой, а о вечных проблемах человеческого бытия, война же – лишь материал, ему хорошо известный и потому используемый для постановки этих проблем [17, с. 23; 2, с. 207]⁶. И «широкие диапазоны человеческой души», и исполненная драматизма «правда без прикрас», и «вечная проблематика» – все эти писательские установки проецировались в условиях «оттепели» не только на изображение войны, но и на показ послевоенной действительности. Неслучайно именно

в это время сформировался такой литературный феномен, как деревенская проза.

Переход к «гуманитарной парадигме» совершился не без оглядок на государственную идеологию, не без окриков со стороны партийной критики и не без обвинений в подверженности воздействию буржуазной культуры. Тем не менее, он способствовал тому, что в литературе проявились мировоззренческие черты, характерные для экзистенциализма, философского направления, пережившего на Западе подъем в годы войны и во многом обусловленного глубоким переживанием военного опыта⁷. В самом общем плане их близость определялась установкой на «уникальность человеческого бытия, невыразимую на языке понятий» [23, с. 370]. Повод для сближения давало также наличие в ряде произведений, относящихся к рассматриваемому периоду, образно-тематических аналогов категорий, специфических для экзистенциализма: «индивидуальное существование», «бытие с другими», «подлинное» и «неподлинное» бытие, «ситуация выбора», «пограничная ситуация». Их появление в какой-то мере может быть объяснено знакомством с произведениями ведущих западных мыслителей-экзистенциалистов (А. Камю, Ж.-П. Сартр) и литераторов, близких по мировоззрению к этому философскому направлению (Э.М. Ремарк, Э. Хемингуэй, А. Сент-Экзюпери, Ж. Ануи, Дж. Д. Сэлинджер)⁸. Как

⁷ «Экзистенциализм как литературное направление в силу объективных исторических причин в русской литературе советского времени не сложился. Однако экзистенциальность как качество прозы отдельных русских писателей <...> обнаруживается со всей несомненностью» [34, с. 48].

⁸ Примечательно, что Ремарк и Хемингуэй откликнулись на публикацию рассказа «Судьба человека» поздравительными телеграммами в адрес автора [19, с. 78]. По-видимому, для них, как и для многих других зарубежных читателей, произведение Шолохова оказалось близким в силу наличия в нем экзистенциальной проблематики. Творчество этих авторов высоко оценивал и Шолохов.

⁶ О современном подходе к бытийственной подоплеке литературы о войне см., напр.: [7].

Б.Н. Костецкий. *Возвращение*

раз в годы «оттепели» произведения названных авторов переводятся на русский язык, становятся доступны советскому читателю и вызывают живой интерес. Однако «западное влияние» в данном случае не было определяющим. Свойственное экзистенциализму восприятие мира и человека порождалось сходным опытом переживания действительности середины XX столетия – прежде всего того, который принесла с собой война. Прошедший через нее человек с драматической остротой воспринимает сам факт своего пребывания во враждебном мире. «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказила?» [33, с. 531] – вопрошают герой шолоховского рассказа, прекрасно осознавая, что ответа ему не будет и быть не может. Трагизм его судьбы предопределяется не какой-то личной виной, хотя он, конечно же, не безгрешен, а изначальным неблагоприятствованием общего хода жизни отдельному человеку. Актуальной для человека становится первичная данность индивидуального существования, афористически обозначенная известной формулой: «А в жизни самое главное, наверное, жизнь сама» [16, с. 255]. «Самое главное» здесь может быть истолковано двояко: и как «наиболее ценное», и как «наиболее значимое» без аксиологических коннотаций – как «наиболее важное» для определения личностной позиции по отношению к окружающему миру, поскольку мир этот саму ценность человеческой жизни ставит под сомнение. Иными словами, индивидуальная жизнь трактуется как участь, которую необходимо принять, перенести, исполнить, невзирая на уготованные ею испытания, самим этим исполнением ее оправдав.

Семейная проблематика, отвлеченная от идеологических установок, психологизм, экзистенциальные

мотивы – все это в той или иной мере воплотилось в рассказах «Семья Иванова», «При свете дня», «Речные излуки». Представленный в них вариант сюжетной ситуации «Возвращение солдата с фронта» уже в силу самой своей конфликтной специфики предполагает участие четырех основных персонажей: вернувшийся солдат, изменившая ему жена, «другой» (любовник жены), чужой ребенок. Степень их образной экспликации в литературе и в других видах искусства может быть различной – в зависимости от ракурса, в котором рассматривается нравственно-психологическая проблема супружеской неверности, и от выбора субъектной точки зрения, с которой ситуация освещается. На первый план чаще всего выдвигаются взаимоотношения мужа и жены, «другой» выносится за пределы повествования и мыслится как некая отвлеченная фигура, как условие, необходимое для рождения ребенка. Сам ребенок, будучи младенцем, непосредственного участия в конфликте не принимает и является знаком отчуждения между супругами. Именно такова расстановка сил у Эйзенштейна. Но так бывает не всегда, в процессе художественной разработки ситуации сюжетная значимость того или иного персонажа, степень его присутствия в повествовании, равно как авторская оценка его личностных качеств и поведения, могут повышаться и понижаться, увеличиваться и уменьшаться, актуализироваться или нивелироваться. Типовая схема ситуации трансформируется под воздействием авторского замысла. Три рассказа, являющиеся объектами рассмотрения в статье, трансформирующую роль творческого замысла по отношению к типовой ситуации наглядно демонстрируют. Говоря о них, необходимо учитывать одно обстоятельство, обусловленное особенностями самой сюжетной ситуации «Возвращение солдата с фронта». Ситуация эта предполагает наличие «арбитра», нравственного судьи участников конфликта, выразителя авторской позиции. Им может стать один из основных персонажей, сторонний наблюдатель или сам автор, не персонифицировавший свою точку зрения, воплотивший ее в характере повествования, в движении сюжета, в лирико-дидактических отступлениях. Так или иначе, нравственный смысл ситуации нуждается в выражении.

Литература

1. Белов, В.И. Речные излуки: повесть и рассказы / В.И. Белов. – Москва: Молодая гвардия, 1964.
2. Бондарев, Ю. Почему и сегодня мы пишем о войне? / Ю. Бондарев, В. Быков, М. Кузнецов // Литература и современность. – Москва, 1976. – Сб. 14.
3. Быков, В. Живые – памяти павших / В. Быков // Дружба народов. – 1962. – № 12.
4. Варламов, А.Н. Андрей Платонов / А.Н. Варламов. – Москва: Молодая гвардия, 2011.
5. Веселовский, А.Н. Поэтика сюжетов / А.Н. Веселовский // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Ленинград: ГИХЛ, 1940.
6. Вишневский, В.В. Собр. соч.: в 5 т. / В.В. Вишневский. – Москва: ГИХЛ, 1958. – Т. 4: Дневники военных лет: 1943–1945.
7. Даренский, В.Ю. Война как духовная инициация: экзистенциальные архетипы в русской поэзии о Великой Отечественной войне / В.Ю. Даренский // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2014. – № 1(15).

8. Ермилов, В. Клеветнический рассказ А. Платонова / В. Ермилов // Литературная газета. – 1947. – 4 января.
9. Казакевич, Э. При свете дня / Э. Казакевич // Новый мир. – 1961. – № 7.
10. Кларк, Катерина. Советский роман: История как ритуал / Катерина Кларк. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002 (ч. 4, гл. 9).
11. Книпович, Е. «Семья Иванова» / Е. Книпович // Знамя. – 1947. – № 2.
12. Корниенко, В. «Возвращение» [Комментарии к рассказу] / В. Корниенко // Платонов А. Взыскание погибших: Повести. Рассказы. Пьесы. Статьи. – Москва: Школа-Пресс, 1995.
13. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Об искусстве. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000.
14. Марущак, А.В. Отечественная публицистика периода «оттепели» (1953–1964): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Марущак А.В. – Екатеринбург, 2009.
15. Медриш Д.Н. Сюжетная ситуация в русской народной лирике и в произведениях А.П. Чехова / Д.Н. Медриш // Русский фольклор: материалы и исследования. – Ленинград: Наука, 1978. – Т. 18: Славянские литературы и фольклор.
16. Межелайтис, Э. Собр. соч.: в 3 т. / Э. Межелайтис. – Москва: Худож. литература, 1977. – Т. 1.
17. Наша анкета. О прошлом во имя будущего (К 20-летию победы над гитлеровской Германией) // Вопросы литературы. – 1965. – № 5.
18. Орлов, С. Собр. соч.: в 3 т. / С. Орлов. – Москва: Худож. литература, 1979. – Т. 1.
19. Осипов, В.О. Михаил Шолохов. Годы, спрятанные в архивах / В.О. Осипов // Роман-газета. – 1995. – № 3 (1249).
20. Платонов, А. Семья Иванова / А. Платонов // Новый мир. – 1946. – № 10–11.
21. Платонов, А. Возвращение / А. Платонов // Платонов А. Рассказы. – Москва: Гослитиздат, 1962.
22. Росляков, В. От излучины к излучине / В. Росляков // Литературная газета. – 1965. – 2 марта.
23. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты / В.П. Руднев. – Москва: Аграф, 1997.
24. Сериков, А.Е. Типичные сюжетные схемы в повествованиях и в жизни / А.Е. Сериков // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2009. – № 2 (6).
25. Симонов, К. Перед новой работой / К. Симонов // Вопросы литературы. – 1961. – № 5.
26. Снегирева, Т.А., Сюжет «Возвращения» в идеологическом пространстве советской эпохи / Т.А. Снегирева, А.В. Подчиненов // Вестник Татарского гуманитарно-педагогического университета. – 2011. – № 2 (24).
27. Русские советские писатели-прозаики: библиографический указатель. – Ч. 2. – Москва: Книга, 1972. – Т. 7 (дополнительный).
28. Фадеев, А. О литературно-художественных журналах / А. Фадеев // Правда. – 1947. – 2 февраля. – № 29.
29. Федотов, Г.П. Ecce homo. О некоторых гонимых «измах» / Г.П. Федотов // Феномен человека: Антология. – Москва: Высшая школа, 1993.
30. Хрящева, Н.П. «Этот запах был таким же» (Ситуация возвращения с войны в рассказах 1940–80-х годов) / Н.П. Хрящева // Филологический класс. – 2010. – № 23.
31. Чарный, М. О свободе любви и свободе от серьезного в любви / М. Чарный // Звезда. – 1962. – № 10.
32. Чудакова, М. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени / М. Чудакова // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 58.
33. Шолохов, М. Собр. соч.: в 8 т. / М. Шолохов. – Москва: Худож. литература, 1986. – Т. 7.
34. Шумбасова, Е.В. Экзистенциализм и военная проза советского периода / Е.В. Шумбасова // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III Международной научн. конф. (Санкт-Петербург, июль 2015 г.). – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2015.
35. Эйзенштейн, С. Режиссура. Искусство мизансцены / С. Эйзенштейн // Эйзенштейн С. Избр. произведения: в 6 т. – Москва: Искусство, 1966. – Т. 4.
36. Яблоков, Е. Три семьи Иванова. О возможной подоплеке антиплатоновской кампании 1947 г. / Е. Яблоков // «Страна философов» Андрея Платонова. Проблемы творчества. – Москва: Изд. ИМЛИ РАН, 2003. – Вып. 5.
37. Яшин, А.Я. Дневники. 1941–1945 / А.Я. Яшин. – Москва: Советская Россия, 1977.

Рецензент – Н.Н. Постникова, кандидат филологических наук, редактор редакционно-издательского отдела ВоГУ.

S.Yu. Baranov

THE PLOT SITUATION OF A SOLDIER'S RETURNING AFTER THE WAR AND ITS VARIANTS
(A. Platonov, E. Kazakevich, V. Belov)

Article 1

The article considers the plot situation of ‘A soldier’s Returning after the War’ which is of great importance for post-war literature. The author describes its image structure, determines its links with artistic traditions and dependence on social and historical contexts. Materials for discussing possible ways of interpretation of this plot situation in literature are the works of A. Platonov, E. Kazakevich and V. Belov.

Amplification, war, ideologeme, context, ‘оттепель’, psychologism, story, plot situation, tendentiousness, existentialness.

ВРЕМЯ В «МАКБЕТЕ»

На протяжении долгой театральной традиции режиссеры нередко урезали заключительные сцены, посвященные вторгшейся армии Макдональда, тем самым приглушая или выпуская важнейшую для Шекспира тему времени. В «Макбете» время – центральное понятие. Акцентирование темы времени в финальной речи Малькольма активизирует все заложенные в ходе пьесы отсылки ко времени – они и рассмотрены в этой статье.

Шекспир, «Макбет», время, Густав Шпет.

Начиная с первой строки пьесы, тема времени звучит постоянным фоном и в finale выходит на первый план. Бой Макбета с Макдуром у Шекспира (в отличие от постановщиков) если не шел, то заканчивался за сценой: голову Макбета Макдур должен был внести на сцену согласно шекспировской ремарке «Enter Macduff with Macbeth's head». Шекспир не дал финальной речи Макбету, и ее столь не хватало многим постановщикам и актерам, что они считали возможным компенсировать «упущение». Так, Дэвид Гаррик «включал» пафос морали: «Свершилось! Сцена жизни скоро закроется. Тщеславные грезы честолюбия уплыли, и вот я пробуждаюсь к тьме, вину и ужасу. – Я не могу подняться; я не смею просить о снисхождении; слишком поздно, ад тащит меня вниз; я погружаюсь, я погружаюсь; моя душа потеряна на века! О!.. О!» (цит. по: [1, с. 393]). Мотив постановщиков очевиден – для них первостепенен Макбет.

Временная структура пьесы прочерчена четко. В первой строке веющие сестры договариваются о следующей встрече («When shall we three meet again?» 1.1.1), причем знают вполне определенно, что это случится до захода солнца («That will be ere the set of sun» 1.1.5), когда закончится битва («When the hurly-burly's done, / When the battle's lost, and won» 1.1.4). На вересковой пустоши («Upon the heath» 1.1.6) они подстерегут, перехватят на пути Макбета – «...meet with Macbeth» (1.1.7). Новое Арденовское издание отмечает, что в те времена фразовый глагол *meet with* означал *to attack, ambush, waylay* [5, 129]. В 1.3 это происходит – веющие сестры делают свои предсказания, и сразу после них Росс и Ангус приветствуют Макбета как Кавдорского тана. Сцены 1–3 первого акта составляют первый день пьесы.

Сцены 4–7 – день второй. В 1.4. Макбета за его боевые подвиги благодарит сам Дункан. В 1.5 леди Макбет читает послание мужа о предсказании веющих сестер и узнает, что Дункан к ночи будет у них. Все происходит настолько быстро, что мы привыкаем к темпу – не удивляемся, когда слышим, что посланный так торопился, что, задыхаясь до полусмерти, едва мог говорить. Отметим комментарий слуги, объясняющего удивленной леди (почему ей дает знать не

сам Макбет?) внезапность известия: «Our thane is coming. / One of my fellows had the speed of him, / Who, almost dead for breath, had scarcely more / Than would make up his message» 1.5.34–7).

Ко времени появления Макбета леди уже проявляет нетерпение устранить все, что отделяет мужа от желанной короны («All that impedes thee from the golden round» 1.5.28). В ходе чтения его письма (множественное число *letters* могло быть употреблено и в значении единственного) она утрачивает ощущение порядка времени: «Thy letters have transported me beyond / This ignorant present, and I feel now / The future in the instant» (1.5.56–8). Непростой для перевода момент – *ignorant present*. А. Кронберг: «жаждущих настоящих дней» (курсив мой. – Л. Е.). С. Юрьев: «слепой минуты настоящей». Н. Кетчер: «ничего не ведающего настоящего». С. Соловьев: «Твое письмо перенесло меня / За грань ничтожных буден: в этот миг / Я будущим полна». Г. Шпет в ответе на критику Д. Мирского цитировал: «Письмо перенесло меня за грань / Ничтожных наших дней, и я теперь / Грядущее провижу» [1, с. 247]. В самом тексте перевода С. Соловьева и Г. Шпета звучит: «бесславных наших дней». По-видимому, настоящее воспринимается леди Макбет как недостаточное, не устраивающее ее, и будущее – как она узрела его – ей бы хотелось определить сугубо в согласии с собственным видением ситуации.

Банко в 1.3 дважды употребляет слово *rapt*, характеризующее состояние Макбета после встречи с веющими сестрами: «...great prediction <...> That he seems rapt withal» (1.3.55, 57. Соловьев: «Он восхыщен»), «Look how our partner's rapt» (1.3.145. Соловьев: «Смотри – в восторге он»). И Макбет, и леди восхыщены – подменяют настоящее несуществующим.

Пока Макбет был с Банко, казалось, он не был склонен к принятию убийственного решения: «If chance will have me king, why chance may crown me, / Without my stir» (1.3.146–7). У вполне однозначного начала (если случай/судьба хочет, чтобы я был королем, что же, пусть судьба коронует меня) – непростой для перевода конец. «Without my stir» у Юрьева – «я

не шевельнусь», у Кронберга – «Я ей (судьбе) не помогу». Слишком длинно получилось у А. Соколовского («Я не ударю пальцем / О палец для того») и Кетчера («пусть венчает меня без всякого с моей стороны содействия»). Соловьев: «Пускай судьба сама меня венчает, / Без моего вмешательства». Шпет: «Пускай судьба сама меня венчает, / Без помохи моей». Казалось, Макбет, укрывшись за пословицами, был намерен воздержаться от каких-либо действий: «Come what come may, / Time, and the hour, runs through the roughest day» (1.3.149-50). (Соловьев: «Что будет – будь; пусть свет меняет тень; / Часы бегут через самый бурный день»). Шпет: «Что будет – будь; / И в темный день часы свой держат путь».)

Такое поведение – не для леди Макбет. Обратим внимание на шекспировское эхо. Последней фразой монолога, произнесенного по прочтению письма мужа, становится: «...the golden round, / Which fate and metaphysical aid doth seem / To have thee crowned wi-thal» (1.5.29-30). (Соловьев: «Судьба и сверхъестественные силы / Тебя венчали...»). Она говорит об этом как совершенном действе – употребляет перфект (напомню, у Макбета было «why chance may crown me»). Здесь она еще использует *doth seem*, но в ее действиях уклончивости не будет – будет категоричность. Услышав, что Дункан прибывает сегодня и намерен покинуть их завтра, она недвусмысленно заявляет мужу: «О never / Shall sun that morrow see» (1.5.60-1). Ее заклятие осуществится – утром солнце так и не взойдет.

Готовясь к приему короля, леди просит мужа «обмануть время» – не привлекать внимание видом, не подобающим празднику (времени), и принять соответствующее событию (времени) выражение лица: «...to beguile the time / Look like the time...» (1.5.63-4). (Шпет: «Чтоб век свой обмануть, / Равняйся по нему...»). Лозинский: «Чтобы все ошиблись, / Смотри, как все...».)

После разговора с женой (она весьма результивно «влила ему в уши свой дух» – «...pour my spirits in thine ears» 1.5.26) Макбет торопит время: ему хочется быстрее совершить убийство («'twere well / It were done quickly» 1.7.1-2), причем – без последствий («...that but this blow / Might be the be-all and the end-all...» 1.7.4-5), чтобы сразу перепрыгнуть в грядущее («...jump the life to come» 1.7.7).

Эхо, свидетельствующее о действенности ее внушенний и увещеваний, звучит в конце первого акта, когда обретший решимость Макбет изъявляет готовность вернуться в залу и продолжить представление, чтобы никто ничего не заподозрил, – «посмеяться над временем» (*beguile – mock* – вводить в заблуждение, обманывать): «Away, and mock the time with fairest show» (1.7.82). (Пастернак: «Вернемся в зал и замыслел свой черный / Прикроем беззаботностью притворной». Лозинский: «Идем спокойно, ибо мир – простец. / И ложью лиц прикроем ложь сердец».)

А между тем к ночи в Инвернесс прибыл Дункан. Был пир, за полночь начали расходиться, но еще долго не спали. С одной стороны, «кутили до вторых петухов» («were carousing till the second cock» 2.3.23-24), с другой – это была страшная, тревожная ночь (Old Man: «Tresscore and ten I can remember well, / Within the volume of which time I have seen / Hours dreadful

and things strange; but this sore night / Hath trifled former knowings» 2.4.1-4).

Сцены 1–4 второго акта составляют день третий. Ранним утром торопится Макдуй, чтобы своевременно (*timely – early*) разбудить Дункана: «He did command me to call timely on him; / I have almost slipped the hour» (2.3.45-6).

С временного предположения начинается парадоксальная импровизация Макбета (парадокс пред назначен для обмана, но, как часто случается у Макбета, это чистая правда): «Had I but died an hour before this chance, / I had lived a blessed time...» (2.3.92-3).

Представление Макбетов успешно разыграно – пока убийство сходит им с рук (в человеческом плане). Природу обмануть невозможно – она реагирует тотчас. День наступил, но так и не рассвело: «By th' clock 'tis day, / And yet dark night strangles the travelling lamp» (2.4.6-7).

Макбет не теряет ни минуты. Не успели бежать Малькольм и Дональбейн, как он организовал свое избрание и отправился в Скон быть коронованным: «He is already named, and gone to Scone / To be invested» (2.4.31-2). Распорядился он и телом Дункана – ему предстоит покоиться в Колм-Килле: «Carried to Colmekill, / The sacred storehouse of his predecessors / And guardian of their bones» (2.4.33-5).

Далее проходит время; согласно Шпету, это неделя или две [1, с. 396].

Сцены 1–5 третьего акта показывают нам четвертый день. Готовится новый великий пир – званый ужин («our great feast» 3.1.12; «solemn supper» 3.1.14). В первую ночь принимали Дункана. На этот раз главным гостем и жертвой предстоит стать Банко. До пира Банко вынужден отлучиться – «время зовет»: «...our time does call upon's» (3.1.36). Макбет снова произносит лживые, но истинные слова о желанности для него доброго совета Банко: «We should have else desired your good advice, / Which still hath been both grave and prosperous, / In this day's council...» (3.1.20-22).

И обдуманные, и мгновенные реакции Банко не превзойдены. В отличие от Макбета, он не только не теряется, услышав приветствия-предсказания веющих сестер, но тут же бросает им вызов: «If you can look into the seeds of time, / And say which grain will grow, and which will not...» (1.3.58-9). Он дает мудрую подсказку Макбету, к которой тот не прислушивается: «...oftentimes, to win us to our harm, / The instruments of darkness tell us truths, / Win us with honest trifles, to betray's / In deepest consequence» (1.3.125-8). Узнав об убийстве Дункана, Банко декларирует свою позицию верности Господу и государю: «In the great hand of God I stand, and thence/ Against the undivulged pretence I fight / Of treasonous malice» (2.3.131-3). Его верность, царственность натуры («his royalty of nature» 3.1.49), бесстрашие («dauntless temper» 3.1.51), мудрость и благородство («a wisdom that doth guide his valour to act in safety» (3.1.52-3) страшат Макбета. Ненависть его к Банко находит выражение и во временных формулах: «...every minute of his being thrusts / Against my near'st of life...» (3.1.119-20).

Вопросы Макбета при отъезде Банко выдают его беспокойство упустить жертву: «Ride you this afternoon?», «Is't far you ride?», «Goes Fleance with you?».

Макбет вплотную займется приготовлением грядущего убийства отца и сына, а потому всех остальных распускает до ужина: «Let every man be master of his time / Till seven at night; to make society / The sweeter welcome, we will keep ourself / Till supper time alone» (3.1.40-3). Он успевает переговорить с двумя убийцами (на наших глазах), подготовить третьего (об этом узнаем позже).

Распоряжения Макбета продуманы и выверенны. Кто лучше его знает, когда и где засесть в засаде. Он рассчитал и время, и мгновенье, и у него нет ни доли сомнения, что это должно быть сделано сегодня: «Within this hour at most, / I will advise you where to plant yourselves, / Acquaint you with the perfect spy o'th' time, / The moment on't – for't must be done tonight...» (3.1.130-3).

Конец первой сцены заканчивается еще одним пророчеством Макбета: «Banquo, the soul's flight/ If it find heaven, must find it out tonight» (3.1.143-4).

Во второй сцене Макбет думает о приближающемся убийстве – и в его придаточных времена появляются слова из лексикона вещих сестер, параллельные конструкции и звуковая игра их заклятий:

...ere the bat hath flown
His cloistered flight, ere to black Hecate's summons
The shard-born beetle, with his drowsy hums,
Hath rung night's yawning peal, there shall be done
A deed of dreadful note (3.2.41-5).

Он все сильнее погружается в темное, призывает на подмогу злое. Все откровеннее звучит нетерпение в ожидании наступления темноты:

Come, seeling night,
Scarf up the tender eye of pitiful day
And with thy bloody and invisible hand
Cancel and tear to pieces that great bond
Which keeps me pale. Light thickens,
And the crow makes wing to th' rooky wood.
Good things of day begin to droop and drowse,
Whiles night's black agents to their preys do rouse
(3.2.47-54).

В эту ночь все идет вопреки задуманному. Сначала Флинсу удается бежать – Макбет предельно циничен в анализе сложившейся ситуации: «There the grown serpent lies; the worm that's fled / Hath nature that in time will venom breed, / No teeth for th' present» (3.4.27-8).

Далее – более. Появление кровавого духа заставляет Макбета ощутить, как «время вышло из пазов». В старые времена («...когда закон / Людские общества не врачевал...» Шпет) события принимали, согласно Макбету, естественный порядок вещей: при пролитии крови, при совершении убийств человек умирал – и наступал конец:

Blood hath been shed ere now, i'th' olden time,
Ere humane statute purged the gentle weal;
Ay, and since too, murders have been performed
Too terrible for the ear. The times have been,
That when the brains were out, the man would die,
And there an end (3.4.73-78).

Теперь происходит невозможное. Убитый Банко ведет себя не так, как положено мертвцам. Он встает «в венце из двадцати убийств смертальных» (Шпет) и гонит с места заказавшего его убийство: «But now they rise again / With twenty mortal murders on their crowns, / And push us from our stools» (3.4.78-80).

Макбет хотел взять под контроль будущее, устрая соперников, но время вносит свои изменения – настоящее принимает непредвиденные формы. Почему Макбету не удается произнести «Аминь»? Почему он «зарезал сон»? Отчего он только начинает тост за Банко, как тот является? Раньше обманы удавались Макбету, но теперь он в непртиворном ужасе: «Hence, horrible shadow, / Unreal mockery, hence» (3.4.104-5). В переводе ближе всех к оригиналу подошел Кронберг: «Прочь, тень ужасная! Прочь, ложный призрак!». Ср. Лозинский: «Прочь, ужасный призрак! Прочь, бредовая нежить!» Пастернак: «Ступай отсюда! Скройся, мертвый призрак!» У Шекспира это все тот же корень *mock – mockery*, которым Макбет хотел посмеяться над временем (*mock the time*). Теперь над Макбетом издается выходящее за границы реального: *unreal mockery*. Реакцией Макбета будет не пересмотр прошлых решений и действий, но все более активное погружение в тиранию и убийство.

Гости распущены – хозяева остаются одни. «What is the night?» (3.4.124) – спрашивает Макбет, и в памяти встает вопрос о времени Банко: «How goes the night, boy?» (2.1.1). Ответ леди Макбет: «Almost at odds with morning, which is which» (3.4.125). Похоже, леди истощена. Похоже, ей хочется возвращения нормальной жизни, привычного порядка сна и бодрствования: «You lack the season of all nature, sleep» (3.4.139). Макбет соглашается отправиться в постель, но думает только об одном – на рассвете он отправится к вещим сестрам: «I will tomorrow, / And betimes I will, to the weird sisters» (3.4.130-1).

Геката уже знает об этом и отдает распоряжение ведьмам: «...in the pit of Acheron / Meet me i'th' morning; thither he / Will come, to know his destiny» (3.5.15-7). У Гекаты все строго упорядочено во времени: «Great business must be wrought ere noon» (3.5.22). Ее ритуалы подчинены иной логике, иным законам:

Upon the corner of the moon
There hangs a vaporous drop profound,
I'll catch it ere it come to ground;
And that, distilled by magic sleights,
Shall raise such artificial sprites,
As by the strength of their illusion,
Shall draw him on to his confusion (3.5.23-9).

И ведьмы заторопились – они снова задают ритм: «Come, let's make haste, she'll soon be back again» (3.5.37).

Шекспир на одну сцену – 3.6 – отвлекается от них, и эту сцену Шпет характеризует как «невозможное время» [1, с. 396]. Леннокс и Ангус (Леннокс и другой Лорд? – здесь возможны разные прочтения) обсуждают сложившуюся в стране ситуацию. К этому времени (в пьесе, конечно, невероятно быстро) они уже овладели двойным языком тирании. Ирония Леннокса сопоставима с злодействами Макбета:

The gracious Duncan
Was pitied of Macbeth; marry, he was dead.
And the right-valiant Banquo walked too late,
Whom you may say, if't please you, Flince killed,
For Fleance fled, men must not too late.
Who cannot want the thought how monstrous
It was for Malcolm and for Donalbain
To kill their gracious father? Damned fact,
How it did grieve Macbeth! Did he not straight,
In pious rage, the two delinquents tear,
That were the slaves of drink and thralls of sleep?
Was not that nobly done? Ay, and wisely too:
For 'twould have angered any heart alive
To hear the men deny't it <...> (3.6.3-16).

День пятый. При встрече с ведьмами в 4.1. становится очевидным, насколько Макбет под властью злых сил. Сам способ рифмовки вторит заданному призраками. Обратим внимание на его ответ третьему видению, когда Макбет подхватывает строку и продолжает его рифмованные пентаметры, причем эхо становится продолжительным – отзывается на протяжении четырех куплетов:

3 APPARITION

Be lion-melted, proud, and take no care
Who chafes who frets or where conspirers are.
Macbeth shall never vanquished be, until
Great Birnam Wood to high Dunsinane Hill
Shall come against him.

MACBETH That will never be.
Who can impress the forest, bid the tree
Unfix his earth-bound root? Sweet bodements, good.
Rebellious dead, rise never till the Wood
Of Birnam rise, and our high-placed Macbeth
Shall live the lease of nature, pay his breath
To time, and mortal custom. Yet my heart
Throbs to know one thing: tell me, if your art
Can tell so much shall Banquo's issue ever
Reign in this kingdom?

ALL Seek to know no more
(4.1.89-102).

Все усилия Макбета управлять временем и событиями оказываются тщетными. Казалось бы, нет конца увиденной им линии престолонаследия, но это не останавливает его. Он жаждет действовать: «to crown my thoughts with acts». Убийство жены и детей Макдугфа следует незамедлительно (4.2. – Это сцена шестого дня). При пролитии моря крови ее оказывается все недостаточно: «I will have blood they say: blood will have blood» (3.4.120). Самовластное вторжение Макбета в линию престолонаследия будет устраниено. Время возвращает все на круги своя, заботясь о нужных ему инструментах. Нам показано, как Макбет упустил сыновей Дункана, сына Банко, Макдугфа. Он упускает наследников престола, которые будут жестоко мстить за убитых отцов, поруганные семьи. Макбет надеется, что проживет отпущенное ему время – «срок обычных лет» (Лозинский), но его дыхание (*his breath to time*) оказывается не просто недолговечным, но у Шекспира – в отличие от хроники – заканчивается предельно скоро. Напомню, что историче-

ский Макбет правил с 1040 по 1057 годы. Действие трагедии развивается, как отметил Шпет, в течение девяти дней с промежутками [1, с. 396].

Между шестым и седьмым днями снова проходит время; по мнению Шпета, «промежуток в неделю или две» [1, с. 396]. Действие из Шотландии переносится в Англию (от Макбета – к Малькольму и Макдуфу). Сцены 4.3 и 5.1 показывают день седьмой. Темп времени, казалось, мог бы замедлиться. Малькольм не спешит – ждет благоприятного момента: «as I shall find the time to friend» (4.3.10). Время торопит Макдуф, ибо он насмотрелся горя, наслушался рыданий овдовевших и плача ставших сиротами: «Each new morn / New widows howl, new orphans cry, new sorrows / Strike heaven on the face...» (4.3.4-5).

Наконец, время настало. Войска готовы: «...our power is ready» (4.3.239). «Макбет / Созрел, – пора снять плод» (Шпет): «Macbeth / Is ripe for shaking» (4.3.239-40). Как орудие его уничтожения готов Макдугф – само небо позаботилось об этом: «...the powers above / Put on their instrument» (4.3.241-2).

В последнем акте (день восьмой отображен в 5.2-3, день девятый – 5.4-8) мы видим организованный порядок в стане Малькольма и его английских союзников (затем к ним присоединяются шотландцы). У Макбета отношения со временем становятся все более и более разлаженными. Он торопит битву, несколько раз требует доспехи. Макбет нервно энергичен и – внутренне истощен. Он ясно осознает, что жизнь проходит (Лозинский: «...мой путь земной / Сошел под сень сухих и желтых листвьев»), настоящее и завидное будущее он упустил (Лозинский: «Почет, любовь, вниманье, круг друзей...»). Обратим внимание не только на этот прекрасный (традиционно много цитируемый) монолог, но и на его окружение, в частности – троекратное обращение к Сейтону. Мнения исследователей расходятся, произносилось ли это имя как Сатана (Seyton – Satan) [5, с. 280]. Узрение здесь камламбура мне представляется вполне вероятным.

Seyton, I am sick at heart,
When I behold – Seyton, I say – this push
Will cheer me ever, or dissect me now.
I have lived long enough: my way of life
Is fallen into the sere, the yellow leaf,
And that which should accompany old age,
As honour, love, obedience, troops of friends,
I must not look to have; but in their stead,
Curses not loud but deep mouth-honour, breath
Which the poor heart would fain deny, and dare not.
Seyton? (5.3.19-29)

Даже смерть некогда любимой жены воспринята им вне временного порядка: «She should have died hereafter».

В финале он побежден Макдуфом – человеком, которого безвременно/преждевременно достали из чрева матери – «untimely ripped». Пьеса заканчивается указанием на то, что победители восстанавливают порядок, в том числе и временной – и это акцентируется. Внося проклятую голову узурпатора, Макдуф сообщает о том, что время свободно («...the time is free» 5.9.21). Звучат традиционные приветствия

(«Hail, King of Scotland. Hail, King of Scotland» 5.9.25), и память неизбежно возвращается к началу пьесы, когда был казнен Кавдор, а приветствия Макбету звучали не менее торжественно. В финальной сцене узнаваемы приметы начала пьесы, и трудно избавиться от ощущения, что начинается очередной виток времени – события повторяются: тиран казнен – приходит новый правитель...

Эту максимальную закольцованность пьесы (Allen называет пьесу «most circular and self-contained» [4, с. 9]) некоторые режиссеры подчеркивают вводимой ими сценой появления вещих сестер. Любопытную в этом плане концовку предложил Роман Полански в 1971 году. У него в эпилоге к логову ведьм направляется Доналбейн, младший сын Дункана. Начало нового витка братоубийственной войны более чем вероятно. Сначала были мужи – Макбет и Дункан. Настало время сыновей – Доналбейна и Малькольма.

У Шекспира Малькольм звучит как человек, знающий цену времени: «We shall not spend a large expence of time / Before we reckon with your several loves / And make us even with you» (5.9.26-8).

Он производит впечатление правителя, хорошо знающего, что «надлежит со временем взрастить». У Шекспира формула «...would be planted newly with the time...» (5.9.31) вызывает в памяти обещание его отца Макбету: «I have begun to plant thee, and will labour / To make thee full of growing» (1.4.28-9) и – «seeds of time» Банко (1.3.58-9), положившие начало этому мотиву. Увы, возвращение Макбета закончи-

лось не добрым плодоношением, но выродилось в тиранию, так что страдала вся страна. Новый правитель обещает с помощью Божьей действовать в соответствии с мерой, временем, местом: «...by the grace of grace, / We will perform in measure, time and place» 5.9.38-9).

Верим ли мы очередной риторике? Мы воспринимаем ее как конец представления, и Шекспир поддерживает наши ощущения: «So thanks to all at once, and to each one, / Whom we invite to see us crowned at Scone» (5.9.40-1). На очереди следующий спектакль... Настоящий шекспировский конец.

Литература

1. Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы / отв. ред.-сост., предисловие, комментарии, археогр. работа и реконструкция Т.Г. Щедриной. – Москва; Санкт-Петербург: Петроглиф, 2013. – 760 с.
2. Шекспир, У. Макбет / У. Шекспир; пер. А.И. Кронеберга // Шекспир У. Трагедии / сост., подгот. текста, коммент. и общ. ред. Р.В. Грищенко. – Санкт-Петербург: Кристалл, 2001. – С. 817–912.
3. Шекспир, Уильям. Макбет: великие трагедии в русских переводах / Уильям Шекспир; под общ. ред. И.О. Шайтанова; [пер. с англ. С. Соловьева, М. Лозинского, Б. Пастернака]; сост., предисл., коммент. Л. Егоровой. – Москва: ПРОЗАиК, 2015. – 431 с.
4. Allen, M.J.B. Toys, prologues and the Great Amiss: Shakespeare's tragic openings / M.J.B. Allen // Shakespearean Tragedy. Stratford-upon-Avon Studies. – 1984. – № 20 – Pp. 3–30.
5. Shakespeare, W. Macbeth / W. Shakespeare; edited by Sandra Clark and Pamela Mason. – Bloomsbury Arden Shakespeare, 2015. – 381 p.

Рецензент – С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ.

L.V. Yegorova

TIME IN MACBETH

The long theatrical history of cuts to the final scenes of *Macbeth* (devoted to the invading army) implies dissatisfaction of directors with Shakespeare's dramatic closure. As a result, the directors diminished or denied the all-pervasive theme of time and its vital importance to the playwright. The article demonstrates how time references permeate the play, in particular in respect of the last speech and its foregrounded meaning.

William Shakespeare, *Macbeth*, time, Gustav Shpet.

R.L. Красильников
Вологодский государственный университет

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена эстетическому анализу художественной литературы. Она вносит вклад в определение таких понятий, как художественность, эстетическая категория, модус художественности и др. Особое внимание уделяется системе эстетических категорий, ее классификации и расширению.

Эстетический анализ, художественность, эстетическая категория, модус художественности.

Эстетическое чувство является главным результатом восприятия художественного (в том числе литературного) произведения. Вместе с тем до сих пор ни психологи, ни философы, ни искусствоведы, ни литературоведы, ни специалисты из других областей знания не могут исчерпывающе ответить на вопрос, чем это чувство обусловлено, в каком виде оно существует, каковы его сила и время действия.

Как и во многих иных сферах духовного (вере, любви, дружбе, смерти и пр.), исследователи способны всего лишь описать, зафиксировать, классифицировать, разобрать на конкретном материале примеры эстетического чувства. Но в науке нет дисциплины, которая не сталкивалась бы с этим уничтожительным «всего лишь», поэтому необходимо понять, что дает нам эстетический анализ, в чем его преимущества и недостатки, есть ли у него какие бы то ни было перспективы.

Безусловно, эти вопросы уже не раз рассматривались исследователями: и в общих теоретических трудах (А.Г. Баумгартина, Г.-В.-Ф. Гегеля, Ю.Б. Борева и др.), и в работах, посвященных более узким проблемам, в том числе литературоведческого характера (М.М. Бахтина, В.Е. Хализева, В.И. Тюпы и др.). Тем не менее задача данной статьи – изложить свою точку зрения на эстетический подход к художественному, в первую очередь литературному, произведению.

1. Вначале зададимся вопросом: какие цели предследует эстетический анализ? Характеристика произведения с эстетической точки зрения, прежде всего, предполагает оценку его «художественного уровня». И уже здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой, поскольку четких критерии для определения уровня художественности не существует, равно как и нет однозначного толкования самого понятия художественности. Например, И.Б. Роднянская описывает его как «сложное сочетание качеств, определяющее принадлежность плодов творческого труда к области искусства», а его релевантными признаками называет «завершенность» и «адекватную воплощенность творческого замысла» [6, стб. 1177]. Как мы видим, «художественность» входит в круг тех терминов, которым практически невозможно дать четкое определение с помощью одного предложения и которые

трактуются через набор характеристик (например по-добную картину можно наблюдать в случае с «модернизмом» или «постмодернизмом»).

Кроме указанных И.Б. Роднянской признаков в научной литературе можно выявить и другие. Отчетливо перекликается с понятием художественности известное положение Р.О. Якобсона о «поэтической функции» текста: «Поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» [15, с. 205]. Отличительной чертой художественных систем становится их избыточность, повторяемость элементов на различных уровнях (смысловом, языковом и др.). Г. Маркевич замечает по данному поводу: «...поэтическая функция проявляется тогда, когда высказывание дополнительно упорядочено так, что его нельзя объяснить обычными потребностями языковой коммуникации» [7, с. 73].

Свой вклад в определение художественности внесла структурно-семиотическая школа. В книге И.В. Чередниченко, посвященной тартуско-московской школе, упоминается такой признак, как «многослойность» («многократная закодированность»): «Многослойность художественного текста проявляется в одновременном сосуществовании нескольких возможных истолкований, при этом “истина” текста как эстетического объекта состоит не в “содержательной” истинности того или иного толкования, а в самом факте их множественности» [13, с. 39]. «Многократную закодированность» можно по праву считать одной из специфических черт художественности, так как художественный уровень произведения зачастую определяется его потенциалом относительно его возможных декодировок.

«Онтологический» взгляд на интересующее нас понятие предлагает В.И. Тюпа в книге «Аналитика художественного». Литературовед пишет о трех составляющих художественности: «креативной», «референтной» и «рецептивной». Первая составляющая связана с тем, что в художественном тексте наблюдается «становление мысли, а не сообщение мысли как уже готовой». Вторая заключается в том, что содержанием художественного сообщения является «я-в-мире, или экзистенция – специфически человеческий способ существования: внутреннее присутствие во

внешней реальности». Третья предстает как «составческое со-переживание между организатором коммуникативного события (автором) и его реализатором (читателем, зрителем, слушателем) относительно объединяющего, а не разделяющего их эстетического объекта» [11, с. 28–29, 33]. Становление мысли, экзистенция как содержание, составческое сопереживание – все эти явления не слишком прости для понимания, а тем более для измерения, однако нельзя не согласиться, что их наличие свидетельствует о высоком художественном уровне произведения.

Обобщая выявленные признаки и дополняя их своими наблюдениями, вернемся к семиотической трактовке художественности, так как она предоставляет возможность для комплексной характеристики феномена. В качестве опорной теории используем известную концепцию Ч.У. Морриса о трех измерениях семиотики – семантике, синтаксике и прагматике [8, с. 50]. Обращение ко всем трем измерениям (а не только к прагматике) в эстетическом анализе позволяет нам вслед за В.И. Тюпой назвать такой подход «семиоэстетическим» [11, с. 37].

Итак, с точки зрения семантики, художественность предполагает многослойность (многократную закодированность) значений; становление мысли, передачу экзистенциальных смыслов; вымыщенность событий и персонажей, воплощающих не столько реальные денотаты, сколько художественную идею (план содержания); наличие различных многообразных тропов; репрезентацию означаемых через несвойственные им означающие (план выражения). С точки зрения синтаксики, этот феномен отличается завершенностью; избыточностью, повторяемостью элементов на различных уровнях; выстраиванием системы не в хронологическом, а в произвольном (творческом) порядке. С точки зрения прагматики, художественность характеризует произведение как замкнутое на самом себе, удовлетворяющее принципу не столько жизненности, сколько красоты; предполагающее адекватную воплощенность творческого замысла и составческое сопереживание автора и реципиента.

Естественно, что знание всех этих признаков художественности не гарантирует автору создание шедевра, а реципиенту – конгениальное восприятие произведения. Процессы порождения и понимания требуют от коммуникантов определенного уровня мастерства, которое тесно связано с такими понятиями, как талант (гениальность) и художественный вкус. Как и многие другие качества человека (например характер, воля), эти феномены отчасти наследуются и отчасти приобретаются в ходе воспитания и получения эстетического опыта. Большую роль в их функционировании играет чувство меры и гармонии – еще одно явление, которое трудно объяснить с научной точки зрения.

2. Более операциональным является понятие эстетической категории, трактуемое в одном из словарей следующим образом: «предельно общие, фундаментальные понятия, в которых получила отражение история освоения человеческим обществом мира по законам красоты» [14, с. 141]. Абстрактность данного термина привела к неоднократным попыткам иссле-

дователей, в том числе литературоведов, найти более точное слово для такого рода явлений. Все менее употребительным в научной среде становится понятие «пафос» [2, с. 94], которое можно определить как эмоциональное отношение автора к изображаемому явлению, сопереживаемое читателем. Известный литературовед из МГУ В.Е. Хализев называет этот феномен «типами авторской эмоциональности», «типами освещения жизни», «мировоззренческими (или миросозерцательно значимыми) эмоциями, которые присутствуют в искусстве в качестве “достояния” либо авторов, либо персонажей (изображаемых лиц)», «сопряжены с определенного рода жизненными явлениями и ценностными ориентациями людей и их групп» [12, с. 75–76]. Другой представитель МГУ – И.Ф. Волков – использует термин «тип художественного содержания», понимая под ним «художественно претворенное содержание существенных сторон общественного и личного бытия людей, повторяющееся в тех или иных разновидностях в литературе разных эпох» [3, с. 101]. Наконец, в работах профессоров РГГУ – Н.Д. Тамарченко и В.И. Тюп – фигурируют понятия «тип эстетического завершения» и «модус художественности» [10, с. 54]. В словаре «Поэтика» эти исследователи так объясняют первый термин: «Завершение художественное – по М.М. Бахтину, созданная автором-творцом смысловая граница между героем и его миром, с одной стороны, и действительностью автора и читателя, с другой. В основе завершения художественного – “тотальная реакция автора на целое героя”, а вместе с тем, и адекватная реакция читателя на героя и автора» [9, с. 72]; а вот так второй: «некоторая стратегия оцельнения художественной реальности, предполагающая внутреннее единство эстетической ситуации, управляемой единым творческим законом; соответствующий тип героя и окружающего его воображенного мира; соответствующие авторская позиция и установка читательского восприятия; единая система ценностей и отвечающая ей поэтика» [9, с. 127–128].

На наш взгляд, каждое из указанных понятий имеет свои достоинства и недостатки. Так сильной стороной терминов «пафос» и «тип авторской эмоциональности» является их опора на сопереживание творца и реципиента, которое считается одним из главных условий существования и функционирования эстетического объекта; слабой – невозможность с их помощью охарактеризовать другие составляющие эстетического объекта, в первую очередь проблемы презентации.

Понятие «тип авторской эмоциональности» вызывает и еще один вопрос: о каком авторе идет речь? Судя по всему, имеется в виду «участник художественного события» [1, с. 206]. Однако как тогда быть с современными идеями «смерти автора» или многоуровневой нарратии? Как нам кажется, при характеристике эстетического следует считаться с инстанциями повествователя или персонажа. Белкин в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина, Печорин в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова и многие другие рассказчики, которым авторы отдают на откуп повествование, отличаются не только специфическим стилем, но и высоким уровнем художественного мастер-

ства и при этом способны использовать те или иные типы авторской эмоциональности: героическое, трагическое, комическое и т. д. Например, в рассказе М. Горького «Старуха Изергиль» повествование о Данко носит героический оттенок; в «Герое нашего времени» история Бэлы в устах Максима Максимыча звучит трагично; Буркин создает сатирический образ учителя Беликова в «Человеке в футляре» А. Чехова и т. д. В этом свете правильнее было бы говорить о «типах нарраторской эмоциональности», обозначающих отношение к повествованию различных типов нарраторов.

Термин И.Ф. Волкова – «тип художественного содержания» – тоже несовершенен. Уже само слово-сочетание «художественное содержание» кажется неудачным: художественность есть свойство знака целиком, без приоритета формы или значения, а проблемы репрезентации вновь остаются за кадром. Сомнительным и нецелесообразным выглядит и включение литературоведом в этот круг таких жанровых образований, как «нравоописательное» или «романическое».

Понятие Н.Д. Тамарченко – «тип эстетического завершения» – не противоречит характеристике всех сторон текста как знаковой системы, однако неудобно своей неоднозначностью, особенно при изучении финалов произведений. Наиболее продуктивным нам представляется термин «модус художественности» (В.И. Тюпа использует его вслед за Н. Фраем, но уточняет его), который вполне адекватно обозначает способы создания эстетического объекта. Вместе с тем нельзя сказать, что этот термин может вовсе отменить употребление понятия «эстетическая категория».

Вновь суммируя и дополняя все вышесказанное, отметим, что эстетическая категория (модус художественности) – это термин, с помощью которого можно охарактеризовать одновременно различные стороны литературного текста как знаковой системы, как целостного эстетического объекта: 1) прагматический аспект (эмоционально-волевая реакция нарратора и читателя на изображаемый мир; исторический, историко-культурный, историко-литературный фон), 2) семантический аспект (тематизация и проблематизация эстетических феноменов внутри произведения, определенного характера поступков персонажей, презентация этих тем и проблем), 3) синтаксический аспект (оригинальное сочетание знаков на оси высказывания, создающее эстетический эффект).

3. На следующем уровне эстетического анализа находится «сетка» категорий, которая является, по сути, главным инструментарием при таком подходе к произведению. Примечательно, что эта «сетка» не слишком отличается в различных работах литературоведов. Основной набор категорий таков: героическое, трагическое, сентиментальное, комическое (сатирическое, юмористическое, ироническое, саркастическое); не во всех концепциях встречаются драматическое, романтическое, прекрасное, возвышенное, идиллическое, элегическое. Если сопоставлять литературатуроведческие исследования со словарями по эстетике, то становится очевидным, что данный список отнюдь не полон. Не будем вдаваться в определение этих модусов художественности, но обозначим

проблемы, о которых важно задуматься на современном этапе развития эстетики.

Во-первых, это классификация перечня категорий. На наш взгляд, все модусы художественности возможно разделить на две группы явлений – «возвышенное» и «низменное». Это деление опирается на длительное противостояние элитарной и низовой культуры и обусловлено разграничением тем, сюжетов, художественных приемов и читательских реакций на произведения.

Для определения возвышенного обратимся к статье Ф. Лаку-Лабарта, который, разбирая тексты Г. Флобера, обнаруживает такие значения этой категории: «чувство, которое рождается от грандиозного величия природы или от нравственной силы человека»; «превосходная степень прекрасного»; «чтобы его отличить, как и в случае любого эстетического суждения, нужна специальная способность, необъяснимая или совершенно загадочная: вкус, то есть понятие, которое Буало и Фенелон, как и все их современники, использовали, чтобы обозначить “нечто, но неизвестно что”» [5, с. 13].

Как нам кажется, в свете этих definиций возвышенное можно считать родовым понятием относительно таких модусов художественности, как героическое, трагическое, драматическое, идиллическое, сентиментальное, романтическое, элегическое и даже прекрасное.

Низменное, согласно одному из словарей по эстетике, характеризует «природные и социальные предметы и явления, имеющие отрицательную общественную значимость и таящие в себе угрозу для человечества, так как на данном этапе развития общества, общественного производства они еще не освоены и не подчинены человеческой воле», оно осуществляется через «создание образа зла» [14, с. 235]. Если возвышенное порождает прямо пропорциональные эмоции – «катарсические», «благородные», то в случае же низменного реакции реципиента зачастую обратно пропорциональны сущности объекта изображения, словно соответствуют принципу *qui pro quo*: низменные поступки должны вызывать не низменные устремления, а их осуждение, безобразное – не желание подражать, а отвращение, серьезная пошлость выставляется в комическом свете. Поэтому представляется возможным понимать этот феномен как родовое понятие относительно комического (с историко-культурной и историко-литературной точек зрения четко приписываемого низовой культуре) со всем спектром его оттенков (сатирическое, юмористическое, ироническое, саркастическое), безобразного и ужасного.

Конечно, такая типология не может не вызывать споров, поскольку само соотношение элитарной и низовой культуры менялось в веках, а сегодня – в контексте массовой культуры – и вовсе трудноразличимо. Трансформировалось восприятие сентиментального и идиллического, осложнилась рецепция различных видов комического. Но, на наш взгляд, эти процессы лишь подчеркивают дилемму возвышенного и низменного.

Вторая насущная проблема – расширение «сетки» категорий. Например, анализ литературы по вопросу

показывает, что возвышенное соотносимо с высоким, бытийным, серьезным, сакральным, значительным, значимым, масштабным, грандиозным, величественным, безмерным и т. д., а низменное – с низким, бытовым (повседневным), смеховым, профанным, незначительным, незначимым, ничтожным, пошлым, ограниченным и т. д. Даже беглый взгляд на образующиеся пары понятий показывает, что существуют и опыт, и перспективы в их изучении, в том числе применительно к конкретному материалу.

Расширить данную парадигму можно и в других направлениях. Термин «модус художественности» побуждает обратиться к категории модальности в прямом смысле этого слова. В этом русле можно говорить о противопоставлении реального (реалистического, миметического, обычного, естественного, эмпирически возможного, правдоподобного) и ирреального (фантастического, необычайного, сверхъестественного, трансцендентного, невозможного, неправдоподобного, чудесного), изобразимого (выразимого, проговариваемого) и неизобразимого (невыразимого, непроговариваемого) [4, с. 265, 271].

Также в литературе встречается и другая эстетическая терминология: классическое и неклассическое, ренессансное и барочное, модернистское и постмодернистское и т. д. Как правило, она восходит к стилистическим обозначениям, которые «перерастают» свой исторический период.

4. Последний вопрос, на который хотелось бы обратить внимание, касается главным образом временных видов искусства, прежде всего литературы. Приступа ли эстетическая реакция произведению в целом или она может меняться от эпизода к эпизоду? На наш взгляд, вторая идея более верная, особенно относительно крупных текстов. Эмоции кратковременны и дискретны. Значит, героическое, трагическое, комическое и т. д. в произведении или возникают время от времени, или обладают мерой, степенью «накала», «эстетического напряжения».

Что же тогда находится за рамками этих фрагментов, ярко окрашенных в конкретные эстетические тона? Позволим себе сравнить данную проблему с теорией функциональных стилей в риторике, где кроме маркированных разговорного и книжных (художественного, публицистического, официально-делового, научного) стилей существует еще «нейтральный стиль», который характеризует большинство лексических единиц и грамматических конструкций и является основой для маркированных членов оппозиции. На наш взгляд, в эстетике художественного текста можно также ввести понятие «нейтрального», «немаркированного» модуса художественности, «нулевой» эстетической категории, которое будет констатировать эстетическое там, где нет явного присутствия ни героического, ни трагического, ни комического и т. д.

С учетом «нейтрального» модуса художественности эстетическое/художественное будет «равнопротяженно» [11, с. 38] даже таким большим произведениям, как роман. К примеру, в романе М. Шолохова «Поднятая целина» мы найдем и героическое (рассказ о смерти Михаила Пояркова), и трагическое (история о самоубийстве жены Разметнова), и комическое (эпизоды с дедом Щукарем), а скрепляют их «ней-

тральные» сюжетные ситуации (заговор Половцева, споры о коллективизации и т. д.) с немаркированной эмоциональностью.

Примечательно, что развитие содержания и сюжета произведения в этом случае может не совпадать с развитием эстетической реакции автора-читателя: заговор Половцева является одним из ключевых эпизодов с точки зрения идеи и композиции «Поднятой целины», но не может быть четко классифицирован эстетически, что еще раз подчеркивает различие между семантикой и прагматикой знаков и знаковых систем. Вместе с тем кульминационные моменты романа М. Шолохова (процесс коллективизации, гибель Давыдова и Нагульнова) проникнуты и трагизмом, и драматизмом, и героикой; следовательно, автор на большом пространстве текста «распределяет» силу эстетического чувства, создает «эстетическую аритмию», чтобы модусы художественности оказывали влияние на читателя на конкретных участках нарратива, обычно кульминационных или определяющих с точки зрения понимания смысла произведения.

Подведем итоги. Изучая возможности эстетического анализа, мы рассмотрели понятие «художественность» в контексте различных исследований и обновили его с точки зрения семиотического подхода. В этом же ключе был трактован термин «эстетическая категория», соотнесенный с другими понятиями, в частности «модусом художественности». В качестве перспективы для исследований мы назвали упорядочение и расширение парадигмы эстетических категорий, предложив свой вариант классификации и новые пары понятий. Еще одним продуктивным направлением может быть изучение степени «эстетического напряжения» на разных участках текста. Все это позволяет утверждать, что эстетический (семиоэстетический) анализ способен сохранить за собой статус одного из важнейших методов восприятия и осмысливания произведений.

Литература

1. Бахтин, М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. – Санкт-Петербург: Азбука, 2000. – 336 с.
2. Введение в литературоведение / под ред. Г.Н. Попсполова. – Москва: Высшая школа, 1976. – 422 с.
3. Волков, И.Ф. Теория литературы / И.Ф. Волков. – Москва: Просвещение; Владос, 1995. – 256 с.
4. Красильников, Р.Л. Танатологические мотивы в художественной литературе (Введение в литературоведческую танатологию) / Р.Л. Красильников. – Москва: Языки славянской культуры, 2015. – 488 с.
5. Лаку-Лабарт, Ф. Проблематика возвышенного / Ф. Лаку-Лабарт // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 95. – С. 12–23.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – Москва: Интелвак, 2001. – 1600 стб.
7. Маркевич, Г. Основные проблемы науки о литературе / Г. Маркевич. – Москва: Прогресс, 1980. – 376 с.
8. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. – Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 45–97.
9. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. – Москва: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.

10. Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. – Москва: Академия, 2007. – Т. 1. – 512 с.
11. Тюпа, В.И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ) / В.И. Тюпа. – Москва: Лабиринт, РГГУ, 2001. – 192 с.
12. Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – Москва: Высшая школа, 2005. – 405 с.
13. Чередниченко, И.В. Структурно-семиотический метод тартуской школы / И.В. Чередниченко. – Санкт-Петербург: Золотой век, 2001. – 200 с.
14. Эстетика: словарь / под общ. ред. А.А. Беляева и др. – Москва: Политиздат, 1989. – 447 с.
15. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм «за» и «против». – Москва: Прогресс, 1975. – 469 с.

Рецензент – Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ.

R.L. Krasilnikov

ON AESTHETIC CATEGORIES IN LITERARY FICTION ANALYSIS

The aesthetic analysis of literature is the main subject of this article. It contributes to definitions of concepts such as artistry, an aesthetic category, a modus of artistry, etc. Particular attention is paid to the system of aesthetic categories, its classification and expansion.

Aesthetic analysis, artistry, aesthetic category, modus of artistry.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'28

С.А. Ганичева
Институт славяноведения РАН

ОПЫТ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА УРОЖЕНЦА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлена попытка составить речевой портрет уроженца д. Борбушино (Кирилловский район Вологодской области), получившего профессиональное образование и большую часть жизни прожившего в городе. Сделан вывод, что в речевом поведении информанта сохраняется ряд черт, характерных для диалектной языковой личности, а также отражается влияние профессионального дискурса, литературного языка и городского просторечия. Некоторые особенности речевого поведения обусловлены гендерной принадлежностью. Теоретической базой для составления речевого портрета является трехуровневая концепция языковой личности Ю.Н. Караурова.

Диалектология, вологодские говоры, речевой портрет, языковая личность.

Современная диалектология отражает общий интерес лингвистики к носителю языка, стремление через слово постигнуть мировидение человека. Этим определяется появление большого количества исследований, посвященных описанию черт диалектной языковой личности и составлению речевых портретов носителей говоров. Ряд речевых портретов жителей разных районов Вологодской области представлен в сборниках «Народная речь Вологодского края» [5; 6; 7]. Продолжение работы в этом направлении представляется перспективным и необходимым, так как позволит создать фактическую базу для обобщающих исследований, посвященных языковой личности носителя вологодских говоров и, шире, жителя Вологодской области.

В данной статье мы обращаемся к составлению речевого портрета Николая Павловича Шаброва, уроженца д. Борбушино Кирилловского района Вологодской области. Речевой портрет Н.П. Шаброва несколько отличается от тех, которые представлены в изданиях «Народная речь Вологодского края». Во-первых, Н.П. Шабров не является «типичным» диалектносителем. В 17 лет он покинул родную деревню, получил профессиональное образование в летнем училище г. Сасово Рязанской области, затем был зачислен летчиком в 71 летный отряд, базирующийся в Вологде, в котором работал до 1985 г. Поэтому в речи Николая Павловича переплетаются как черты, характерные собственно для носителей говоров, так и особенности, обусловленные влиянием профессионального дискурса, городской культуры и т.д. Во-вторых, это мужской портрет, а в русской диалектологии, как известно, информантами чаще всего являются женщины (в отличие, например, от диалектологии англоязычных стран, см. [8]). В-третьих, основная часть данных, использованных для исследования, является нетрадиционной для диалектологии, поскольку пред-

ставляет собой письменные материалы, подготовленные самим информантом. Прежде всего, это написанные Н.П. Шабровым 72 текста разного объема и разной тематики. Кроме того, к рассмотрению привлекались подготовленные Николаем Павловичем ответы на ряд разделов вопросника «Лексического атласа русских народных говоров» («Природа», «Человек» (подраздел «Анатомические названия»), «Трудовая деятельность» (подразделы «Полеводство», «Огородничество», «Плотницкое дело»), «Материальная культура» (подразделы «Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство», «Домашняя утварь»)). Использовался, конечно, и традиционный материал – аудиозаписи бесед с Н.П. Шабровым, а также собственные наблюдения, сделанные в процессе общения с информантом.

Теоретической базой для составления речевого портрета является трехуровневая концепция языковой личности Ю.Н. Караурова [3], в соответствии с которой в структуре языковой личности выделяются вербально-семантический, лингвокогнитивный и прагматический уровни.

Вербально-семантический уровень

Согласно Ю.Н. Караулову, этот уровень, являющийся «нулевым» в структуре языковой личности, представляет собой вербально-семантическую сеть, совокупность фонетических, грамматических, лексических характеристик, присущих языковой системе, существующей в сознании и репрезентируемой в речи того или иного человека.

Для всех носителей говора на этом уровне характерно наличие фонетических, грамматических, лексических диалектных черт. Анализ аудиозаписей речи Н.П. Шаброва показывает, что фонетические и грамматические диалектные особенности в ней представлены мало. Из них системно проявляется только пол-

ное оканье, наличие архаичных форм глаголов *есть* и *класть – ести и класти*, союза *дак*, постпозитивных согласуемых частиц *-от*, *-то*, *-ка*. При этом в говоре Борбушина, а также расположенных неподалеку деревень (Зыбонное, Плахино) исследователями было зафиксировано достаточно большое количество черт, характерных для вологодских и, шире, северорусских говоров (утрата интервокального [j] в заударной позиции, долгий твердый шипящий, архаичная форма глагола *дать – даси* и др. [5, с. 77, 100, 119]).

Лексика говоров в речи Н.П. Шаброва представлена значительно ярче. Хотя в текстах и устных рассказах диалектные лексемы появляются только эпизодически (*Вытащили её [щуку] в комягу и парус привязали к мачте, чтобы не мешал плыть к берегу; Какловили палаголовцев* и др.), однако материалы ответов на вопросник «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ) свидетельствуют о том, что в пассивном словарном запасе находится большое количество диалектных слов (всего их зафиксировано 290). Наиболее сохранились в памяти лексемы тематических групп «Трудовая деятельность» (в материалах по этому разделу диалектные слова составляют примерно 19% от всех ответов) и «Материальная культура» (13%); ср.: в разделах «Природа» и «Человек» диалектные слова составляют примерно 9% от всех ответов.

По всей видимости, этот факт объясняется тем, что лексемы тематических групп «Трудовая деятельность» и «Материальная культура» в сознании информанта связаны с родной деревенской средой, а не с городской жизнью. Обозначения понятий, действий, признаков, ситуаций, имевших параллели в городской и профессиональной жизни, вытеснены литературными словами или профессионализмами. Показательны в этом отношении материалы раздела «Метеорология». Этот раздел проработан Н.П. Шабровым очень тщательно. Диалектные лексемы в ответах практически отсутствуют (за исключением слов *бесснёжье* ‘отсутствие снега зимой’, *вёдро* ‘хорошая погода’, *заливушка* ‘сильный дождь’), однако представлено много профессиональной лексики: данная область знания имеет огромное значение в практической деятельности летчика. Показательны, например, ответы на вопрос ЛСЛ 554 «Облако»: *облако, облачко, туча, цирысы, альтастратусы, кумулюсы, фрактанимбузы, нимбостратусы*. Выделенные слова представляют собой «русифицированные» варианты латинских терминов *Cirrus* (перистые облака), *Altostatus* (высокослоистые облака), *Cumulus* (кучевые облака), *Nimbostratus* (слоисто-дождевые облака) и отражают профессиональную дифференциацию видов облаков, вытеснившую в сознании информанта ту, которая существует в диалектной языковой картине мира (ср. вопросы, посвященные облакам, в ЛАРНГ: «Облако», «Небольшое облако», «Большое дождевое облако», «Туча», «Небольшая туча», «Большая дождевая туча», «Грозовая туча»).

Как видим, значительное влияние на состав лексикона Н.П. Шаброва оказал профессиональный дискурс. В текстах часто встречаются профессионализмы (термины, элементы профессионального жаргона): *Получили самолет для облета; Это значит, что мой*

ЯК находился у критического угла атаки; Наконец, Воронеж нас принимает! и др. Кроме влияния профессионального дискурса, можно отметить и воздействие литературного языка, проявляющееся, например, в использовании слов и словоформ, имеющих книжную окраску (*А я подумал, аналогичная история и у меня в деревне*), а также воздействие просторечия (*Купил Павел у какого-то барыги запорожец; Понадут мазурики из города, все истопчут и загадят!*).

В числе индивидуальных особенностей построения речи можно назвать частое употребление предложений с восклицательной интонацией, являющейся показателем экспрессивности речи (см. ниже) и графически передаваемой на письме одним или несколькими восклицательными знаками (*А я думаю, бесплатный сыр только в мышеловке! Обратно экипаж, который возвращается в Петрозаводск, чего только не везет!!!*).

Лингвокогнитивный уровень

Данный уровень представляет собой систему знаний об окружающем мире, состоящую из образов, понятий, концептов, схем, фреймов и т. д. Особенности этого уровня можно описать прежде всего исходя из тематики и содержания текстов, созданных Н.П. Шабровым.

Эти тексты можно сгруппировать в следующие основные тематические группы: тексты о деревне, в том числе воспоминания о детстве (34 текста); тексты о профессиональной деятельности, в том числе об учебе в летном училище и в авиационном институте (26 текстов); тексты о семье (9 текстов). Соответственно они эксплицируют три основных концепта, входящих в число общекультурных: ‘родина’, ‘труд’, ‘семья’.

Как родной край Н.П. Шабровым воспринимается Борбушино и расположенные вблизи него деревни Белоусово, Быково, Мыс, Плахино, Сиверово. Концепт ‘родина’ имеет явно выраженную эмоциональную составляющую. Так, тексты «Деревня Мыс», «Деревня Быково», «Деревня Сиверово» выражают горечь от того, что сейчас в этих деревнях уже практически нет постоянных жителей, только на лето приезжают дачники: *Сейчас постоянно в деревне [Белоусово] живут три человека. Старые пенсионеры и инвалид детства. Озеро зарастает.* В текстах «Студентки из Германии», «Экскурсанты из Швейцарии» отражена гордость за то, что прошлое родной деревни и речь местных жителей вызывают интерес исследователей.

Обращает на себя внимание большое количество текстов на профессиональные темы. С одной стороны, это является одной из характерных особенностей мужской речи, в которой отмечается «более сильное влияние фактора профессия», чем в женской [4] (ср. преобладание текстов на бытовые темы, рассказов о детях и семье в речевых портретах диалектносителей – женщин [5; 6; 7]).

С другой стороны, этот факт говорит о том, что концепт ‘труд’ занимает значительное место в структуре лингвокогнитивного уровня, что свойственно для диалектной языковой картины мира. Представления о профессиональной деятельности являются одной из

составляющих ядра этого концепта. Вторая составляющая включает представления о различных работах в деревне. Во-первых, это та трудовая деятельность, которой Н.П. Шабров занимается, приезжая в деревню сейчас (огородничество, пчеловодство). Ей посвящены, в частности, практически все иллюстрации употребления слов, приведенные в ответах на вопросы раздела «Огородничество» программы ЛАРНГ: *Нынче гряды не все засажены, нет здоровья! Осенью надо все гряды перекопать, чтоб не было весной в грядах сорной травы. И убрать все корни сорняков! Поливаю огурцы каждый вечер, начали плодоносить!* Во-вторых, это виды трудовой деятельности, связанные с прошлым деревни (выпас коров, обмолот льна, пахота и др.): *Коров выпускали в определенное время под бряканье стукотальни. Это была доска, которая привешивалась на грудь пастуха, и две стукоталки (палки, как у барабана). Звук стукотальни отчетливо был слышен всей деревне* (текст «Как пасли коров»).

На периферии концепта ‘труд’ находятся представления о работе по дому, традиционно считающейся женской, эксплицируемые исключительно в ответах на вопросы раздела «Материальная культура» программы ЛАРНГ: *Когда сеешь муку, решето держи обеими руками за обод. Приготовь светильник и лучину! Бабы придут вечером прядь! На Пасху надо вымыть пятистенок.*

Концепт ‘труд’ (а именно представлениями о деревенских работах) тесно связан с концептом ‘родина’. В контекстах, сопровождающих ответы на вопросник ЛАРНГ по разделам «Трудовая деятельность» и «Материальная культура», постоянно упоминаются местные реалии (*Поле на Рыжесинке. Поле у Ступ. Поле к Лешему по дорожске. Вот такие у нас обозначения*), имена жителей деревни (*Скажут: угловой дом. А вот этот угловой дом – Кирсан. Его в тридцатом году раскулачили, семью сослали в Кировск. На пепелище Воронцовых собирается строится Юрка*) и т.д.

Интересно, что с концептом ‘труд’ связаны и другие ключевые концепты, эксплицированные в текстах Н.П. Шаброва: ‘любовь’ (рассказы о том, как встречали свою судьбу коллеги по летной работе – тексты «Штурман женился», «Влюбился в синоптика»), ‘судьба’ (текст «Самые яркие встречи», в котором рассказывается о пятерых людях, встречи с которыми оказались для Н.П. Шаброва особенно запоминающимися; четверо из этих людей связаны с авиацией), ‘семья’ (сын – летчик). Таким образом, по-видимому, можно говорить о том, что концепт ‘труд’ в концептосфере является центральным.

Говоря о лингвокогнитивном уровне, нельзя не отметить, что он отражает прагматичность и конкретность знаний о мире, характерные для диалектной языковой картины мира [2].

Прагматическая направленность системы знаний о мире подтверждается, в частности, большим количеством контекстов, в которых предметы, явления или ситуации оцениваются с точки зрения практической пользы или возможных последствий: *Южный берег озера зыбкий. Не ходите туда удить рыбу! Пономет! А белянки ищите в кочках на болоте. Белянка – гриб третьей категории, условно-съедобный.*

Большое практическое значение для Н.П. Шаброва имели также профессиональные знания, составляющие значительный пласт лингвокогнитивного уровня: *Момент образования облака – температура точки росы. Если у земли температура точки росы выше +14°, из небольшого облачка вырастет гигантское облако, фронтальная или внутримассовая гроза.*

Отражается в высказываниях Н.П. Шаброва и конкретность знаний о мире. Например, в ряде ответов на вопросы программы ЛАРНГ Николай Павлович приводит названия конкретных природных объектов вместо нарицательных лексем: *Так от Ихалицы до Воя, что течет из Костромской области, лежит болото Большая чисть. Реки: Ихалица, Воя* (ответ на вопрос ЛСЛ 414 «Большое болото»).

Прагматический уровень

Этот уровень языковой личности составляют коммуникативные потребности, реализующиеся в целях, мотивах речевой деятельности, творческих потенциях и т.д. [3, с. 211]. Прагматический уровень языковой личности наиболее сложен для исследования. Его подробное описание требует длительного наблюдения за речевым поведением человека в разных коммуникативных ситуациях. Тем не менее имеющиеся у нас материалы позволяют сделать к речевому портрету Н.П. Шаброва несколько штрихов, соответствующих данному уровню.

Во-первых, для высказываний и текстов Николая Павловича характерны экспрессивность и оценочность – черты, традиционно включаемые исследователями в число характеристик диалектной языковой картины мира [2]. Как правило, в речи Н.П. Шаброва экспрессивность выражается не на лексическом или словообразовательном уровне, а на уровне построения высказывания или построения сюжета: *Теперь все яблоньки выросли, дают урожай, но они дикие и не очень вкусные. Молодильные яблоки из сказок! Нынче решили сделать джем из них. А что выйдет из этого? Это опять сахар и глюкоза в крови? А так сосед собирает их и отвозит на полигон, где приходят кабаны, и бьют их на мясо!* Такое выражение экспрессивности свойственно мужской речи; примечательно, что одно из немногочисленных исключений, в которых экспрессивность выражается на лексическом и словообразовательном уровнях, – воспоминание о том, что в детстве бабушка ласково называла внука *красное солнышко*, то есть цитирование женской речи.

Оценка предполагает выражение в высказывании отношения субъекта «к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» [1, с. 15]. В высказываниях и в текстах Николая Павловича встречаются оценки разных типов: когнитивы (*Илистая почва – самая плодородная, хотя для растений тяжелая*), аффективы (*А че-рень-то у ножа сделан из цветного пластика!*), сублиматы (*Красивый дом выходит! В деревнях северного края делали печи основательные и надежные*).

Во-вторых, в высказываниях Н.П. Шаброва часто наблюдается проявление ролевой позиции «Родителя» (по Э. Бёрну). Она традиционно характерна для человека старшего поколения, о чем свидетельствует и анализ текстов, записанных от других диалектоноси-

телей (см., например: [7, с. 124]). Особенно ярко эта ролевая позиция проявляется в контекстах, иллюстрирующих употребление диалектных лексем в ответах на вопросы программы ЛАРНГ. Эти иллюстрации часто представляют собой побудительные предложения, содержащие просьбу, приказ, совет: *Достань из печи латку с кабачками! Угли для самовара набери в корчаге! Не шали у печи. Получишь ухватом по хребту! Долго не лежи в бане на полке: уснеши и угореешь.* Советы, наставления находим и в созданных Николаем Павловичем текстах: *Золотое правило: «Знание человеком своей группы крови спасает ему жизнь!».*

Названные черты характерны для диалектной языковой личности в целом. Помимо них можно отметить и индивидуальные особенности, что соотносится с замечанием Ю.Н. Карапула о том, что на pragматическом уровне языковой личности индивидуализация наблюдается в большей степени, чем на остальных [3, с. 53].

Так, Н.П. Шабров часто обращается к прецедентным текстам. Как правило, это фрагменты классических стихотворных произведений, а также отрывки из песен, отражающие общекультурный кругозор: *Там лес и дол видений полны...* (А.С. Пушкин); *Матушка возьмет ведро, молча принесёт воды!* (Н. Рубцов); *Процай, хозяйские горшки!* (И.А. Крылов); *Мне привёз из-под Царицына сосед шитый шелком, кровью крашенный кисет* (А. Сурков); *Истопи мне баньку по-белому! Я от белого света отвык!* (В.С. Высоцкий); *На груди моей развязает узел, стянутый тобой!* (Я. Полонский); *Отвори потихоньку калитку и войди в тёмный сад ты, как тень...* (А. Будищев). Реже встречаются фольклорные тексты: *И скрипит перевесло: «Чтоб вас всех перенесло!»* (частушка); *Тень, тень, потемень выше города плетень. Сели звери под плетень похвалялися весь день* (детская считалка); *Топор, рукавица – жена мужа не боится. Рукавица да топор – жена мужа о забор!* (частушка).

Еще одной особенностью, присущей речевому поведению Н.П. Шаброва, является языковая рефлексия, интерес и внимание к языку: *У нас скажут: «Нагнать березового сока!» И даже не «нагнать», а «нагонить».* В текстах Николай Павлович нередко поясняет то, что, по его мнению, может оказаться непонятным для читателя: *Речка с омутами, которые местные жители называли курганами.*

Таким образом, в речевом поведении Н.П. Шаброва отражаются, с одной стороны, черты, характер-

Рецензент – Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

S.A. Ganicheva

EXPERIENCE OF SPEECH PORTRAIT OF THE VOLOGDA REGION NATIVE

The paper presents a speech portrait of the native of Borbushino village in the Kirillovsky district of the Vologda region who gained professional education and lived in the town for most of his whole life. In the speech behavior of the informant, a certain number of the characteristics of the 'dialectal language personality' remain intact with the additional influence of the professional discourse, literary language and urban vernacular speech. Some features of the speech behavior are also determined by gender. The theoretical base for a speech portrait method of analysis is the three-level concept of the language identity by Yu.N. Karaulov.

Dialectology, Vologda dialects, speech portrait, language personality.

ные для носителей говоров. Эти черты в большей степени сохраняются на лингвокогнитивном и pragматическом уровнях. На вербально-семантическом уровне наиболее сохранной оказывается лексика. Кроме того, речь Н.П. Шаброва отражает влияние профессионального дискурса, литературного языка и городского просторечия. Сопоставление речевого портрета Н.П. Шаброва с речевыми портретами других носителей говоров позволяет выявить и ряд индивидуальных особенностей. Некоторые из них, по всей видимости, обусловлены гендерной принадлежностью (большое влияние профессиональной деятельности, выражение экспрессии на уровне построения высказывания и текста).

В целом, представляется, что дальнейшая работа по составлению речевых портретов уроженцев деревни, получивших профессиональное образование и живущих в городской среде и потому не являющихся «типичными» диалектоносителями, могла бы способствовать выявлению наиболее сохранных черт диалектной языковой личности, а также изучению особенностей региональной языковой личности и региональной языковой картины мира.

Литература

1. Вендиня, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т.И. Вендиня. – Москва, 1998. – 240 с.
2. Демидова, К.И. Диалектная языковая картина мира и особенности ее репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) / К.И. Демидова // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 68–75.
3. Карапулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Карапулов. – Москва, 2007. – 264 с.
4. Мизюрина, Т.В. Гендерные особенности мужской и женской устной речи [Электронный ресурс] / Т.В. Мизюрина // Математика. Компьютер. Образование. – Режим доступа: <http://www.mce.su/tus/archive/abstracts/mce19/sect128330/doc150471> (дата обращения: 3.09.2016).
5. Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области / С.А. Ганичева, Ю.Н. Драчева, Е.Н. Ильина, Н.Г. Михова. – Вологда, 2014. – 160 с.
6. Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии / науч. ред. Е.Н. Ильина. – Вологда, 2012. – 96 с.
7. Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим / Е.П. Андреева, С.А. Громыко, Ю.Н. Драчева и др. – Вологда, 2015. – 256 с.
8. Chambers, J.K. Dialectology / J.K. Chambers, P. Trudgill. – Cambridge, 2004. – 201 p.

О.И. Литвинникова
г. Каменец-Подольский, Украина

СЛОВА С СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

И вся комната-малютка
Расцветает вдалеке,
Словно цветик-незабудка
На высоком стебельке.
Н. Заболоцкий

Статья содержит описание структурно-семантической организации производной лексики с субъективно-оценочным значением как составляющей прозаического текста одного автора, выполненное в синхронном плане с позиций семантико-грамматического словообразования русского языка.

Субъективно-оценочное значение, дериват, мотиватор, словообразующий формант, деривационное моделирование.

Субъективно-оценочными принято считать «значения, выраженные суффиксальным способом: ласкательное, уменьшительное, уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное, увеличительное» [14, с. 208–209].

Называние единиц с субъективно-оценочным значением формами давно ушло, они признаны самостоятельными словами. М.В. Ломоносов, разделив умалительные имена на «ласкательные» и «презрительные», отмечал, что суффиксы в них выполняют двоякую функцию – словообразующую и эмоциональную [8, с. 473]. Возможность «превращения» уменьшительно-ласкательной формы в особое самостоятельное слово видел В.В. Виноградов, о чем писал в 1947 году [3, с. 114]. Что *столик* ← *стол*, *домик* ← *дом* – разные слова, каждое из которых обладает как своей формой, так и своей системой значений, показано В.Г. Головиным. Им же типологизированы функции аффиксов, традиционно относимых к эмоционально-оценочным [5, с. 149–153]. Как отдельные слова такие дериваты представлены в академических грамматиках русского языка 1970 и 1980 гг.

Несмотря на то что исследователи (И.С. Улуханов, В.Н. Виноградова, О.П. Ермакова, Е.А. Земская и др.) неоднократно указывали на способность морфем передавать оценочные отношения говорящего к предмету речи, до сих пор в отечественной лингвистике нет достаточно полного описания аффиксов, способных вносить оценочную коннотацию или усиливать уже имеющуюся оценочную семантику в слове-мотиваторе. Труды, претендующие на полное описание русских морфем (академические грамматики 1970, 1980 гг.), лишь указывают на стилистическую характеристику, экспрессивный характер той или иной из морфем, отмечают использование их в позитивных или негативных наименованиях реалий. На роль суффиксов при передаче чувств говорящего указы- вал В.В. Виноградов: «... при их посредстве выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии: сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба, пестрая и противоречивая гамма эмоций и оценок» [4, с. 98].

Отметим, что суффиксы, взаимодействуя с конкретно-предметным значением мотиваторов, модифицируют их в строго определенном направлении, способствуют выражению оценки, обычно сопровождаемой проявлением каких-либо чувств. Слова, содержащие такие аффиксы, широко представлены в говорах русского языка, фольклоре, активно функционируют в произведениях художественной литературы.

Материал для наших наблюдений составила *смягчающе-экспрессивная* лексика повестей и рассказов И.А. Бунина [2], преимущественно субстантивная, с редкими вкраплениями адъективных и адвербальных производных, при полном отсутствии глаголов, используемых, как правило, лишь в разговоре с малышами (*питеньки, спатеньки, кущенъкать* и под.).

Деривационное моделирование интересующей нас лексики связано с суффиксацией. Исключением является ИС *зазимок*, в создании которого участвует дистантный словообразующий комплекс (циркумфикс) *за-...-ок*. Значение слова объяснено писателем в тексте произведения: *Скоро-скоро забелеют поля, скоро покроет их зазимок... Зазимок, первый снег* (Антоновские яблоки, с. 192–193). Словарь русских народных говоров [15, с. 92] указывает на междялктическое функционирование приведенного существительного: смол., орл., калуж., курск., тул., моск., южн., урал., новосиб., краснояр., ряз. В словаре В.И. Даля [6, с. 579] ИС *зазимок* семантизировано как 'первый снежок, небольшая ранняя пороша' (без указания места его распространения).

Образование ИС со значением 'ласкательность' обеспечивают суффиксы: -к-, -ок (-ёк), -енък-, -очк-, -ушк- (-юшк-), -ик, -ц-, -иц-, -ышк- (-ишк-), -чик: *не-*

делька, газетка, зоренька, батюшка, солнышко, лисица и т. д. Покажем некоторые из них в тексте: *Высвободив руки из попонки, в которую она неловко закуталась ночью, Танька вытянулась, глубоко вздохнула и опять сжалась* (Танька, с. 10). – Я читал, – продолжал Турбин уже с усилием, – недавно в одной газетке про книжницу какого-то Весселя о профессиональном образовании (Учитель, с. 78). На выгоне он встретил возвращающегося с поля Глебочку. Глебочка, высокий, худощавый мужик с веснушками на бледном лице и с опухшими красными веками (Кастрюк, с. 27). – Посмотри, сударушка, за избой, – сказал он старухе-соседке, которая около пуньки медленно скатывала холсты (Кастрюк, с. 27). Зажигаемые свечи осторожно потрескивали, ветерок колебал их огни (На чужой стороне, с. 49) и др.; 'уменьшительность': -к-, -ик-, -ок (-ёк), -онок- (-ёнок-) – кучка, домик, флигелёк и т. д. Ср. в тексте: ...Кирпичного цвета лицо оживилось маленьками весёлыми глазками (Учитель, с. 66). Один ягнёнок, упав на колени, засовал мордочкой под пах матери и так торопливо, дрожа хвостиком и подталкивая её, стал сосать, что дед засмеялся от удовольствия (Кастрюк, с. 23). За дверью в коридоре похрапывает старая кухарка, жившая в господском доме ещё девчонкою (Антоновские яблоки, с. 191) и др.; 'уменьшительно-ласкательность': -к-, -еньк-, -ок (-ек-), -ик-, -очки-, -ышк-, -ц-, -чик: кроватка (детская), кусочек, кустик, звёздочка, амбарчик и т. д. В тексте: Танька... съёргивала с печи и, часто перебирая босыми ножками, бежала на коник, к столу (Танька, с. 13). Взываясь откуда-нибудь ястребок в прозрачном воздухе и замрёт на одном месте, трепеща острыми крыльшками (Антоновские яблоки, с. 184). Поразили его только ширмочки около них <тропических растений> из матового стекла (Учитель, с. 75). ...Ветер разносил красные искры и доносил до него отрывки разговоров, смех, звон бубенчиков на другой тройке (Вести с Родины, с. 42). – А я было к вам по дельцу, – начал Николай Петрович, отдуваясь... (Кастрюк, с. 24). Турбин с жадностью припал к чугунчику (Пить нет ли? Душа запеклась!) (Учитель, с. 91) и др.; 'пренебрежительность': -онк (-ёнк-), -ушк-: портчонки, кобылёнка, деревушка: ...он летел по сугробам босой, в изорванной на животе рубашонке и коротеньких портчонках (Вести с Родины, с. 40). Мишка торопливо сдёрнул шапочку и ответил испуганно и покорно... (Вести с Родины) и т. д.

В дериватах типа *печка* = печь, *рубашка* = рубаха, являющихся синонимами, -к- следует признать стилистическим модификатором. Имена собственные Никитка, Танька и под. лишь с позиций русского литературного языка можно считать обладающими субъективно-оценочным значением 'пренебрежительность', потому что в целом ряде говоров и их ономастических системах степень экспрессивности, привносимой в производные суффиксом -к-, различна или вовсе отсутствует [9, с. 105–115]. Обычно та ли иная оценка – результат взаимодействия оценочного компонента семантики мотиватора и словообразующего форманта: *хибárка* ← *хибár* 'убогий домик, лачуга'. Уничтожительно-пренебрежительное значение мотиватора поглощается уменьшительно-ласкательным:

Турбин долго не мог без содрогания видеть её *хибárки* (Учитель, с. 62). Мотиваторами для большинства ИС с таким значением выступают непроизводные по структуре с немотивированной семантикой единицы: чуньки ← чуни, дюжинка ← дюжина, язычок ← язык, грибок ← гриб, годик ← год, таганчик ← таган, синишка ← сын, берёзка ← берёза и мн. др.; значительно реже – производные с мотивированной семантикой, содержащие в своей структуре суффиксы -к-, -л-, -ик-, -ок-, -ын, -^: *похмёлочка* ← *похмел-к(а)*, капелька ← *кап-л(я)*, старичок ← *стар-ик*, лесочек ← *лес-ок*, сударушка ← *судар-ын(я)*, подковка ← *подков-^-(а)* и т. д. Образования, мотивирующие производными ИС с оценочной семантикой, обозначают, как правило, усиленную степень ласкательности: *голосочек* ← *голосок*.

В зависимости от контекста и интонации дериваты с одним и тем же суффиксом могут выражать различные, нередко противоположные чувства и представления, следовательно, основными средствами выражения субъективно-оценочного значения корректнее считать не суффиксы, а контекст и интонацию, о чём справедливо писал В.М. Никитевич [12, с. 81]. Связано это с тем, что гамма человеческих чувств необычайно сложна, а отдельные из эмоций человека проявляются в самом причудливом переплетении, хотя носят временный характер, видоизменяясь от случая к случаю, будучи во многом субъективны.

Использование И.А. Буниным в одном небольшом по объему тексте нескольких единиц с субъективно-оценочным значением, как одно-, так и разномодельных, способствует усилению степени ласкательности, уменьшительности, уменьшительно-ласкательности, подтверждая положение о высокой продуктивности ИС с субъективно-оценочным значением в разговорной и художественной речи, высказанное авторами Русской грамматики-80 [14, с. 208–209]. ...Всё было серо, тихо в деревушке, приотившейся около лощинки (Вести с Родины, с. 41) и под.

Семантика имён прилагательных – обозначение качества – сама по себе связана с оценкой этого качества. В немногочисленных ИП с суффиксами -оват-(-еват-) заключено значение «смягченной, уменьшенной степени качества, названного мотиватором». Все мотивирующие являются собой качественные (по разряду) ИП, немотивированные, обозначающие цвет: *Небось и они все глядят в эту загадочную голубоватую даль...* (На край света, с. 53). В окна брезжил *синеватый* холодный свет утра... (Танька, с. 10). ...Он шёл и любовался деревней, синими резкими тенями около строений и горизонтом зеленоватого неба над лёгким лесочком в снежном поле... (Учитель, с. 70). ИП с -оньк- (-еньк-) использованы И.А. Буниным чаще приведенных выше. Все они имеют ласкательное экспрессивное значение. Мотивированы непроизводными ИП лексико-семантических групп 'цвет, масть': Танька запотела, глазки у неё блестели ясными звёздочками, шелковистые *беленькие* её волосики были причёсаны на косой ряд, и она походила на мальчика (Танька, с. 17). Павел Антоныч причесал её, подпоясал *голубеньким* пояском (Танька, с. 18). ...Как и они, любил хвастнуть своей *рыженькой* троечкой <о лошадях> (Учитель, с. 67, 73, 87); 'размер, воз-

раст': **Маленькие**, склеенные из кусочков, мутные стёкла (Кастрюк, с. 25); **маленькая** гостиная (Учитель, с. 84); **маленькие** хижины (Перевал, с. 9); **коротенькие** порточки (Вести с Родины, с. 40; Антоновские яблоки, с. 180); *Но отчаяннее всех улепёты-вала по деревенской улице маленькая белоголовая девочка в одной рубашонке* (Кастрюк, с. 20); 'физическое состояние человека': **косенъкая**, миловидная и тихая девочка (Учитель, с. 65); **худенькие** плечи (На чужой стороне, с. 46); 'форма': **кругленький** мерин (Кастрюк, с. 26). Малочисленность производных ИП с субъективно-оценочным значением связана с тем, что они образуются от исконно русских по происхождению качественных (по разряду) прилагательных, функционирующих в произведениях художественной литературы, народной речи и фольклоре, о чём, вне всякого сомнения, писатель прекрасно знал.

Наречия, имеющиеся в нашем распоряжении, представлены единичными дериватами со значением 'ласкательность', созданы в основном при помощи суффикса -онъко (-енько) и мотивированы производными (от ИП) наречиями, исконно русскими по происхождению: *Старик поглядел на его худенькие плечи... потом тихонъко отвернулся* (На чужой стороне, с. 46). — **Давненько** я не брал в руки шашек, — говорил Сергей Львович, кряхтя и усаживаясь за рояль (Учитель, с. 83). ...Звучала тогда величаво-грустная «дума» о том, «як на Чорному морі, на білому камені сидить ясен сокіл-білозірець, **жалибненько** квилить-проквилє...» (На край света, с. 51). Исключение составляет наречие **бочком**: ...устремь задержать собой на раскате сани и снова вскочить **бочком** на облучок (Танька, с. 16). Это наречие может быть рассмотрено как полимотивированное: ИС **бочок** со значением 'ласкательность' и наречием **боком**, названное значение которому сообщает инфикс -к- (боч-к-ом ← бок-ом). Мы солидарны с П. Катышевым в том, что полимотивация деривата, будучи способом интенсифицированной реализации основной аналогии, представляет собой интерес как показатель развития и воплощения механизмов языкового ассоциирования, как коррелят психической динамики индивида и возможная основа языковой личности, как эталон существования в речи основного повтора, демонстрирующего адаптивность языка к трем базовым надсистемам — человеку, социуму, универсуму [7, с. 695]. А.Н. Тихонов в связи с анализом словообразовательной структуры наречий отмечал, что «суффиксы оценки наречий присоединяются не к производящей основе, а вставляются внутрь основы перед наречным суффиксом», имея в виду межморфемный инфикс -к- в наречии **бочком** [16, с. 15]. Общепринятого определения инфиксa нет до сих пор. Одни языковеды считают его аффиксом, вставленным внутрь корня [19, с. 112; 11, с. 62], другие — аффиксом, вставленным внутрь основы [18, с. 142; 1, с. 182]. В Словаре лингвистических терминов Ж. Марузо инфикс определен как аффикс, вставляемый «внутрь слова, иногда даже в самый корень» [10, с. 125]. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий представил инфикс как «аффикс, вставляемый внутрь корня при словообразовании и формообразовании» [17, с. 527]. Как «аффикс, вставляемый внутрь корня»

основы при словоизменении и словообразовании», инфикс определен в Справочнике лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой [13, с. 122].

По одному примеру дериватов от наречной производности с суффиксами -шка и -ышком: — **Насилушка** убёг, — говорил он, запыхавшись, и его глаза сверкали радостью (Вести с Родины, с. 40). А когда лошади спокойно вникли в корм и прекратилась возня улегшихся **рядышком** ребят, ...с благоговением стал на колени и долго молился на тёмное, звёздное, прекрасное небо, на мерцающий Млечный Путь — святую дорогу ко граду Иерусалиму (Кастрюк, с. 29).

Обращение к фактическому материалу прозы И.А. Бунина обусловлено проникновенным вниманием писателя к национальным особенностям русского языка и тщательной работой над словом, как и безупречным владением им. Речевая ткань прозаических произведений Ивана Алексеевича — органичное сочетание различных элементов русского национального языка — от нейтрально-книжной лексики до просторечно-диалектных, фольклорных слов и выражений. Оценочный компонент значения производного слова ярче проявляется, когда слово не нейтрально, а стилистически маркировано. В тексте оценка, как правило, связана с общим содержанием повести или рассказа. Субъективно-оценочное пространство малых жанров прозы Бунина заполнено преимущественно положительно окрашенными дериватами, мягкими, отзывчивыми, колоритными, вызывающими добрые чувства. Даже слова со значением 'пренебрежительность' звучат мягко в названиях-характеристиках. Предпочтение наименований с уменьшительно-ласкательным, уменьшительным или ласкательным значением писателю просто необходимо: они участвуют в его постоянно стремлении найти в мире «сочетание прекрасного и вечного». Производные, рассмотренные в статье, созданы в соответствии с нормами литературного языка. Среди них нет ни заимствованных, ни окказиональных единиц, русское слово погружено «в живую воду сердца, в чистую влагу любви, печали и нежности». Красота и изящество слога великого И.А. Бунина состоят в правильности и уместности расположения каждого слова, в том числе — дериватов с субъективно-оценочным значением, дальнейшее внимательное изучение которых не только на примере прозы одного автора, но произведений русской художественной литературы, публицистики в системе народной и диалектной речи откроет немало важного как о самом Человеке, так и его языке.

Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. — Москва, 1966. — С. 182.
2. Бунин, И.А. Повести и рассказы 1890–1909 гг. / И.А. Бунин. — Москва: Худож. лит., 1965. — 526 с.
3. Виноградов, В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. — Москва; Ленинград, 1947. — С. 114.
4. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. — 2-е изд. — Москва: Высшая школа, 1972. — С. 98.
5. Головин, В.Г. Очерки по русской морфемике и словообразованию / В.Г. Головин. — Воронеж: ВГУ, 1990. — С. 149–153.

6. Даль, Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Владимир Даль. – Москва: Русский язык, 1978. – Т. 1. – С. 579.
7. Катышев, Павел. Полимотивация деривата как проявление структурных детерминант русского языка / Павел Катышев, Светлана Соколова // Slowo, Tekst, Czas X. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradymatach naukowych. – Szczecin – Greifswald, 2010. – S. 695.
8. Ломоносов, М.В. Полное собр. соч. / М.В. Ломоносов. – Москва; Ленинград, 1952. – Т. 7. – С. 473.
9. Максимов, В.И. Стилистические, оценочные и экспрессивные свойства суффиксов / В.И. Максимов // Материалы по русско-славянскому языкоznанию. – Воронеж, 1969. – Вып. 4. – С. 105–115.
10. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – Москва, 1960. – С. 125.
11. Нечаев, Г.А. Краткий лингвистический словарь / Г.А. Нечаев. – Ростов-на-Дону, 1976. – С. 62.
12. Никитевич, В.М. К вопросу о категории оценки в русском языке / В.М. Никитевич. – Филологические науки. – 1960. – № 3. – С. 81.
13. Розенталь, Д.Э. Справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – Москва, 1972. – С. 122.
14. Русская грамматика. – Москва: Наука, 1980. – Т. 1. – С. 208–209.
15. Словарь русских народных говоров. – Ленинград: Наука, ЛО, 1974. – Вып. 10. – С. 92.
16. Тихонов, А.Н. Образование наречий в синхронном освещении / А. Н. Тихонов // Труды Самаркандинского педагогического института им. С. Айни. Новая серия. – Самарканд, 1969. – Вып. 170. – С. 15.
17. Тихонов, А.Н. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева, М.А. Лапыгин, А.Г. Ломов, Л.В. Рацубурская, Е.Н. Тихонова. – Москва: Флинта – Наука, 2008. – Т. 1. – С. 527.
18. Фортунатов, Ф.Ф. Сравнительное языкоznание: Общий курс / Ф.Ф. Фортунатов // Избранные труды. – Москва, 1956. – Т. 1. – С. 142.
19. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию / Н.М. Шанский. – Москва, 1968. – С. 112.

Рецензент – Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

O.I. Litvinnikova

WORDS WITH SUBJECTIVE EVALUATION MEANING IN A PROSAIC TEXT

The article contains a description of the structural and semantic organization of derivative vocabulary with subjective evaluation meaning as a component of the prosaic text by one author. The analysis is performed according to a synchronism approach and the theoretical principles of semantic and grammatical word-formation in the Russian language.

Subjective evaluation meaning, derivative, motivator, word-building formant, derivation modeling.

УДК 81+811.161.1'36

В.И. Чуглов
Вологодский государственный университет

*К 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина**

ВОПРОСИТЕЛЬНО-ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ И СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОДНОЙ ИЗ РАННИХ ПУБЛИКАЦИЙ Б.Н. ГОЛОВИНА

Рассматриваются научные наблюдения в одной из ранних публикаций Б.Н. Головина, сделанные в процессе выделения частных грамматических значений вопросительно-относительных местоимений и функционирования их в этих значениях в разных синтаксических сферах, в частности в разных типах сложноподчиненных предложений с местоименной связью их предикативных частей. Эти наблюдения значимы для классификации и описания данных типов. К сожалению, публикация по определенным причинам не получила должной известности. Однако сходные этим наблюдениям идеи и положения имеют место в появившихся позже работах специалистов. Некоторые суждения ученых, в том числе неприемлемые, побуждают к дальнейшим научным поискам, углубляющим сложившие представления.

Б.Н. Головин, частные грамматические значения вопросительно-относительных местоимений, сложноподчиненные предложения с местоименной связью, союзные слова, относительные местоимения.

* Борис Николаевич Головин – видный российский ученый, заведовавший кафедрой русского языка Вологодского государственного педагогического института с 1949 по 1961 гг.

То, что содержание рассматриваемой нами публикации Б.Н. Головина в «Ученых записках Вологодского государственного педагогического института» 1956 года, «позворослевшей» на 60 лет, оживает на страницах «Вестника Вологодского государственного университета» в 2016 году (что само по себе уже примечательно) говорит о ее научной значимости. Хотя объектом публикации являются названные выше местоимения (включая местоименные наречия), наиболее значимыми представляются выделенные автором типы сложноподчиненных предложений с этими местоимениями и их систематизация, во-первых, потому, что в конце 50-х и начале шестидесятых годов в синтаксической науке о русском языке велась важная работа по созданию новой структурно-семантической классификации сложноподчиненных предложений. Публикации Б.Н. Головина отвечали поставленным задачам, во-вторых, потому, что позже, включая настоящее время, были высказаны и получили развитие идеи, сходные с наблюдениями Б.Н. Головина (см., например: [16]).

Как известно, в русистике из трех классификаций, точнее, парадигм классификаций: логико-грамматической, формально-грамматической и структурно-семантической – первые две не удовлетворили исследователей. Логико-грамматическая классификация (А.Х. Востоков, Н.И. Греч, И.И. Давыдов, Ф.И. Буслев), исходившая из сравнения сложных предложений с простыми, а придаточных – с членами простого предложения, недостаточно учитывала формальные признаки; формально-грамматическая классификация (А.М. Пешковский, М.Н. Петерсон, Л.А. Булаховский) учитывала лишь один формальный признак – характер скрепы – союз или союзное слово – и делила сложноподчиненные предложения на два соответствующих типа, обращаясь далее к значениям союзов и союзных слов. Третья, отталкиваясь от выделенной В.А. Богородицким суммы признаков: 1) к чему относится придаточное, 2) какие формальные слова применяются (также и другие средства выразительности – интонация и т.д.), 3) какие отдельные оттенки принадлежат самим придаточным предложениям (а не тому или другому члену главного предложения) [4, с. 230], – пыталась уточнить состав структурных признаков и семантику сложноподчиненных предложений. Б.Н. Головин, как уже было сказано, обратился к указанным местоимениям, которые реализовали свои частные значения как раз как скрепы, связывающие предикативные части сложноподчиненных предложений, а также как члены других образований. Первая структурно-семантическая классификация была предложена Н.С. Поспеловым [14]. В 1960 г. выходят статьи С.Е. Крючкова и Л.Ю. Максимова «К вопросу о типологии сложноподчиненных предложений» [8] и «Типы сложноподчиненных предложений с придаточной частью, относящейся к одному слову или словосочетанию главной части» [9]. Несколько позднее появились работы [6; 2; 11]. Предложенная Б.Н. Головиным систематизация сложноподчиненных предложений, как и статья Крючкова и Максимова в «Вопросах языкоznания», касалась лишь предложений одной из разновидностей первой ступени деления – предложений расчлененной структуры, точнее, тех из них, части которых были связаны названными местоимениями и имели соответствующую этому теоретическую ценность. К великому сожалению, несмотря

на ее теоретические достоинства, по некоторым причинам она не получила должной известности. По-видимому, сказались обращение только к фрагменту системы сложноподчиненных предложений без его связи с другими участками этой системы в целом, недостаточность утверждавшейся соответствующей терминологии, небольшой тираж издания.

Обратимся к синтаксическим наблюдениям автора. Опираясь на высказанные А.М. Пешковским мысли о бесконечном множестве переходов от вопросительных значений к относительному в сложных предложениях с относительной связью [13, с. 495], Головин вычленил частные грамматические значения вопросительно-относительных местоимений, систематизировал их, а вместе с тем и образований, в которых они употребляются, в частности в придаточных определенных сложноподчиненных предложений по степени ослабленности вопросительности. Отметим новизну и оригинальность такого подхода. Сходные положения, но с существенным их развитием находим в работах современных исследователей, прежде всего в академической «Русской грамматике», делящей сложноподчиненные предложения с местоименной связью частей на предложения с местоименно-вопросительной связью частей и предложения с местоименно-относительной (анафорической) связью частей. При описании первых указываются условия ослабления вопросительного значения [16, с. 508–538].

В рассматриваемой публикации выделены следующие типы сложноподчиненных предложений с местоименной связью предикативных частей:

1. Предложения с вопросительно-относительным значением (косвенный вопрос): – *Василий Карпович, у вас перчатки проходились, – сказала я и сама удивилась, зачем это я сказала* (С. Антонов).

Значение таких предложений автор определяет как сообщение адресату о наличии неизвестного говорящему факта, который мог бы стать объектом прямого вопроса [5, с. 365–366].

2. Предложения с указательно-относительным значением местоимения в составе придаточного: *Я вот на бумажке написала, где вещи наши лежат* (С. Антонов).

Местоимения с данным значением могут непосредственно относиться к известному автору объекту и соотноситься с содержанием главного предложения [5, с. 367–368].

Оценивая основания выделения данных типов сложных предложений, следует позитивно отнести к замеченному автором их различию. Ср. утверждение для не попавших в перечень факторов ослабления вопросительного значения вопросительных местоимений в «Русской грамматике»: «Все перечисленные факторы выявляют следующую тенденцию: вопросительное значение местоимений нейтрализуется тем сильнее, чем больше положительное знание ситуации, относительно которой задается вопрос» [16, с. 510]. Однако перевешивает другое, формальное и поэтому достаточно определенное по сравнению с семантическим обстоятельством, более общее значение придаточных, позволяющее с убедительными основаниями отнести выделенные автором типы к одному типу сложноподчиненных предложений – к предложениям с местоименно-вопросительной связью частей [16, с. 562], к предложениям с союзными словами, или относительным подчинением, обычно, как правило, со значением косвенного вопроса (Максимов).

Л.Ю. Максимов определяет значение придаточных, раскрывая понятие косвенного вопроса: «Придаточные в этих предложениях выражают объект не как сообщение, а как его тему с более или менее отчетливо выраженным оттенком косвенного вопроса» [1, с. 195]. Однако в объединении выделенных типов сложных предложений в один вид чрезвычайно важно формальное основание: отсутствие в главном предложении таких членов предложения, с которыми союзные слова (точнее, предложения с ними) могли бы вступить в анафорические (относительные) отношения (см. [2, с. 32], ср. [13, с. 497]). В.А. Белошапкова относит их к бессоюзным (однако есть основания не согласиться с таким решением).

3. Сложные предложения с местоименным союзно-относительным значением: *Почти все офицеры разъехались, а в большой комнате, где находилась техническая часть дорожного отдела армии, оказались только инженер-майор Юрцев... и старший сержант Нина Попова...* (С. Антонов); *Время пройдет, и какой-нибудь другой Вася, такой же молодой и красивый, сам придет к вам, возьмет вас за руки, и скажет все, что надо сказать, надо обдумывать и зачеркивать* (С. Антонов); *Когда он подъезжал с той стороны к Шомушке, эта сосна встречала его на повороте дороги, тихая и приветливая, и словно показывала туда, где деревня, где речка, где Лена* (С. Антонов); *Анисим заметил его только тогда, когда он очутился на лыдине с прорубью* (С. Антонов) [5, с. 361–374].

Как видно из примеров, в этом типе сложноподчиненных предложений оказались соединенными два разных вычленяемых исследователями типа предложений – с придаточными присубстантивно-атрибутивными (определительными) (два первые примера) и местоименно-соотносительными (два вторых примера) [5, с. 371]. Основаниями для выделения единого вида: существенные общие признаки, отличающие их от двух названных видов: использование придаточных с союзно-относительными местоимениями.

Автор вскорь противопоставляет остальные предложения, в которых придаточные относятся к существительному [5, с. 371], т.е. предложения с придаточными определительными. Основаниями для выделения единого типа является для автора существование объединяющих, отличающих их от двух названных типов ряд признаков: использование придаточных с этими местоимениями для конкретизации имеющегося в главном предложении обобщенного указания на обозначаемый объект и для образования его составного наименования, отсутствие у него конкретной соотнесенности с объектом, функциональная близость к союзу, как и союз, он связывает придаточное предложение с главным.

В качестве общих признаков определительных и местоименно-соотносительных предложений существенно отметить еще один – тождество, или, точнее, выражение тем и другим определительных отношений. У присубстантивно-атрибутивных придаточных предложений это значение очевидно, оно является грамматическим у местоименно-соотносительных предложений. Кстати, на основе этой близости в «Русской грамматике» выстраивается оппозиция по структурно-семантическому признаку: предложения с ориентированной и предложения с неориентированной связью частей, или соответственно в других терминах – с придаточными определительными, от-

носящимися к существительному, и местоименно-соотносительные, или предложения с придаточными, относящимися с помощью местоимения к другому местоимению: ср. *Путники остановились в имении, где они уже останавливались* – *Путники остановились там, где они уже останавливались*.

Конечно, не со всеми интерпретациями можно согласиться, например с объединением двух рассматриваемых видов в один, с тем, что вопросительно-относительные местоимения в них не являются членами предложения. Но, например, последнее утверждение побуждает вернуться к ставшему традиционным, вполне очевидному представлению. Выделим некоторые частные утверждения автора относительно местоимений в союзно-соотносительном значении и предложений с ними: сохраняет способность к формоизменению [5, с. 371], «формально зависят от глагола-сказуемого» (автор говорит об этом применительно к местоимению «который», однако не исключаются отношения к другим местоимениям в указанном значении [5, с. 371–372], «у них нет той смысловой и синтаксической формальной «весомости», которая необходима для члена предложения, «местоимения по существу не соотнесены, а соотносят придаточное предложение с главным» [5, с. 368], вводятся в придаточное с целью использовать его содержание для конкретизации имеющегося в главном предложении обобщенного указания на предметы и признаки [5, с. 368]. Фактически речь идет о союзных словах (автор употребляет соответствующий термин «однажды и в кавычках»), которые авторы обычно априори ставят в один ряд с союзами.

В свете сказанного механизм связи с помощью союзных слов, абстрагируясь от местоименно-вопросительной связи, можно представить следующим образом. Связь между главным и придаточным предложениями, точнее, между опорным компонентом и придаточным является анафорической (точнее, катафорической). Опорное образование является недостаточным для выражения смысла главного предложения и отсылает к содержанию придаточного предложения, которое (но не союзное слово) транспортирует смысл (содержание) придаточного в его опорное образование (ср.: [3, с. 227–232]).

Союзную функцию союзное слово выполняет не само по себе, а на основе своей функции члена предложения в придаточных предложениях. Однако в этой функции данный член предложения обладает рядом особенностей, благодаря которым грамматикализуется как средство связи. Во-первых, он актуализируется, противопоставляясь остальной части придаточного, сохраняя, однако, свою функцию члена пропозиции, обозначающего компонент обозначаемой ситуации, благодаря чему он определяется по ситуации как ее часть. Возьмем для сравнения сложноподчиненные предложения с определительно-выделительными придаточными. *Приятель купил книгу в магазине* – (1) *Приятель, который / купивший книгу в магазине*; (2) *Книга, которую приятель купил...*; (3) *Магазин, в котором приятель...* В (1) имеет место характеристика по ситуации субъекта этой ситуации, в (2) – как прямого объекта; в (3) – как места ситуации [17].

Во-вторых, актуализированный член предложения выражает значение некоторой неопределенности и в соответствии с этим он выражается соответствующим местоимением. Это значение члена предложения, вы-

раженного местоимением, конкретизируется в необходимой степени содержания остальной части придаточных, семантически определяющего как компонент ситуации.

Наконец, с целью отмеченного выше транспонирования смысла актуализируемый член придаточного выражается именно таким местоимением, которое соотносится с опорным словом на уровне общего значения тематического класса (предметность, признакомость и т.д.), а там, где возможно, – и на уровне общих грамматических категорий (рода, числа), а также на уровне семантической соотносительности типа *тот – кто (кого и т.д.)*, *там – где (откуда, куда)*. В результате образуемое составное наименование выражает грамматическое значение неопределенности (конкретизированной неопределенности), иногда в комплексе со значением универсальности и другими (*каждый – кто, все – кто*).

Таким образом, союзные слова как грамматическое средство связи выполняют союзную функцию не в отрыве от синтаксической функции члена придаточного предложения, а на ее основе (как часть конструкции «опорный компонент – организованное определенным образом придаточное предложение с функцией антецедента»).

Итак, на основании выделенных частных грамматических значений вопросительно-соотносительных местоимений автор фактически охватил большую часть типов сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры. Неохваченными остались предложения с союзной связью – местоименно-союзные соотносительные и сравнительно-объектные, а также основная часть изъяснительно-объектных (по классификации Максимова). Научные наблюдения Б.Н. Головина в рассмотренной области синтаксиса представляются значимыми, его наблюдения сохраняют актуальность и на настоящее время.

Располагающим к размышлению является и выделение вопросительно-относительных местоимений как одного, а не двух семантических разрядов местоимений – вопросительных и относительных. Последнее автор считает «недостатком», игнорирующем смысловые связи между ними. Но и сами грамматические значения вопросительно-относительных местоимений автор считает «не подвергшимся <...> сколько-нибудь широкому и пристальному изучению» [5, с. 361].

В настоящее время существуют разные точки зрения. Одни авторы выделяют вопросительные и относительные местоимения как два семантических разряда (А.М. Пешковский, В.А. Белошапкова, Е.В. Падучева, М.А. Шелякин), другие авторы объединяют их в один разряд – местоименно-соотносительные (академическая «Грамматика русского языка» 1952 г., т. 1, К.В. Горшкова, Е.В. Клобуков) или вопросительные (Русская грамматика 1980 г., Краткая русская грамматика).

Между тем выделение относительных местоимений в отдельный разряд вызывает у нас определенные сомнения. Во-первых, все относительные местоимения являются полными омонимами вопросительных. Во-вторых, они выделяются авторами даже не по значению, а по структурной функции – функции средства связи придаточного предложения с главным. Но в этой функции, как уже отмечалось, используются и вопросительные местоимения (Русская грамматика 1980 г.). В-третьих, сфера использования относитель-

ных местоимений ограничивается количеством типов сложноподчиненных предложений, что несопоставимо с функциями вопросительных местоимений. В-четвертых, механизм выполнения союзной функции, как мы пытались показать это выше, является сложным в сравнении с функциями других местоимений. В-пятых, при выделении омонимичных вопросительных относительных местоимений игнорируются внутренние семантические связи этих местоимений – по линии значения неопределенности либо показ этих связей делается более сложным. Ср.:

– *Кто сегодня дежурит?* – *Тот, кто дежурил вчера.*

Более адекватным представляется решение, согласно которому выделяется один разряд – вопросительные местоимения. Этот разряд имеет ряд значений, связанных с употреблением местоимений. Эти значения находятся в соответствии с делением вопросительных предложений на предложения со стандартной и нестандартной семантикой [12, с. 233]. Значение вопросительных местоимений можно соответственно определить как значение запроса информации об обозначаемом в составе предложения объекте, обозначенного местоимением, и разные значения, лишенные такого требования, например об объекте риторического вопроса. И хотя сама Е.В. Падучева выделяет разряд относительных местоимений, их значение в предложениях с местоименно-вопросительной связью предикативных частей естественно признать нестандартным, происходящим от вопросительного значения: обозначается не вопрос, а как уже было сказано выше, содержание вопроса с разной степенью ослабления вопросительности их значения у союзных слов логично признать нестандартным, или производным от основного вопросительного значения. Основанием для этого являются те обстоятельства, что они не побуждают адресата к сообщению информации, а выражают содержание вопроса, при этом с разной степенью ослабления вопросительного значения. На значение выражения содержания указывают А.М. Пешковский, Л.Ю. Максимов, В.А. Белошапкова. Е.В. Клобуков, выделив разряд вопросительно-относительных местоимений, предельно четко сформулировал мысль: относительные местоимения – это вопросительные местоимения в функции союзных слов [7, с. 202].

В публикации Б.Н. Головина, помимо сферы использования вопросительно-относительных местоимений, представлена еще одна сфера – сфера предложений заголовков статей, заметок, информации в их взаимодействии с текстом. Эта сфера интересна по-своему. От сферы сложноподчиненных предложений она отличается прежде всего большим объемом текстового компонента отношений и структуры, а с точки зрения семантики – наличием семантики сложносочиненных предложений. Вообще же определенные отношения, в частности выделяемые автором, могут быть переданы и сложными предложениями, правда, многочленными, как, впрочем, и выражаемые сложноподчиненными предложениями – соответствующими фрагментами текста.

Например, вопросительно-мотивирующее значение в газетной заметке «Где купить кадку?» с мотивирующей вопрос частью «очень редко и в небольшом количестве бывают они <кадки> в магазине № 1 промысловой артели “Красный партизан” и в магази-

не № 2 лесоторгового склада» (газета «Красный Север» за 1954 г.) можно представить в предложении «Где купить кадку, если кадки встречаются очень редко: в магазине № 1 промысловой артели “Красный партизан” и в магазине № 2 лесоторгового склада?».

Однако возникает вопрос и по постановке вопросительного знака в конце вопросительного заголовка. К сожалению, соответствующих правил в полном академическом справочнике [15] мы не нашли.

Таким образом, в публикации Б.Н. Головина, близко предшествующей по времени появления первым структурно-семантическим классификациям, представлены интересные научные наблюдения, важные для этих классификаций. Фактически предложен новый подход к выделению типов и систематизации сложноподчиненных предложений с местоименной связью предикативных частей – большинства видов нерасчлененных сложноподчиненных предложений, то есть одной из двух разновидностей первой ступени упомянутых классификаций. Это удалось сделать независимо от основной задачи публикации в процессе выделения частных грамматических значений единого семантического разряда вопросительно-относительных местоимений, систематизировав их по степени ослабления значения вопросительности, и соответственно тех единиц, в которых местоимения в этих значениях функционируют. Само выделение этих значений было новым, сходные положения с последующим развитием находим в более поздних работах исследователей сложноподчиненных предложений, например в академической «Русской грамматике». С некоторыми интерпретациями публикации 1956 г. нельзя согласиться (как нельзя считать недостатками отсутствие каких-то важных сведений), но в ряде из них есть нечто рациональное, побуждающее к поиску более адекватных решений. Хотелось бы, чтобы, пусть с опозданием, научные наблюдения автора публикации получили должную известность и нашли определенное место и оценку в истории создания структурно-семантических классификаций и в решении некоторых других вопросов.

Литература

1. Бабайцева, В.В. Современный русский язык: Синтаксис. Пунктуация / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. – Москва, 1987. – 256 с.

Рецензент – Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

V.I. Chuglov

INTERROGATIVE-RELATIVE PRONOUNS AND COMPLEX SENTENCES IN ONE OF THE EARLY PUBLICATIONS OF B.N. GOLOVIN

The article summarizes the scientific observation of one of the earliest publications by B.N. Golovin, which were made during his study of specific grammatical meanings in relation to interrogative-relative pronouns and their functioning in syntactic constructions, in particular different types of complex sentences with pronoun clauses. These observations are relevant for the classification and description of types of these sentences. Unfortunately, this publication for some reason has not received widespread publicity. However, these observations are similar to the ideas and conceptions that have emerged in the later works of linguists. Scientists' opinions, including unacceptable ones, warrant further research and the need to extend existing notions.

B.N. Golovin, specific grammatical meanings of interrogative-relative pronouns, complex sentences with a pronoun clause, conjunction words, relative pronouns.

2. Белошапкова, В.А. Сложное предложение в современном русском языке / В.А. Белошапкова. – Москва, 1967. – 160 с.
3. Белошапкова, В.А. Современный русский язык: Синтаксис / В.А. Белошапкова. – Москва, 1977. – 348 с.
4. Богородицкий, В.А. Общий курс русской грамматики / В.А. Богородицкий. – Москва; Ленинград, 1935. – 230 с.
5. Головин, Б.Н. О разновидностях грамматического значения вопросительно-относительных местоимений / Б.Н. Головин // Ученые записки Вологодского государственного педагогического института. – 1956. – Т. 18. Филологический. – С. 361–374.
6. Ильенко, С.Г. Вопросы теории сложноподчиненного предложения: автореф. ... д-ра филол. наук / Ильенко С.Г. – Ленинград, 1964.
7. Клобуков, Е.В. Местоимение / П.А. Лекант, Н.Г. Гольцова, В.П. Жуков, Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков и др. // Современный русский литературный язык. – Москва, 1992. – С. 230–232.
8. Крючков, С.Е. К вопросу о типологии сложноподчиненных предложений // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. – 1960. – Вып. 10. Русский язык.
9. Крючков, С.Е. Типы сложноподчиненных предложений с придаточной частью, относящейся к одному слову или словосочетанию главной части / С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов // Вопросы языкоznания. – 1960. – № 1.
10. Ломов, А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке. Понятийный словарь-справочник / А.М. Ломов. – Воронеж, 2004. – 400 с.
11. Максимов, Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений: автореф. ... д-ра филол. наук / Максимов Л.Ю. – Москва, 1971.
12. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е.В. Падучева. – Москва, 2004. – 200 с.
13. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – Москва, 1956. – 512 с.
14. Поспелов Н.С. Сложноподчиненные предложения и его структурные типы / Н.С. Поспелов // Вопросы языкоznания. – 1960. – № 2.
15. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / отв. редактор В.В. Лопатин. – Москва, 2007. – 480 с.
16. Русская грамматика: в 2 ч. – Москва, 1981.
17. Чуглов, В.И. Субстантивные конструкции с зависимой атрибутивной частью / В.И. Чуглов. – Москва, 1984. – 88 с.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 371.26

О.Б. Голубев

Вологодский государственный университет

И.В. Морозова

Средняя общеобразовательная школа
с углубленным изучением отдельных предметов № 8 г. Вологды

АНАЛИЗ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАНИЙ В СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ РАЗДЕЛАХ ЕГЭ ПО ИНФОРМАТИКЕ И ИКТ

В данной статье проведен анализ выполнения заданий с кратким и развернутым ответом экзаменационной работы по информатике и ИКТ в 2016 году выпускниками Вологодской области, приведена структура экзаменационной работы, также проведен анализ выполнения заданий разных содержательных разделов, отмечены наиболее успешно выполненные задания и задания, вызвавшие затруднения у выпускников, проанализированы возможные причины появления ошибок.

Единый государственный экзамен, контрольные измерительные материалы, открытый банк заданий, информатика.

Единый государственный экзамен по информатике и ИКТ сдают преимущественно выпускники профильных классов, ориентированные на продолжение образования по специальностям и направлениям подготовки, связанным с информационными технологиями. С каждым годом количество выпускников, сдающих ЕГЭ по информатике увеличивается. По сравнению с предыдущим годом доля выпускников школ Вологодской области, принимавших участие в ЕГЭ по информатике и ИКТ увеличилась с 4,4% до 5,5%.

На экзамене проверяется материал по всему курсу школьной информатики: умение писать программы, знание основ математической логики, принципы кодирования информации, системы счисления, основы информационных технологий. Задания имеют практико-ориентированный характер.

Продолжительность экзамена 235 минут. В работе 27 заданий, в том числе 4 с развернутым ответом. Самые важные умения проверяют эти 4 задания: найти ошибки в тексте программы, формально записать алгоритм, написать доказательство выбранной стратегии, задание с написанием собственной эффективной программы [3; 5]. В 2016 г. полностью отсутствовали задания с выбором ответа. Экзамен проводится на бумажных бланках, компьютер при подготовке ответов не используется.

Сегодня в разных школах существуют различные подходы к преподаванию информатики и программированию, используется большое количество различных сред программирования. В этом плане ЕГЭ по информатике и ИКТ достаточно свободный. При решении заданий по программированию можно использовать любой язык программирования. Эксперты, которые участвуют в проверке экзаменационных работ, должны быть очень квалифицированными и готовы проверять работы на любом языке программирования. Предоставить выпускнику на экзамене огромный

спектр программных средств довольно сложно технически, тем более что далеко не все программное обеспечение, которое используется для программирования, свободное.

В экзаменационной работе предложены следующие разновидности заданий с кратким ответом: задания на вычисление определенной величины, задания на установление правильной последовательности, представленной в виде строки символов по определенному алгоритму. Ответ на задания части 1 дается соответствующей записью в виде натурального числа или последовательности символов (букв и цифр), записанных без пробелов и других разделителей.

Задания части 2 подразумевают запись развернутого ответа в произвольной форме. Задания этой части направлены на проверку сформированности важнейших умений записи и анализа алгоритмов. Эти умения проверяются на повышенном и высоком уровнях сложности. Также на высоком уровне сложности проверяются умения по теме «Технология программирования».

В 2016 году у выпускников Вологодской области выше запланированного оказались результаты выполнения заданий 2, 4 части 1 [3; 5]. Наиболее успешно выпускники региона усвоили следующие содержательные элементы курса информатики и ИКТ:

- умения строить таблицы истинности и логические схемы (В2);
- знания о файловой системе организации данных или о технологии хранения, поиска и сортировки информации в базах данных (В4).

Результаты выполнения двенадцати заданий (1, 3, 6, 7, 8, 14, 15, 17, 19, 20, 21, 23) части 1 не ниже планируемого результата, в 2015 году таких заданий было только восемь (2, 3, 4, 5, 7, 8, 15, 23).

Необходимо отметить, что в текущем году в очередной раз произошли изменения в КИМЕГЭ: изме-

нен порядок следования первых пяти заданий и изменились формулировки некоторых задач.

Проводя анализ качества выполнения заданий можно отметить, что в целом качество результата улучшилось. Однако отдельные задания были выполнены значительно хуже. Основная причина такой ситуации заключается в методике подготовки выпускников к экзамену.

Формулировки первых десяти заданий части 1 повторяют условия соответствующих задач, представленных в демоверсии контрольно-измерительных материалов. Именно эти задания выполнены значительно лучше или на уровне прошлого года. Все задания, которые показывают снижение уровня качества выполнения (по сравнению с 2015 годом) имеют измененные формулировки. При этом следует отметить, что в 2014–2015 учебном году контрольно-измерительные материалы экзамена практически полностью соответствовали демоверсии, предложенной федеральным институтом педагогических измерений.

Далее ситуация меняется: в задаче № 12 стандартная формулировка задания на адресацию в интернете в течение нескольких лет не менялась, и вопрос предполагал нахождение третьего слева байта маски сети. В экзаменационных вариантах при неизменной формулировке условия требуется найти количество нулей (единиц) в маске сети. Результативность выполнения этого задания снижается на 5%.

В задании № 15 требовалось найти количества путей в графе. Несмотря на то что в некоторых материалах по подготовке к ЕГЭ по информатике встречается измененная формулировка вопроса, результативность выполнения задания также снижается на 5%. При этом все изменения заключаются только в добавлении небольшого дополнительного условия: сколько существует различных путей, ведущих из города А в город М и проходящих (не проходящих) через город Г? [2; 4].

Снижение результативности решения задания № 16 по сравнению с предыдущим годом незначительное, всего на 1%. В задании на нахождении количества нулей (единиц) в значении арифметического выражения, записанного в некоторой системе счисления, повышается показатель степени, что приводит к тому, что решить данную задачу сложно не владея знаниями о свойствах степенных функций.

В задании № 17 на сложные запросы для поисковых систем было усложнено условие: добавлены сложные логические выражения. Это привело к снижению результативности выполнения этого задания на 13%.

В задании № 19 на обработку массивов в условии произошла замена вида цикла: цикл со счетчиком, предложенный в демоверсии, меняется на цикл с условием, который является более сложным для восприятия школьниками. Результативность решения задания снижается на 6% по сравнению с 2015 годом.

В одной из самых сложных задач во всем экзамене № 23 требуется от выпускников умения работать с логическими величинами. В данной задаче предложена для решения система логических уравнений. Это задание традиционно имеет низкий уровень результативности, однако в этом году качество решения задания падает больше, чем в два раза (с 22% до 10%).

Предложенные на экзамене в 2016 году уравнения в задании № 23 содержат семь (восемь) логических переменных и шесть (семь) взаимосвязанных логических уравнений с одинаковой структурой. В уравнении используется большое количество логических функций.

Один участник ЕГЭ по информатике и ИКТ в Вологодской области в 2016 году набрал максимальное количество баллов за первую часть – 23, один выпускник набрал минимальное количество баллов за первую часть – 0. В целом выпускники с первой частью в 2016 году справились лучше, чем в 2015 году.

При выполнении заданий части 2 экзаменационной работы у выпускников проверялись следующие умения: прочесть фрагмент программы на языке программирования и исправить допущенные ошибки; написать короткую (10–15 строк) простую программу (например, обработки массива) на языке программирования или записать алгоритм на естественном языке; построить дерево игры по заданному алгоритму и обосновать выигрышную стратегию; создавать собственные программы (30–50 строк) для решения задач средней сложности.

Результаты выполнения задания 26 выше планируемого результата, задания 25 и 27 соответствуют планируемому результату, ниже процент выполнения задания 24 [3; 5].

Задание высокого уровня сложности 27 является традиционно трудным для выпускников.

Средние баллы в 2016 году за все задания части 2 оказались выше, чем в 2015 году (24-1,18; 25-0,71; 26-1,42; 27-0,39). Процент выполнения заданий С1 и С3 выпускниками в Вологодской области оказался ниже, чем в 2015 году (С1-39,4; С3 – 47,3), а процент выполнения заданий С2 и С4 оказался выше в сравнении с 2015 годом (С2 – 35,3; С4 – 9,7).

Также хочется отметить, что выпускники все чаще стали выбирать современные языки программирования (C++, Python, Visual Basic и др.) для написания кода программы в заданиях 25 и 27.

Наиболее успешно выпускники справились с выполнением задания 26, проверяющего умение построить дерево игры по заданному алгоритму и обосновать выигрышную стратегию. Хороший результат объясняется тем, что для решения этой задачи не требуется навыков программирования.

Хорошо выпускники справились с выполнением задания 25, проверяющего умение написать короткую (10–15 строк) простую программу обработки массива на языке программирования или записать алгоритма на естественном языке. Несмотря на то что в формулировке задания 25 значится «запишите на естественном языке или на одном из языков программирования», большинство учащихся записывает ответ на известном им языке программирования. Данный факт закономерен, так как упражнения на составление простых программ обработки массивов предполагаются большинством школьных программ по информатике.

Самыми распространенными ошибками при выполнении этого задания были следующие:

1) не инициализируется счетчик количества пар в цикле. Эта ошибка связана с тем, что при программировании, например на языке Паскаль, если начальное

значение целочисленной переменной не задается, то по умолчанию, оно считается равным нулю, поэтому программа работает верно без оператора присваивания $k:=0$, то есть выпускники в «бумажной» версии программы просто забывают об этой строчке. Учителя должны заострять внимание на инициализацию переменных.

2) В цикле происходит выход за границу массива. Например, при использовании цикла от 1 до N , на последнем шаге в теле цикла идет обращение к несуществующему элементу массива $a[i+1]$.

3) Неверно выделяется последняя цифра числа. Неверные записи в работах участников ЕГЭ ($a[i \bmod 10] = 4$; $a[i \bmod 4] = 0$; $a[i] \bmod 4 = 0$ и др.), то есть не сформировано умение обращаться к элементу массива, а также получать остаток от деления. Часто учащиеся последнюю цифру выделяли не у самих элементов массива, а у их индексов: $i \bmod 10$, то есть выпускники не разобрались, где элемент массива, а где его индекс.

4) При проверке выполнения условия для пары элементов использовались неверные индексы, например $a[i]+1$, $a[i]-1$.

Также при выполнении этого задания встречались и другие ошибки: индексная переменная в цикле не меняется (например, в цикле `while`) или меняется неверно, а также неверно расставлены операторные скобки – это говорит о непонимании выпускниками работы операторов цикла; неверно расставлены операторные скобки; в сложном логическом условии простые проверки верны, но условие в целом построено неверно, то есть не сформировано умение вычислять логическое значение сложного высказывания по известным значениям элементарных высказываний; отсутствует вывод ответа; используется переменная, не объявленная в разделе описания переменных.

При решении задачи 24 следует последовательно выполнить четыре действия: указать, что выведет программа при конкретной входной последовательности; указать пример последовательности, при которой программа работает правильно; исправить первую ошибку в программе; исправить вторую ошибку в программе.

Участники экзамена неверно исправляли ошибки в программе, указывали в качестве ошибочных верные строки, содержащие, по их мнению, синтаксические ошибки. Также учащиеся не выписывали строки, как требуется в задании, а указывали их номером, если этот номер указывался верно, то ситуацию приравнивали к выписыванию строки. Чтобы не ошибиться с нумерацией строк, рекомендуется строки выписывать, как это и требуется в условии задачи.

Низкие результаты решения задания 24 в 2016 году по сравнению с другими заданиями части 2 объясняются тем, что содержание задачи было изменено и отличалось от демонстрационного варианта более существенно, чем в прошлом году.

Задание 27 предполагало самостоятельное написание программы для решения оригинальной задачи (высокий уровень сложности). Задачи именно этого раздела информатики являются одними из самых важных при определении уровня подготовки выпускников для поступления в вуз. Традиционно наибольшие трудности у выпускников вызывает последнее

задание экзамена, проверяющее умения создавать собственные программы (30–50 строк). В задании 27 предлагалось две задачи: А и Б. Итоговая оценка выставлялась как максимальная из заданий А и Б. Если решение одного из заданий не представлено, то считается, что оценка за это задание составляет 0 баллов. Задание Б является усложненным вариантом задания А, оно содержит дополнительные требования к программе.

В 2016 году один участник экзамена по Информатике и ИКТ в Вологодской области набрал максимальный балл, в 2015 году 100 балльников по информатике в регионе не было. Также в текущем году более чем в 2 раза увеличилась доля участников, получивших более 90 баллов с 2,3% до 5,1%.

Если говорить о выпускниках школ, не набравших минимального количества баллов, то по сравнению с предыдущим годом их доля снизилась с 10,4% в 2015 году до 7,4% в текущем году.

Результаты единого государственного экзамена 2016 года показали, что большинство учащихся, выбравших информатику в качестве экзаменационного предмета, освоили содержание предмета, определяемое нормативными документами.

Обобщая анализ изменений в условиях заданий и качества результируемости их решения, можно сделать следующие выводы: сохраняется невысокий уровень знаний основных понятий, законов математической логики и умения строить и преобразовывать логические выражения; одним из самых проблемных для выпускников является раздел «Алгоритмизация и программирование»; при подготовке к экзамену часто используется метод «натачивания» на определенные типы задач. Задания, в которых даже незначительно изменено условие, были решены хуже, по сравнению с 2015 годом.

Учащиеся для успешной сдачи экзамена должны не только знать основные алгоритмические конструкции и операторы изучаемого языка программирования, но и иметь опыт самостоятельной записи алгоритмов и программ, решения практических задач. Следует уделять больше внимания формализации записи и исполнения алгоритмов, так как результаты экзамена показывают, что у части учащихся так и не формируется умение формального исполнения алгоритмов. Повышенного внимания заслуживают следующие темы: «Алгоритмизация и программирование», «Технология программирования», «Логические основы работы ЭВМ».

Для подготовки к ЕГЭ учителям и учащимся можно использовать пособия, имеющие гриф ФИПИ, а также демонстрационные версии и варианты экзаменационных работ прошлых лет, открытый банк заданий ЕГЭ на сайте <http://www.fipi.ru>, образовательный портал для подготовки к экзаменам «Решу ЕГЭ» <https://inf-ege.sdamgia.ru> [1].

Литература

1. Голубев, О.Б. Методические рекомендации по подготовке к ЕГЭ по Информатике и ИКТ / О.Б. Голубев // Системные стратегии: наука, образование, информационные технологии: сборник научных статей / под ред. доц.

О.Б. Голубева и доц. Н.А. Ястреб. – Вологда: ВГПУ, 2013. – Вып. 1. – С. 143–149.

2. Крылов, С.С. ЕГЭ 2016. Информатика. Тематические тестовые задания / С.С. Крылов, Д.М. Ушаков. – Москва: Экзамен, 2015.

3. Кодификатор элементов содержания и требований к уровню подготовки выпускников общеобразовательных учреждений для проведения единого государственного экзамена по информатике и ИКТ. Подготовлен Федеральным

государственным бюджетным научным учреждением «Федеральный институт педагогических измерений», 2015 г.

4. Лещинер, В.Р. ЕГЭ 2016. Информатика. Типовые тестовые задания / В.Р. Лещинер. – Москва: Экзамен, 2015.

5. Спецификация контрольных измерительных материалов для проведения в 2016 году единого государственного экзамена по информатике и ИКТ. Подготовлена Федеральным государственным бюджетным научным учреждением «Федеральный институт педагогических измерений», 2015 г.

Рецензент – Е.Б. Якимова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и методики преподавания физики ВоГУ.

O.B. Golubev, I.V. Morozova

ANALYSIS OF PERFORMING THE TASKS OF THE CREATIVE PART OF UNIFIED STATE EXAM IN COMPUTER SCIENCE AND ICT

This paper analyzes the performance of tasks with both brief and detailed answers in the content of examination work in computer science and ICT in 2016 by graduates in the Vologda region. The authors describe the examination paper structure, discuss compliance of the results to the planned percentage of completion whilst analysing the implementation of tasks of different content parts, mark the most successful assignments and the tasks that caused difficulties for graduates, whilst analyze possible causes of errors.

Unified state exam, control measuring materials, free test bank, computer science.

УДК 371.26

E.A. Кирилова

Вологодский педагогический колледж

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНТРОЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ОСНОВ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ

Статья посвящена особенностям подготовки будущих учителей начальных классов к преподаванию в начальной общеобразовательной школе новой учебной дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики». В силу специфики материала курса обучающиеся педколледжа испытывают определенные трудности в освоении учебной дисциплины. Практика показывает, что данные трудности можно в некоторой степени преодолеть за счет особого рода контроля с целью систематизации знаний студентов.

«Основы религиозных культур и светской этики», модуль, специфика учебной дисциплины, развитие кругозора, контрольно-оценочные средства, открытые вопросы.

С апреля 2010 года в учебную программу общеобразовательной школы в рамках эксперимента (в 4 четверти 4 класса и 1 четверти 5 класса) был включен новый предмет «Основы религиозных культур и светской этики». В настоящее время данный предмет вошел в учебный план начальной школы и изучается в 4 классе.

Новая учебная дисциплина состоит из 6 модулей: 1) основы буддийской культуры, 2) основы иудейской культуры, 3) основы исламской культуры, 4) основы православной культуры, 5) основы светской этики, 6) основы мировых религиозных культур. Каждый модуль будет изучать ребенок в 4 классе, зависит от выбора его и его родителей.

Учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики» ставит своими задачами:

– знакомство школьников с одним из модулей курса;

– развитие представлений младшего школьника о значении нравственных норм и ценностей для достойной жизни личности, семьи, общества;

– обобщение знаний, понятий и представлений о духовной культуре и морали, полученных обучающимися в начальной школе, и формирование у них ценностно-смысловых мировоззренческих основ, обеспечивающих целостное восприятие отечественной истории и культуры при изучении гуманитарных предметов на ступени основной школы;

– развитие способностей младших школьников к общению в этнической и многоконфессиональной среде на основе взаимного уважения и диалога во имя общественного мира и согласия;

- формирование готовности к нравственному самосовершенствованию, духовному саморазвитию;
- воспитание нравственности, основанной на свободе совести и вероисповедания, духовных традициях народов России [3; 4].

Подготовка обучающихся по специальности «Преподавание в начальных классах» в БПОУ ВО «Вологодский педагогический колледж» идет по всем модулям курса.

Предметом оценки являются умения и знания, направленные на формирование общих и профессиональных компетенций.

По окончании курса будущий учитель должен знать:

- подходы к определению сущности религии в современном религиоведении;
- определения культуры и религии;
- какие религии являются мировыми и национальными;
- какие религии считаются традиционными для России;
- знать историю возникновения традиционных мировых религий и их основателей;
- каким образом дано представление о Боге в традиционных религиях;
- информацию о священных книгах традиционных религий мира;
- знать информацию о священнослужителях в традиционных религиях;
- особенности праздников и календарей в различных религиозных культурах;
- понятие греха, раскаяния и воздаяния в различных религиозных культурах;
- особенности культовых сооружений в традиционных религиях мира;
- нравственные заповеди в традиционных религиях мира [3].

Также студент педколледжа, обучающийся по специальности «Преподавание в начальных классах», должен владеть следующими умениями:

- находить и использовать различные источники информации, необходимой для подготовки к урокам ОРКСЭ как в учебном процессе, так и в ходе проведения школьных уроков;
- анализировать уроки различных модулей ОРКСЭ для установления соответствия содержания, методов и средств, поставленным целям и задачам;
- осуществлять самоанализ, самоконтроль при проведении различных модулей уроков ОРКСЭ;
- определять цели и задачи урока, планировать его с учетом особенностей учебного предмета, возраста, класса, отдельных обучающихся и в соответствии с санитарно-гигиеническими нормами;
- строить уроки различных модулей в курсе ОРКСЭ с учетом особенностей учебного предмета, возраста и уровня подготовленности обучающихся;
- делать сравнительный анализ в ходе подбора материала, касающегося традиционных религий мира [3].

Наблюдения показывают, что умения, приобретаемые будущими учителями, имеют тесную связь с разработкой и проведением подобных занятий на практике пробных уроков, преддипломной практике, а также в дальнейшей работе в начальной школе.

Стоит отметить, что предмет «Основы религиозных культур и светской этики» представляет для студентов некоторые трудности, главным образом они связаны с недостаточным владением нужным объемом информации, так как изучаемый материал бывает совершенно не знаком или не близок большинству обучающихся.

Наблюдения показали, что в какой-то мере эту проблему можно решить с помощью особого рода контроля. Для подобного контроля после изучения каждого модуля с целью систематизации знаний студентам можно предложить определенную систему вопросов, особенность которой состоит в том, что материал дробится на мелкие фрагменты.

В силу специфики учебной дисциплины, а также с целью развития умения поддерживать беседу на заданные темы и развития общего кругозора студентов используются открытые вопросы, составленные по каждому модулю, входящему в дисциплину.

Проиллюстрируем это на примере модуля «Основы иудейской культуры». По данному модулю можно предложить систему следующих вопросов и заданий:

1. Составьте рассказ о патриархах еврейского народа, таким образом, как вы могли бы его представить младшим школьникам.
2. Что такое синагога? Каково ее назначение и устройство?
3. Расскажите о происхождении 12 колен Израиля.
4. Что такое Мишкан (скиния)? Каково его назначение? Опишите его устройство.
5. Где и каким образом Бог дал евреям Тору? Расскажите о празднике в честь дарования Торы.
6. Каким образом иудейская традиция представляет Бога?
7. Почему Тора запрещает смешивать в одежде шерсть и лен?
8. Представьте известные вам иудейские праздники таким образом, как вы могли бы рассказать о них младшим школьникам.
9. Составьте свой рассказ о Торе таким образом, как вы могли бы его представить младшим школьникам.
10. В связи с какими событиями евреи празднуют праздник Песах?

11. Каким образом евреи оказались в Египте? Расскажите о жизни иудейского народа в египетском рабстве.

12. Составьте рассказ об известных вам еврейских пророках [6].

Подобные вопросы и задания проверяют не только ориентирование в теоретическом материале, но также направлены на систематизацию знаний и умений в методическом плане, где будущим учителям предлагается описать методику работы с иллюстративным материалом и текстами в курсе преподавания ОРКСЭ, раскрыть методику использования интерактивных форм в организации учебно-воспитательной деятельности учащихся при изучении курса, представить особенности внеурочной работы и работы с родителями.

Итогом изучения всего курса «Основы религиозных культур и светской этики» с методикой преподавания является дифференцированный зачет, который

обучающиеся сдают по билетам, в каждом из которых по два вопроса из разных модулей. Зачет предусмотрен в устной форме. Стоит также отметить, что предварительной практической работой перед устным зачетом является демонстрация студентами умения самостоятельно разработать конспект урока по выбранной ими теме одного из шести модулей.

Литература

1. Кураев, А.В. Основы религиозных культур и светской этики. Основы православной культуры. 4–5 классы: учебное пособие для общеобразоват. учреждений / А.В. Кураев. – Москва: Просвещение, 2010. – 95 с.
2. Латышина, Д.И. Основы религиозных культур и светской этики. Основы исламской культуры. 4–5 классы: учебное пособие для общеобразоват. учреждений / Д.И. Латышина. – Москва: Просвещение, 2010. – 80 с.

3. Основы мировых религиозных культур: учебное пособие для учреждений системы повышения квалификации. – Москва: АПКИПРО, 2010. – 52 с.

4. Беглов, А.Л. Основы религиозных культур и светской этики. Основы мировых религиозных культур. 4–5 классы: учебное пособие для общеобразоват. учреждений / А.Л. Беглов, Е.В. Саплина, Е.С. Токарева, А.А. Ярлыкапов. – Москва: Просвещение, 2010. – 80 с.

5. Основы религиозных культур и светской этики. Основы светской этики. 4–5 классы: учебное пособие для общеобразоват. учреждений. – Москва: Просвещение, 2010. – 63 с.

6. Членов, М.А. Основы религиозных культур и светской этики. Основы иудейской культуры. 4–5 классы: учебное пособие для общеобразоват. учреждений / М.А. Членов. – Москва: Просвещение, 2010. – 95 с.

7. Чимитдоржиев, В.Л. Основы религиозных культур и светской этики. Основы буддийской культуры. 4–5 классы: учебное пособие для общеобразоват. учреждений / В.Л. Чимитдоржиев. – Москва: Просвещение, 2010. – 80 с.

Рецензент – А.В. Оботуров, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии ВоГУ.

E.A. Kirilova

SPECIFIC ASPECTS OF USING CONTROL AND EVALUATION TOOLS IN TEACHING FUNDAMENTALS OF RELIGIOUS CULTURE AND SECULAR ETHICS

The article outlines the peculiarities of training prospective primary school teachers in the presenting of a new discipline 'Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics'. Due to the nature of the course material, the students of the Teacher Training College face some difficulties in studying this discipline. The practical experience provides evidence of possibilities in overcoming these difficulties to some extent whilst using a special kind of control aimed to systematize students' knowledge in this field.

'Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics', module, specificity of the academic subject, mental outlook development, control and evaluation tools, free-answer questions.

УДК 802.809.1

T.I. Рязанцева

Университет прикладных наук BFI, Вена, Австрия

К ВОПРОСУ О СООТВЕТСТВИИ СИСТЕМЫ ТЕСТИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИМ АНАЛОГАМ

В статье рассматривается система тестирования и формат экзамена по русскому языку делового общения (РЯДО) в сравнении с аналогичными тестовыми системами по ведущим европейским языкам. Исходя из опыта подготовки кандидатов к сдаче экзамена РЯДО в рамках высшего учебного заведения Австрии, автор предлагает некоторые подходы к оптимизации системы РЯДО и гармонизации ее с аналогичными тестовыми системами Европы.

Система языкового тестирования, русский язык делового общения, объекты и уровни тестирования, формат экзамена, процедура и шкала оценивания.

В национальных образовательных системах европейских стран русский язык, в том числе и язык делового общения, обычно изучается как второй или третий иностранный. Кандидаты, сдающие экзамен по русскому языку делового общения в национальных образовательных системах европейских стран, зачастую уже имеют опыт подготовки и сдачи аналогич-

ных экзаменов по другому ведущему европейскому языку. Расхождения в системах тестирования ведущих европейских и русского языка вызывают у кандидатов значительные трудности.

Эти расхождения касаются, в первую очередь, самого понятия «язык делового общения» и включения в него языковой составляющей профессиональных

компетенций, связанных со спецификой работы в финансово-экономической и управленческой сферах.

В теории преподавания английского языка существует четкое разграничение понятий «профессиональный язык», или «язык для специальных целей» (Language for Specific Purposes), с одной стороны, и «деловой язык» (Business English), с другой стороны. Это отражается как в строгом разграничении объектов тестирования, так и в разработке и применении тестов для измерения соответствующих языковых навыков. Так, согласно кембриджской системе сертификации делового английского языка BEC [Business English Certificates], «деловой английский язык» – это язык, соответствующий нормам международного делового общения и функционирующий в международной деловой среде. Под «деловым английским» понимается использование английского языка в работе в международных организациях, в англоязычных странах по специальностям, связанным с бизнесом, а также в качестве языка обучения.

В системе BULATS (Business Language Testing System), которая охватывает ведущие европейские языки – английский, немецкий, французский и испанский, объектом тестирования является коммуникативная компетенция в ситуациях общения на рабочем месте (work place languages kills). Другими словами, в понятие делового общения включается любое общение на работе, связанное не столько с непосредственной профессиональной сферой деятельности, сколько с функционированием коллектива и организацией работы в нем.

Французская система тестирования профессионального языка DFP (Le Diplôme de français professionnel affaires) трактует деловой язык как язык, используемый в профессиональной сфере, что включает не только общение на работе, но и предполагает определенную степень специальных навыков и знаний в области управления бизнесом, экономики и финансов. Французские разработчики предлагают различные тесты делового языка для секретарей и офисменеджеров (secretariat) и для бизнесменов (affaires).

Что касается немецкого языка, то институт Гёте отсылает интересующихся языком делового общения к системе BULATS, а система тестирования «Австрийский языковой диплом» ÖSD (Österreichisches Sprachdiplom Deutsch) оперирует понятием «немецкий язык экономики» (Wirtschafts sprache Deutsch) и тестирует специальные языковые компетенции в сфере экономики, коммерческой и управленческой деятельности только на уровне C 2.

Понятие «русский язык делового общения» (РЯДО) трактуется разработчиками тестов крайне неоднозначно. Оно определяется, например, как решение с помощью русского языка актуальных задач в деловой сфере общения [1, с. 6] или в условиях *профессионального общения* [2, с. 6], либо как общение деловых людей, которое не исключает обсуждения культурных новостей, событий личной жизни, что предполагает выход в социокультурную и обиходно-бытовую сферы [3, с. 8], а также и в более общем плане как эффективное общение с российскими партнерами и контрагентами [4].

Естественно, что разграничение понятий «деловой» и «профессиональный», а также различия в объеме соответствующих понятий в различных языках, само по себе представляет большие трудности. Однако очевидно, что российские разработчики тестов, придают профессиональной составляющей содержания теста большее значение, чем зарубежные. Это отражается в употреблении терминов «профессионально-деловое общение», «русский язык профессионального общения». На наш взгляд необходимо более четкое и однозначное определение понятия «деловое общение» и включение в его объем таких речевых навыков, как, например, проведение презентаций, участие в деловых совещаниях, вербальная интерпретация графиков и таблиц, столь необходимых в современном деловом сообществе.

Значительные расхождения среди разработчиков тестов наблюдаются при определении уровней владения деловым языком в соотношении с общеевропейской шкалой Совета Европы. Если рассмотреть экзамен уровня В 1 общеевропейской шкалы как наиболее часто сдаваемый, то увидим, что, например, разработчики кембриджской системы тестирования (Cambridge English TESOL) считают уровень В 1 «предварительным» (BEC – Preliminary) и приравнивают его к «промежуточному уровню» (intermediate level) в системе общего владения английским языком. Французские методисты однозначно соотносят DFP B1 с общеевропейской шкалой. Тестовая система BULATS вообще предлагает только один уровень тестирования, унифицированный для английского, немецкого, французского и испанского языков.

Некоторые российские разработчики считают эквивалентом кембриджскому уровню В 1 «продвинутый уровень», или «2-й сертификационный уровень» [1, с. 5], в то время как другие определяют его как «базовый сертификационный уровень», или «1-й сертификационный уровень» [2, с. 5; 5, с. 6]. Третьи полагают, что «базовый» уровень РЯДО – это общеевропейский A1, «средний» – A 2, а В 1 – это уже «продвинутый» уровень [4].

Российские разработчики полагают, что «стартовые условия для достижения данного уровня предполагают наличие коммуникативной компетенции в объеме общего владения русским языком на базовом уровне» [1, с. 5], причем для достижения «базового уровня» «требуется еще 80–100 учебных часов». Однако на с. 6 того же документа «базовый уровень» приравнивается к A 2, а В 1 называется «основным уровнем».

Согласно другой группе разработчиков, «базовый уровень» В 1 предполагает решение «минимального числа» коммуникативных задач, достаточных для «ограниченного» профессионального общения в «стандартных» ситуациях «ограниченного круга тем» [5, с. 6].

Чтобы повысить степень прозрачности российской тестовой системы и привлечь большее число кандидатов, желающих подтвердить свой уровень владения русским языком делового общения, в условиях проживания и обучения в европейских странах, представляется целесообразным более четко определить уровни тестирования РЯДО и однозначно соот-

нести их с общеевропейской школой, которая является в Европе безусловным ориентиром для работодателей и образовательных учреждений.

Несомненно, что столь значительные разнотечения в определении уровня тестирования не могут не сказаться на различиях в спецификациях тестов и элементах содержания тестовых материалов. Эти расхождения отражаются и на определении цели, задач и объекта тестирования, а также целевой аудитории теста.

Например, в британской системе ВЕС целью тестирования является оценка способности работающего кандидата использовать английский язык в деловом окружении. При этом разработчики четко разграничивают собственно языковые и профессионально-фоновые знания и навыки и отдают преимущество первым [8]. ВЕС измеряет способность решать такие коммуникативные задачи, как понимание общего смысла деловых писем, кратких отчетов и докладов стандартного характера; умение делать короткие записи при решении стандартных задач (например, принимать или распределять заказы, писать стандартные письма, содержащие фактическую информацию, понимать простые презентации, реагировать на стандартные запросы клиентов, обсуживать их в простых ситуациях, запрашивать выполнение простых офисных задач).

BULATS предлагает инструмент для работодателей, позволяющий быстро и надежно выявить языковые компетенции кандидатов и соотнести их с общеевропейской школой, а также для высших учебных заведений, измеряющий степень готовности абитуриентов к обучению на английском языке. Ситуации общения включают закупки и продажи, продукты и услуги, работа в офисе и общее окружение, общение с

клиентами, командировки, кадровые вопросы, профессиональная переподготовка и повышение квалификации, маркетинг. Тестируется способность записывать телефонные сообщения, читать и понимать заметки и более длинные тексты, исправлять ошибки в тексте, вербально интерпретировать графики и таблицы.

Целью французских разработчиков является оценка языковых способностей кандидатов в элементарных ситуациях профессиональной жизни / в «профессиональном мире».

Российские разработчики определяют цель тестирования следующим образом: «выявить, оценить и сертифицировать уровень сформированности языковой и коммуникативной компетенции в профессионально-деловой сфере» [1, с. 4], а объектом тестирования выступает «способность решать с помощью русского языка актуальные задачи в деловой сфере общения» [1, с. 6]. В другом документе [1, с. 6] объект тестирования подразумевает уже решение коммуникативных задач в стандартных ситуациях «бизнеса и коммерции». Эти стандартные ситуации включают участие в деловых переговорах, представление фирмы и ее продукции, участие в разговорах во время протокольных и культурных мероприятий, декодирование печатных и звучащих материалов (деловых писем, рекламных объявлений, газетных заметок, каталогов), продуцирование деловых писем и заполнение бланков и формуляров. [2, с. 1].

В целом российский тест уровня В 1 значительно труднее, чем европейские аналоги и требует гораздо более интенсивной и длительной подготовки.

Рассмотрим подробнее формат экзаменов и состав субтестов (таблица 1).

Таблица 1

Формат экзаменов

	ВЕС	BULATS	DPFaffaires	РЯДО
Количество субтестов	3	2 (бумажный вариант) 3 (компьютерный вариант)	4	5
Общая продолжительность экзамена	2 час 22 мин	1 час 50 мин (бумажный вариант) 2 часа (компьютерный вариант)	2 часа 45 мин	3 часа 30 мин
Наименование субтестов и их продолжительность	1. Чтение и письмо – 1 час 30 мин 2. Слушание – 40 мин 3. Говорение – 12 мин	Бумажный вариант: 1. Слушание – 50 мин 2. Чтение, лексика и грамматика – 60 мин Компьютерный вариант: 1. Чтение и слушание – 1 час 2. Говорение – 15 мин 3. Письмо – 45 мин	Чтение Аудирование Письмо Говорение	1. Чтение 2. Письмо 3. Лексика и грамматика 4. Аудирование 5. Говорение
Общее количество тестовых заданий	$(45+2+30+3)=80$	$(60+2+50+23)=135$	$(25+11+25+30)=63$	$(20+3+20+3+90)=136$
Максимальное количество баллов	100	100	100	500
Проходной балл (процент)	51	51	60	66% по каждой части экзамена

Формат теста уровня В 1 по русскому языку превосходит все европейские аналоги по числу субтестов (5), длительности (3 часа 30 минут), количеству тестовых заданий (136), проходному баллу (65% в каждом из субтестов). Европейские экзамены делятся от 2-х до 2 часов 45 минут, содержат от 2 до 4 субтестов, от 60 до 80 тестовых заданий, а проходной балл в большинстве тестовых систем составляет 51%.

Особую трудность для кандидатов представляет субтест «Лексика и грамматика», который не имеет аналогов в европейских системах и имеется только в РЯДО. Он не основан на коммуникативных заданиях, и представляет собой набор отдельных предложений, вырванных из контекста и поэтому особенно трудных для решения. Именно поэтому подобный субтест от-

существует в экзаменах по всем остальным европейским языкам. Таким образом, кандидаты, сдающие экзамен по русскому языку, находятся в значительно более тяжелых условиях и стоят перед более значительными трудностями, чем кандидаты других языков, хотя официально заявленный уровень всех языков формально одинаков. Разработчикам следовало бы рассмотреть целесообразность включения лексики и грамматики в субтесты по чтению и письму, как это практикуется во всех других сравниваемых европейских системах.

В последующем изложении рассматривается сравнительная характеристика субтестов, а также типология заданий по субтестам и видам речевой деятельности.

Таблица 2

Чтение

	ВЕС	BULATS	DPFaffaires	РЯДО
Наименование субтеста	Чтение и письмо	Чтение, лексика и грамматика	Чтение	Чтение
Время на выполнение	45 мин	1 час	45 мин	45 мин
Количество частей	7	2 части, 10 разделов 1 часть – 4 раздела 2 часть – 6 разделов	5	4
Количество тестовых заданий	45	60	25	20
Типы тестовых заданий	Множественный выбор, подбор соответствий, вставка вариантов	Множественный выбор, подбор соответствий, вставка вариантов	Множественный выбор, подбор соответствий, вставка вариантов, исправление ошибок	Множественный выбор, подбор соответствий
Жанры текстов	Заметки, записки, сообщения, рекламные объявления, буклеты, индексы, графики, таблицы, деловые письма, описание продукции, отчеты, протоколы, газетные и журнальные статьи	Заметки, записки, сообщения, рекламные объявления, буклеты, индексы, графики, таблицы, деловые письма, описание продукции, отчеты, протоколы, газетные и журнальные статьи	Заметки, записки, сообщения, рекламные объявления, буклеты, индексы, графики, таблицы, деловые письма, описание продукции, отчеты, протоколы, газетные и журнальные статьи	Коммерческие письма, рекламные объявления, программы мероприятий, журнальные статьи
Коммуникативные задачи	Общее понимание коротких сообщений; детальное понимание фактической информации, интерпретация визуальных материалов (графики, таблицы), заполнение формуляров.	Общее понимание коротких сообщений; детальное понимание фактической информации, интерпретация визуальных материалов (графики, таблицы), заполнение формуляров.	Общее понимание коротких сообщений; детальное понимание фактической информации, интерпретация визуальных материалов (графики, таблицы), заполнение формуляров.	Общее понимание коротких сообщений; детальное понимание фактической информации, заполнение формуляров.

	BEC	BULATS	DPFaffaires	РЯДО
Типы заданий по частям	<p><i>Часть 1.</i> Заметки, объявления, записи. 5 текстов и 5 заданий.</p> <p><i>Часть 2.</i> Поиск соответствий. 1 текст и 5 заданий.</p> <p><i>Часть 3.</i> График или таблица с текстовой интерпретацией. 5 заданий.</p> <p><i>Часть 4.</i> Выбор бинарных ответов. 1 текст 7 заданий.</p> <p><i>Часть 5.</i> Множественный выбор. Грамматика и структура текста. 6 заданий.</p> <p><i>Часть 6.</i> Заполнение пропусков. Выбор из 3-х вариантов. 1 текст 12 заданий.</p> <p><i>Часть 7.</i> Передача информации. 2 текста (имейл или записка). Заполнение формы или заполнение пропусков. 5 заданий.</p>	<p><i>Часть 1.</i> Раздел 1. Лексика и грамматика. Краткие объявления и записи. 6 текстов и 6 заданий. Раздел 2. Грамматика. Подстановка вариантов. 5 заданий. Раздел 3. Чтение. Заполнение пропусков. 1 текст 10 заданий. Раздел 4. Заполнение пропусков. 1 текст 4 задания.</p> <p><i>Часть 2.</i> Раздел 1. Подбор соответствий. 5 текстов и 7 заданий. Раздел 2. Лексика. Множественный выбор. 1 текст и 5 заданий. Раздел 3. Заполнение пропусков. 1 текст и 4 задания. Раздел 4. Множественный выбор. 5 заданий. Раздел 5. 1 текст 5 заданий. Раздел 6. Исправление ошибок. 1 текст 7 заданий.</p>	<p><i>Часть 1.</i> Множественный выбор. 6 текстов и 6 заданий.</p> <p><i>Часть 2.</i> Вербальная интерпретация графиков и таблиц. 4 графика и 4 задания.</p> <p><i>Часть 3.</i> Множественный выбор. 1 текст и 5 заданий.</p> <p><i>Часть 4.</i> Множественный выбор. 1 текст и 5 заданий.</p> <p><i>Часть 5.</i> 1 рекламный текст. Подстановка вариантов. 5 заданий.</p>	<p><i>Часть 1.</i> Коммерческое письмо. Множественный выбор 1 текст 3 задания.</p> <p><i>Часть 2.</i> Рекламный текст. Множественный выбор и подбор соответствий. 1 текст 6 заданий.</p> <p><i>Часть 3.</i> Документ (таблица: программа, бизнес-план) 1 текст 5 заданий.</p> <p><i>Часть 4.</i> Журнальная статья. Альтернатива. 1 текст 5 заданий.</p>
Объем текстов для чтения	Каждый текст от 150 до 400 слов; всего 600–900 слов	Каждый текст от 50 до 400 слов; всего 1500 слов	От 30 до 300 слов; всего 500–800 слов	От 100 до 200 слов; всего 600 слов
Баллы за каждое задание	1 балл	1 балл	1 балл	5 баллов
Максимальное число баллов	45	60	25	100

Чтение представляет собой наиболее унифицированный субтест во всех сравниваемых системах как в отношении типов заданий и жанров текстов, так и решения коммуникативных задач. В европейских системах кандидатам предлагается, наряду с вербальной, графическая информация – таблицы, графики, рисунки. Вербальная интерпретация графической информации является важной частью коммуникативной компетенции в сфере бизнеса. К сожалению, этот тип задания полностью отсутствует в российском тесте. Кроме того, в системе BULATS значительно больший

объем текстов (до 1500 слов по сравнению со средним 600–900 слов в других системах), однако на этот субтест отводится больше времени (1 час по сравнению с 45 минутами). В европейских тестах в чтение в разной степени включена лексика и грамматика – на материале связных текстов и бизнес-ситуаций, а не на материале отдельных предложений. При дополнении в подстановке вариантов предлагается выбор из 3–4 вариантов, в РЯДО – свободная подстановка, без вариантов. В РЯДО чтение и лексика с грамматикой представлены в отдельных субтестах.

Таблица 3

Письмо

	ВЕС	BULATS	DPFaffaires	РЯДО
Наименование субтеста	Чтение и письмо	Письмо (компьютерный вариант)	Чтение и письмо	Письмо
Время на выполнение	45 мин	45 мин	45 мин	1 час
Количество частей	2	2	3	3
Количество тестовых заданий	2	2	11	3
Типы тестовых заданий	Составление краткой записи, заполнение формуляра	Деловое письмо, записки, заполнение формуляра	Деловое письмо, реклама	Деловое письмо, записки, составление рекламного объявления, заполнение формуляра
Жанры текстов	Заметки, записки, сообщения, реклама, буклеты, индексы, графики, таблицы, деловые письма, описание продукции, отчеты, протоколы, газетные и журнальные статьи	Заметки, записки, сообщения, отчеты, доклады, деловые письма	Деловые письма	Деловые письма, рекламные объявления, формуляры, типовые документы
Коммуникативные задачи	<i>1 задание.</i> Назначение встреч, запрос разрешений, дача указаний и т.д. <i>2 задание.</i> Извинения, бронирование и изменения бронирования, ответы на запросы, информирование о деятельности фирмы или о продукции	<i>1 задание.</i> Назначение встреч, запрос разрешений, дача указаний и т.д. <i>2 задание.</i> Извинения, бронирование и изменения бронирования, ответы на запросы, информирование о деятельности фирмы или о продукции	<i>1 задание.</i> Исправление ошибок в тексте <i>2 задание.</i> Извинения, бронирование и изменения бронирования, ответы на запросы, информирование о деятельности фирмы или о продукции	
Типы заданий по частям	<i>1 задание.</i> Внутренняя переписка (записки, имейлы) <i>2 задание.</i> Деловая корреспонденция (письма, факсы, имейлы) на основе входящего текста, с 4 обязательными пунктами ответа	<i>1 задание.</i> Внутренняя переписка (записки, имейлы) <i>2 задание</i> (на выбор из 2 вариантов). Деловая корреспонденция (письма, факсы, имейлы) на основе входящего текста, с 4 обязательными пунктами ответа	<i>Часть 1.</i> Исправление ошибок. 1 текст 5 заданий. <i>Часть 2.</i> Заполнение пропусков. 1 текст 5 заданий. <i>Часть 3.</i> Ответ на деловое письмо на основе входящего текста с 5 обязательными пунктами ответа	<i>Часть 1.</i> Деловое письмо по заданной программе (от 5 до 8 обязательных пунктов) <i>Часть 2.</i> Рекламное объявление по заданной программе (от 6 до 10 обязательных пунктов) <i>Часть 3.</i> Ответ на имейл или заполнение типового документа (на выбор)
Объем письменных заданий	1 задание – 30–40 слов 2 задание – 60–80 слов Общий объем – от 90 до 120 слов	1 задание – 50–60 слов 2 задание – 180–200 слов Общий объем – 230–260 слов	3 задание – 70–100 слов	Не оговорен 1 задание – 150–200 слов 2 задание – 100 слов 3 задание – 50 слов Общий объем – 300–350 слов

	ВЕС	BULATS	DPFaffaires	РЯДО
Баллы за каждое задание	1/3 за первое задание и 2/3 за второе задание	1/3 за первое задание и 2/3 за второе задание	1 балл за каждое из заданий 1 и 2 части 10 баллов за 3 задание	40 баллов за 1 задание 30 баллов за 2 задание 30 баллов за 3 задание
Максимальное количество баллов	30	30	20	100

В системе РЯДО кандидаты должны продуцировать письменные тексты наибольшего объема (до 350 слов) по сравнению с другими системами в течение того же времени. Спорным представляется включение в экзамен РЯДО составления рекламного объявления в качестве продуктивного задания, причем оцениванию здесь подлежит соблюдение языковых норм оформления рекламных текстов. Общеизвестно, что

этот жанр принадлежит не деловому, а творческому письму (Creative Writing) и изучается в составе соответствующего курса. Рекламный текст представляет большую сложность даже на родном языке. Слишком большое внимание уделяется также заполнению различных типовых документов (формуляров, накладных, счета-фактуры и т.д.).

Аудирование

Таблица 4

	ВЕС	BULATS	DPF affaires	РЯДО
Время на выполнение	40 мин, включая запись ответа на матрицу	50 мин	45 мин	40 мин
Количество частей	4	4	5	4
Количество тестовых заданий	30	50	25	20
Типы тестовых заданий	Множественный выбор, заполнение пропусков, запись сообщения	Множественный выбор, заполнение пропусков, запись сообщения, поиск соответствий, парафраз	Множественный выбор, альтернатива, поиск соответствий, парафраз	
Жанры текстов	Монологическая речь: презентации, лекции, объявления и брифинги. Диалоги и полилоги: телефонные разговоры, разговоры в офисе, интервью, обсуждения	Таблицы и графики, формуляры, рекламные объявления	Телефонные разговоры, сообщения, интервью, рекламные сообщения, презентации	Телефонные разговоры в офисе, рекламные объявления, бизнес-хроника
Типы заданий по частям	<i>Часть 1.</i> Множественный выбор. 8 сообщений 8 заданий. <i>Часть 2.</i> Заполнение пропусков. 1 диалог 8 заданий. <i>Часть 3.</i> Заполнение пропусков. (выборочная информация). 1 диалог 7 заданий. <i>Часть 4.</i> Множественный выбор. Общее понимание. 1 диалог 8 заданий	<i>Часть 1.</i> Множественный выбор. 10 сообщений 10 заданий. <i>Часть 2.</i> Заполнение пропусков. 3 диалога 12 заданий. <i>Часть 3.</i> Поиск соответствий и перифраз. 1 монолог 10 заданий. <i>Часть 4.</i> Множественный выбор. Общее понимание. 1 диалог 15 заданий.	<i>Часть 1.</i> Поиск соответствий. Телефонный разговор. 5 текстов 5 заданий. <i>Часть 2.</i> Поиск соответствий. 5 сообщений 5 заданий. <i>Часть 3.</i> Альтернатива. Интервью. 5 текстов 5 заданий. <i>Часть 4.</i> Множественный выбор. 5 текстов 5 заданий. <i>Часть 5.</i> Альтернатива. Презентация. 1 текст 5 заданий	<i>Часть 1.</i> Множественный выбор. Диалог в офисе. 2 текста 5 заданий. <i>Часть 2.</i> Множественный выбор. Телефонный разговор. 4 текста 4 задания. <i>Часть 3.</i> Рекламное сообщение. 2 текста 2 задания. <i>Часть 4.</i> Альтернатива. Бизнес-хроника. 3 текста 9 заданий

	ВЕС	BULATS	DPF affaires	РЯДО
Объем звучания	Часть 1. 8 звуковых отрезков по 15–30 секунд каждое. Часть 2. Диалог 1,5 мин Часть 3. Диалог 2,5 мин Часть 4. Полилог или диалог 3 мин Общий объем ок. 15 мин	Общий объем около 18 мин	Общий объем около 22 мин	Общий объем 28 мин
Количество предъявлений звучащего материала	Все части – два предъявления	Части 1 и 4 – два предъявления Части 2 и 3 – одно предъявление	Все части два предъявления	Все части – одно предъявление
Баллы за каждое задание	1 балл	1 балл	1 балл	5 баллов
Максимальное количество баллов	30	50	25	100 баллов

Во всех сравниваемых форматах, кроме русского, в субтесте «Аудирование» звучащий материал предъявляется два раза, в РЯДО же допускается только одно предъявление, что неоправданно завышает уровень тестирования и ставит кандидатов в трудные условия. Сверх того, в российской системе и объем звучания самый значительный: около 28 минут, что почти в два раза больше, чем, например, в британской.

Отдельную проблему в тестировании РЯДО представляет отсутствие детально разработанных шкал оценивания письма и говорения, а также иерархически-уровневой классификации языковых и речевых ошибок. Процедура оценивания продуктивных видов речевой деятельности не прописана в нормативной документации экзамена и не прозрачна для кандидатов и преподавателей. Не прописано и количество экзаменаторов, оценивающих письмо и говорение, а распределение ролей между ними.

В заключение хотелось бы отметить, что хотя разработчиками российской системы тестирования русского языка делового общения удалось создать работающий инструмент педагогических измерений и определенный набор контрольно-измерительных материалов, тем не менее, представляется необходимой определенная работа по оптимизации РЯДО и приведению КИМов в соответствие с реальными коммуникативными ситуациями и задачами делового общения. Хотелось бы также обратить внимание разработчиков на необходимость работы по созданию полноценного методического сопровождения тестовой системы, а именно: ежегодное обновление демоверсии экзамена, создание доступных онлайн-версий спецификации и кодификатора элементов содержания, лексического минимума, а также руководства для преподавателей.

Литература

1. Балыхина, Т.М. Тест по русскому языку как иностранному. Профессионально-деловое общение. Продвинутый уровень (адаптационные материалы) / Т.М. Балыхина,

Н.Ю. Царева, Н.М. Румянцева, С.И. Ельникова, М.А. Магомедова. – Москва: Изд-во РУДН, 2006. – 50 с.

2. Журавлева, Л.С. Русский язык профессионального общения. Модуль «Бизнес». Базовый уровень. Типовой тест / Л.С. Журавлева, М.М. Калиновская и др. – Москва: Русский язык. Курсы, 2007. – 68 с.

3. Журавлева, Л.С. Русский язык профессионального общения. Модуль «Бизнес». Базовый уровень. Лингводидактическое описание целей и содержания обучения / Л.С. Журавлева, М.М. Калиновская, Л.П. Клобукова, Л.Б. Трушина, О.А. Ускова, С.А. Хавронина. – Москва: Русский язык. Курсы, 2007. – 56 с.

4. ИРЯ и Культуры МГУ. Программа «Русский язык делового общения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.irlc.msu.ru/testirovaniie/Business>

5. Тестовый практикум по русскому языку делового общения. Бизнес. Коммерция. Внешнеторговая деятельность. Базовый сертификационный уровень / отв. ред. М.М. Калиновская. – Москва: Русский язык. Курсы, 2013. – 304 с.

6. Рязанцева, Т.И. Об оптимизации системы тестирования по русскому языку делового общения: Европейская перспектива / Т.И. Рязанцева, Т.Д. Блум // Слово. Грамматика. Речь: материалы VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного», Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 26–28 ноября 2015 г. Москва: Макс-Пресс, 2015. – Вып. XVI. – С. 526–528.

7. Business English Certificates [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cambridgeenglish.org/exams/business-certificates/>

8. Business Language Testing System [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bulats.org/>

9. Issues in testing Business English: The revision of the Cambridge Business English Certificates. Barry O'Sullivan, 2006. Studies in Language Testing, Volume 17. Cambridge ESOL, Cambridge University Press, 2006.

10. Le Diplôme de français professionnel affaires [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.francais.cci-paris-idf.fr

Рецензент – Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

T.I. Ryazantseva

ON THE CORRELATION BETWEEN BUSINESS RUSSIAN LANGUAGE TESTING SYSTEM AND ITS EUROPEAN ANALOGUES

The paper deals with business Russian testing issues from the European viewpoint and covers a comparative analysis of the respective standardised tests in Russian and leading European languages. The author interprets the experience and concerns of language teachers as well as problems encountered by candidates involved in the process of preparation for Business Russian exam in European countries. The author suggests some issues to be considered by Business Russian testing system developers.

Language testing systems, Business Russian language, objects and levels of testing, testing formats, assessment procedure and scale.

УДК 37.01

B.A. Тестов
Вологодский государственный университет

НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ПЕДАГОГИКЕ

В статье показывается, что в условиях информационного общества меняются цели образования, формы и средства обучения, требуются новые подходы и к отбору содержания обучения. Показывается, что необходимо использовать новые методологические подходы в области образования, в частности синергетическую и тринитарную методологию. В соответствии с тринитарной методологией в содержании образования рассматриваются три равноправные компоненты: фундаментальность, гуманистическая ориентация и практическая (прикладная) направленность. Целостность содержания обучения достигается лишь при динамическом балансе всех компонент этой триады.

Сетевое общество, синергетическое мировидение, содержание обучения, цели образования, стратегия обучения, тринитарная методология, фундаментальность, гуманизация, практическая направленность.

В настоящее время формируется новый тип общества, так называемое «информационное общество», характеризующееся лавинообразным ростом объема информации и коммуникативных связей. Массовое применение сетевых технологий и компьютерной техники в обучении ведет к тому, что образовательная среда приобретает совсем другие качества, получает новые возможности, но в то же время для этой среды возникают и новые ограничения. Перед каждым обучающимся открывается возможность выбора своей образовательной траектории, тем самым в учебный процесс вводится фактор неопределенности, творческой непредсказуемости. Появление в образовании хаотической основы приводит к необходимости использования в педагогике новых методологических подходов. В современных условиях образовательные системы и их подсистемы, связанные с усвоением нового, творчеством, являются открытыми нелинейными системами, для которых характерно явление самоорганизации [7].

Поэтому методологической основой образовательной парадигмы в информационном обществе

должно стать синергетическое мировоззрение, отказ от линейного, бинарного мышления. Синергетика – это междисциплинарный подход, который создает для образования основу синергии, конструктивного, творческого взаимодействия, синтеза разных научных направлений. Представление о целостности, утраченное в эпоху господства в науке дифференциации, анализа, разобщения, постепенно восстанавливается по мере распространения синергетического мировоззрения, стремления к единению, интеграции, синтезу.

В современную эпоху сетевых сообществ все более явственно высвечивается роль хаоса, его конструктивное начало. Хаос пропускает в качестве механизма выхода на структуры-аттракторы развития, в качестве способа, открывающего путь к инновациям. О творческой роли хаоса в обучении писал еще Л.Н. Толстой. Но если раньше созидающую роль хаоса в учебном процессе использовали лишь отдельные наиболее талантливые и опытные педагоги, то в условиях сетевого сообщества использование этой роли на основе законов синергетики в практике учителя должно стать массовым.

Сетевое пространство для многих людей становится основной сферой жизнедеятельности, где люди проводят большую часть своей жизни. Изменения в современном социокультурном контексте, обусловленные все более значительным вхождением в жизнь человека информационных сетей, поменяли как средства обучения, так и цели образования и выдвинули новые требования к содержанию и формам обучения. Основными средствами обучения помимо учебных книг становятся компьютерные сети, нерегулируемое использование в обучении которых зачастую приводит к нарушению у обучающихся систематичности знаний, к фрагментарности восприятия мира.

Компьютерные сети во много раз увеличили скорость обмена информацией, привели к возрастанию темпов развития новых технологий. За 6–8 лет (а в некоторых областях, например, в компьютерной, – и еще быстрее) технологии практически любой сферы человеческой деятельности обновляются настолько быстро, что нередко возникает потребность в 5–6-кратной смене сферы деятельности человека за все время его работы.

Следствием процесса быстрого обновления технологий является тот факт, что в новом обществе человек должен постоянно учиться и быть готовым неоднократно менять свою профессию. Поэтому цель образования не может быть чисто утилитарной – подготовкой к определенной профессии, как пишут некоторые авторы, ссылаясь на запросы работодателей. В этом плане интересы личности и интересы работодателей кардинально отличаются. Работодатель заинтересован получить в данный момент готового работника, а судьба работника через 5–6 лет его мало интересует. Обществу же необходимо задуматься о судьбе своих членов и обеспечить для них более широкую фундаментальную подготовку с тем, чтобы человек был готов к смене профессии.

При отборе содержания и форм обучения следует учитывать, что в современном мире практически уже вся деятельность является коллективной и, следовательно, коллективная учебная деятельность в гораздо большей степени способствует формированию профессиональных компетенций, чем индивидуальная. Взаимодействие обучающихся все в большей степени перемещается в **область** сетевого пространства, где они совместно работают над решением стоящих перед ними проблем. В таком интеллектуальном партнерстве обучающихся и компьютера на первый план выдвигается проективная основа. Сетевое пространство в значительной степени используется для сотрудничества, обучения коллективным действиям, для получения опыта квазипрофессиональной деятельности. Применение сетевых технологий содействует решению проблемы мотивации обучающихся, конвергенции процессов обучения и исследования. Взаимодействие в сетевом пространстве во многом также снимает затруднения субъективно-психологического характера, которые в условиях реального контакта часто мешают решению поставленных задач.

Открывающиеся при использовании сетевых технологий новые возможности обучения могут быть эффективно использованы лишь на основе новых методологических подходов и соответствующей стратегии

обучения. В настоящее время в российском образовании все обучение и, в первую очередь, его содержание нацелено на сдачу ЕГЭ, а стратегия отбора содержания обучения практически отсутствует. Между тем стратегия необходима по ряду причин.

Во-первых, для корабля, порт прибытия которого неизвестен, никогда нет сопутствующего ветра. Корабль российского образования несет ветром то в одну сторону, то в другую, но каждый раз обнаруживается, что корабль приплыл не туда. На капитанском мостике нет ясного представления, куда надо плыть. Звучат призывы обеспечить приоритет то гуманизации образования, то его фундаментальности, то компетентностной направленности, то практической направленности и т.п.

Во-вторых, когда непонятно, куда надо идти, а имитируется противоположное, возникает благоприятная обстановка для болтунов, лжецов и карьеристов. К сожалению, в нашем образовании всего этого более чем достаточно.

В-третьих, стратегические ошибки становятся самыми дорогостоящими. Беда в том, что такие ошибки обычно не получается скомпенсировать усилиями на нижних иерархических уровнях. То есть никакими передовыми и совершенными технологиями учителю не исправить дефекты стратегии образования.

Особенно необходимой выработка превентивных стратегий становится в настоящее время – время глобального кризиса, время перехода к обществу риска. К сожалению, в современных условиях тенденции формирования новых методологических ориентаций зачастую блокируются сопротивлением властных структур, поскольку существующие условия ориентирует власть больше на тактические, чем на стратегические программы. Поэтому нет и единой стратегии, есть только тактические решения.

Если обратиться к содержанию образования, то можно увидеть, что в условиях отсутствия научно обоснованной стратегии образования в процессе проходящей длительное время модернизации российской системы образования разные направленности содержания обучения (фундаментализация, практическая направленность, гуманизация и т.п.) чаще всего противопоставляются друг другу. Если же рассмотреть более длительный период истории российского образования, то тоже можно обнаружить, что и раньше имелись неоднократные попытки нарушения баланса между этими тремя компонентами, в частности попытки положить в основу обучения практику (или интересы личности). Однако все эти попытки заканчивались неудачей, ибо становилось очевидным размытие в этом случае фундаментальности обучения. С другой стороны, в истории российского образования имелись периоды, когда в погоне за фундаментальностью ущемлялись две остальные компоненты, когда школа и вузы страдали излишним «академизмом».

Объяснение таким непоследовательным действиям можно найти в том, что в основе действий руководителей образования лежит традиционная методология, бинарное мышление. При этой методологии расчленение объекта или явления на две части – дихотомия – являлось доминирующим не только для педаго-

гики, но и для всей классической науки в целом. Элементарные структуры имели вид бинарных оппозиций, диады. В обиходе: влево – вправо, холодно – горячо, хорошо – плохо. В философии: бытие – сознание, вещество – поле, дифференциация – интеграция, субъект – объект, необходимость – случайность, в педагогике: знаниево-ориентированная и личностно ориентированная дидактика и т.п. По этой же схеме произошло и деление наук на естественные и гуманистические, на фундаментальные и прикладные. Отсюда и проблемы двух культур, двух идеологий и т.п.

Каждая такая бинарная оппозиция образует свою координатную ось, как некую линию сравнения. В каждой такой оппозиции доминанты периодически меняются. Лишь на первый взгляд создается впечатление, что любую многомерную систему можно описать, перебирая все такие парные отношения. Как отмечал В.И. Вернадский, такой аналитический прием разделения явлений всегда приведет к неполному и неверному представлению, т.к. природа есть организованное целое [1, с. 448]. Но бинарная схема представляется не только неполной, но и опасной. Бинарное мышление начинает действовать во зло, как только превращается из средства анализа в метод реального действия, так как дихотомия предписывает схему «либо–либо», «кто не с нами, тот против нас», «третьего не дано» и т.п. Бинаризм изначально агрессивен и поэтому в нарастающей степени опасен.

С некоторых пор вопрос о первичности и главенстве противоборствующих сторон стал уступать место вопросу об их совместности. Раз противоречия существуют, то должно быть нечто третье, обеспечивающее их примирение. Наличие третьего фактора оказалось необходимым для объяснения синтеза, целостности. Но введение третьего фактора – это не есть введение центра, поиск «золотой середины». Еще Гёте говорил, что между двумя противоположными мнениями лежит нестина, а проблема. Помощник, оказавшись между двумя противоположностями, должен искать не середину, а меру их примирения из дополнительных соображений, из другой точки зрения, быть третейским судьей, фактором существования противоположностей в целостной системе. Напрашивается вывод, что в науке необходимо отказаться от бинарного мышления, внедрить в науку и практику новые системные триады.

Тринитарная методология в последнее время все шире используется в постнеклассическом мировоззрении, хотя ростки этого мышления зародились значительно раньше, подступы к Троице можно увидеть в любой великой религии. В Европе с 3 века н. э. образцом тернарной структуры служила Святая Троица, нераздельная, единосущная. Философская идея тринитарности прослеживается в сочинениях Платона, Прокла, Коменского, Вико, Фихте и др. Триады, характеризующиеся известной формулой «тезис–антитезис–синтез», широко использовались Гегелем в диалектике. П.А. Флоренский писал о триединстве ума, чувства и воли человека, он рассматривает трихотомию, как начало системы и приходит к мысли об онтологичности «триадической структуры».

В последние десятилетия тринитарная методология стала широко применяться целым рядом ученых.

В России появилась и общественная организация, объединяющая приверженцев этой идеи, – Академия Тринитаризма. Значительный вклад в развитие тринитарного мышления внес петербургский ученый Р.Г. Баранцев. Им были рассмотрены системные (целостные) триады, единство которых создается тремя потенциально равноправными элементами одного уровня, каждый из которых может служить мерой совмещения двух других, как фактор их существования в целостной системе. Именно потенциальное равноправие элементов открывает потенциальную возможность триединства в такой структуре [2].

Как заметил Р.Г. Баранцев, в одном из элементов любой триады доминирует аналитическое начало, в другом – качественное, в третьем субстанциональное. Например, истина–красота–добрь, тело–душа–дух, надежда–любовь–вера, равенство–братство–свобода. Для триад им была предложена соответствующая семантическая формула: рацио–эмоцио–интуицио. Источник этой закономерности, по его мнению, заложен в триединой природе человека, в его способности одновременно мыслить и понятиями, и образами, и символами.

В образовательном пространстве Р.Г. Баранцев различает три компоненты: информационную, воспитательную и развивающую и утверждает, что системная триада образования, выполняя синтезирующую роль, должна включать в себя и передачу знаний (рацио), и воспитание стиля (эмоцио), и развитие умения (интуицио) [2], [3].

В соответствии с тринитарной методологией в содержании образования можно выделить три равноправные компоненты: фундаментальность (передача знаний), гуманистическую ориентацию (воспитание стиля) и практическую (прикладную, профессиональную) направленность (развитие умения). Целостность содержания достигается лишь при динамическом балансе всех компонент этой триады. Третий элемент является необходимым для решения проблемы бинарных противоречий, как мера их компромисса, как третейский судья, как условие существования. Результат синтеза трех компонент можно представить, как тетраэдр, в основании которого лежит системная триада.

О гуманистической ориентации как главном принципе образования убедительно писал В.В. Краевский [4]. Эта компонента триады содержания образования предполагает учет индивидуальных особенностей личности, направленность образовательного процесса на возможно полное развитие тех способностей личности, которые нужны ей и обществу, на приобщение к активному участию в жизни, на соединение бытия индивидуального человека с культурой. Таким образом, эта компонента включает в себя принцип развивающего и воспитывающего обучения, о котором, как основополагающем, пишут другие авторы. К этой же компоненте, видимо, следует отнести и некоторые другие известные дидактические принципы.

Фундаментальность образования – многогранное явление и выглядит несколько по-разному, если рассматривать этот феномен с точек зрения различных научных подходов. С точки зрения деятельностного

подхода, трактующего учение как деятельность, фундаментальность содержит те же структурные элементы, что и все содержание образования:

- это знания, на которых основываются остальные элементы;
- это умения, причем как умения действовать по образцу, так и в нестандартных, проблемных ситуациях;
- это личностные ориентации.

Таким образом, здесь также выделяется некоторая системная триада.

С позиции системного подхода фундаментальность образования можно также очертить как триаду следующих свойств:

- целостность;
- взаимосвязанность и взаимодействие элементов;
- наличие системообразующих структур.

Принципы, соответствующие этим трем свойствам, называются принципами целостности, взаимосвязанности и генерализации знаний [6].

О практической направленности обучения в педагогической литературе написано довольно много. Лучшие педагоги всегда подчеркивали недостаточность и ошибочность безупречно абстрактного изложения предмета и указывали на необходимость осуществлять обучение любому предмету в непосредственной связи с потребностями практики, науки и техники. Можно вспомнить выдвигавшиеся в нашей школе в свое время принципы политехнического обучения, связи обучения с жизнью, связи теории и практики, прикладной направленности обучения. В вузах и колледжах практическая направленность приобретает форму профессионализма и характеризуется, в частности, сформированностью у выпускника учебного заведения профессионального мышления и присутствия комплекса знаний, умений и навыков, актуальных для избранной профессии.

В последние два–три года наблюдаются попытки модернизаторов перекроить содержание образования в сторону практической направленности. Без учета интересов обучающихся происходит насаждение ранней профиляции и профессионализации, прикладного бакалавриата с неоправданно большой долей практики, постепенное сокращение числа общеобразовательных средних школ, бюджетных мест в вузах и т.п. Мерой компромисса между фундаментальностью и прикладной направленностью должна стать гуманизация образования. Сложные вопросы содержания образования можно решать только с учетом интересов личности обучающихся. Раннее получение профессии при отсутствии фундаментального образования лишает человека свободного выбора, ограничивает возможность сменить профессию, что противоречит современным тенденциям в обществе, о которых говорилось выше.

Таким образом, гуманистическую ориентацию обучения можно рассматривать в качестве третьего элемента, необходимого для разрешения проблемы противоречия между фундаментальностью и практической направленностью в обучении, как меру их компромисса. Целостность содержания обучения достигается лишь при динамическом балансе всех компонент этой триады.

С помощью семантической формулы системной триады удается получить и наиболее целостное представление о синергетике. Две компоненты триады синергетических принципов присутствуют во всех основополагающих работах по синергетике – это нелинейность и открытость.

Нелинейность в философском смысле есть нарушение условий аддитивности и пропорциональности в некотором явлении, т.е. результат суммы воздействий не равен сумме их результатов, результат непропорционален усилиям; целое не есть сумма его частей; качество суммы не тождественно качеству слагаемых и т.д. Качественный аспект нелинейности проявляется в таких феноменах самоорганизации, как неоднозначность, неустойчивость, необратимость. Появление неожиданных качеств становится не исключительным, а закономерным. Более того, освобождение от детерминизма ведет к отказу от описания эволюционного процесса в терминах отдельных траекторий [5].

Отсюда вытекает принцип неопределенности в педагогическом процессе: учитель не может быть полностью уверен в своем постижении ученика; сам ученик не может точно осознавать, что ему необходимо в данный момент; невозможно с абсолютной определенностью спрогнозировать темп и направление развития учащегося; только вместе, в процессе диалога, учитель и учащийся могут отыскивать приближенные решения возникающих проблем.

Открытость подразумевает обмен веществом, энергией и информацией с внешним миром. Подлинная открытость не подвластна жесткому контролю, и этот факт отражает фундаментальную сущность открытости. В силу этого принципа в педагогическом процессе необходима открытость соответствующей образовательной среды, а также открытость каждой отдельной личности. Личность должна иметь возможность свободно перемещаться во всех направлениях информационного пространства, иметь доступ к многообразию учебных текстов, иметь возможность пользоваться разными учебниками. Современные средства сетевых технологий позволяют реализовать различные формы контакта обучающегося с изучаемыми объектами и явлениями. Необходимыми условиями являются также удержание педагогами творческой, исследовательской позиции, свобода в выборе методики преподавания.

В качестве третьего основополагающего принципа синергетики разными авторами выделяются то сложность, то неравновесность, то диссипативность. Вслед за Р.Г. Баранцевым мы в качестве третьей компоненты триады рассматриваем принцип когерентности. Под когерентностью понимается согласованность взаимодействия элементов, которая проявляется в масштабе всей системы. Объединение развивающихся в разном темпе структур происходит через синхронизацию их скорости развития. Примером реализации этого принципа в образовании является создание творческих групп, кружков, секций, отрядов из разновозрастных коллективов обучающихся, объединенных общей целью. В сетевом пространстве – это участие в коллективных учебных проектах. Благодаря согласованным коллективным действиям обучающиеся попа-

дают в один темпомир, достигают более существенных результатов по сравнению с индивидуальными действиями, начинают развиваться с наиболее оптимальной скоростью.

Синергетическая методология позволяет увидеть крупный недостаток проводимых в российском образовании реформ, который заключается в том, что они проводятся под нажимом сверху и не подкрепляются зачастую движением снизу. Такое внешнее принудительное давление на систему, как вытекает из современных синергетических представлений, всегда неэффективно и разрушительно. Чтобы способствовать перестройке системы образования на основе саморазвития, самоорганизации, необходимо мягкое вмешательство в ход внутренних процессов. В России имеются яркие примеры образовательных проектов, которые являются самоорганизующимися системами, опирающимися на творчество и инициативу учителей и учащихся.

При решении новых задач в образовании необходимо также учитывать естественную инерционность громадного механизма системы образования, прежде всего, системы обучения в школе и системы подготовки учителей. Поэтому таким изменениям должен предшествовать переходный период. В силу этих же обстоятельств многим педагогам при всех переменах в образовании представляется необходимым следовать принципу устойчивости или «разумного» консерватизма, под которым понимается предпочтение, отдаваемое известному и апробированному перед непроверенным новым. Окружающий нас сложный, до

конца не познанный мир педагогических процессов не позволяет с высокой степенью надежности предвидеть последствия реформ, совершаемых из самых лучших соображений. При реформировании системы образования традиционным лозунгом ученого, дающего свои рецепты, должен быть «Не навреди!».

Применение новых методологических подходов на основе последних достижений педагогической науки и проверенных временем традиций создает для российского образования все объективные возможности не только для сохранения своих лучших достижений, но и для нового рывка в своем развитии.

Литература

1. Аксенов, Г.П. Вернадский / Г.П. Аксенов. – Москва, 1994. – 544 с.
2. Баранцев, Р.Г. Становление тринитарного мышления / Р.Г. Баранцев. – Москва; Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2005. – 124 с.
3. Баранцев, Р.Г. Синергетика в современном естествознании / Р.Г. Баранцев. – Москва: Либроком, 2014. – 160 с.
4. Краевский, В.В. Общие основы педагогики / В.В. Краевский. – Москва: Академия, 2003. – 256 с.
5. Пригожин, И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. – Москва, 2000. – 240 с.
6. Тестов, В.А. Фундаментальность образования: современные подходы / В.А. Тестов // Педагогика. – 2006. – № 4. – С. 3–7.
7. Тестов, В.А. Образование в информационном обществе: переход к новой парадигме: монография / В.А. Тестов, О.Б. Голубев. – Вологда: ВоГУ, 2016. – 176 с.

Рецензент – Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ.

V.A. Testov

NEW METHODOLOGICAL APPROACHES IN PEDAGOGICS

The article aims to prove that new approaches to the selection of learning content is required since the goals of education, forms and means of learning have changed in the conditions of information society. The author states that it is necessary to use new methodological approaches in the field of education, in particular synergistic and trinitarian methodology. Trinitarian methodology defines three equal components in the contents of education, which are fundamental, humanistic and practical (applied) directions. The integrity of learning content is achieved only when each component of this triad is in dynamic balance with the others.

Network society, synergetic world-view, learning content, educational objectives, learning strategy, trinitarian methodology, fundamentality, humanization, practical orientation.

М.И. Шутикова

Академия социального управления, г. Москва

МОДУЛЬНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ «1С: ПРЕДПРИЯТИЕ»

В статье рассматриваются возможности реализации практико-ориентированного подхода на основе модульной структуры дисциплины в системе высшего образования. На конкретном примере учебного модуля предложены подходы к организации самоконтроля студентов и контроль преподавателя в организации учебной деятельности, определение индивидуальной учебной траектории обучающихся с целью формирования общекультурных, профессиональных и специальных компетенций, требования к которым сформулированы в федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования.

Модуль, микромодуль, моделирование, компетенции, информационные технологии, прикладные решения.

Одна из первоочередных задач системы высшего профессионального образования – подготовка конкурентоспособного профессионала, обладающего высоким уровнем компетентности в информационной сфере, неотъемлемой частью которой является умение продуктивно использовать информационно-коммуникационные технологии для моделирования и решения задач профессиональной деятельности.

Требования современного информационного общества нашли отражение в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО) третьего поколения. ФГОС ВО предусматривают необходимость организации учебного процесса на основе кредитно-модульной системы, включающей разработку и создание организационно-методического комплекса как системы теоретических положений, описывающих упорядоченную совокупность приемов и способов организации учебно-технологических процессов: подготовки учебно-организационного обеспечения, учебно-методических материалов (планов, взаимосвязанной структуры учебных модулей); определения требований к результатам подготовки; планирования мероприятий контрольно-оценочной деятельности по формированию компетенции.

Компетенция – готовность действовать на основе имеющихся знаний, умений и навыков при решении задач, общих для многих видов деятельности.

Целью современного инновационного высшего образования является создание условий для овладения такими базовыми компетенциями, которые позволяют приобретать знания самостоятельно.

Студент должен являться активным субъектом познания на занятии, осознавать процесс обучения, создавать аналогичные и новые объекты; задания необходимо связывать с его будущей профессиональной деятельностью, что позволит достичь проявления личной заинтересованности каждого студента в процессе освоения модульной структуры учебного материала и реализации задач формирования компетенций

(общекультурных и профессиональных). Модуль – часть образовательной программы, учебного курса, предмета, дисциплины, единицы дисциплины, имеющая определенную логическую завершенность по отношению к целям и планируемым результатам освоения образовательной программы – совокупность всех видов учебной работы, имеющих внутреннюю логику и формирующую определенную компетенцию (или группу родственных компетенций) [1; 2].

Модульная структуризация учебного материала хорошо связывает дисциплины «информационного» цикла, позволяет проводить взаимосвязи, выстраивать иерархию знаний, умений, навыков, модулей, микромодулей, как подструктуры, и системы компетенций.

При разработке системы учебно-методических материалов (УММ) необходимо учитывать принципы и правила кредитно-модульной системы обучения, положенные в основу современной системы образования, а именно: содержание обучения структурировать по модулям с выделением декларативной и процедурной информации, определить последовательность изучения, в декларативную информацию включить научные основы дисциплины как связующее звено между теоретической информатикой, прикладными технологиями и информационными системами, а в процедурную информацию включить весь технологический процесс решения задач от постановки, через формализацию и моделирование до получения конкретного результата; каждый практикум должен являться интеллектуально насыщенным, с присутствием постоянного самоконтроля интеллектуальной деятельности студента, а также постоянного формирования потребности у студента к самостоятельным умозаключениям по поводу достижения поставленных целей, задач познавательной деятельности на занятии; разработать систему входного и выходного мониторинга учебных результатов студентов, как основы формирования компетенций [3].

Рассмотрим модульный подход на примере формирования задания, для проведения практических

занятий по разработке прикладных решений в системе «1С: Предприятие 8.2» у информатиков-экономистов. Предлагается следующая постановка задачи – проблемная, профессионально-ориентированная ситуация: вы работаете разработчиком прикладных решений на основе платформы «1С: Предприятие 8.2» и поступил заказ на автоматизацию деятельности фирмы ЧП «АвтоТех» по оказанию услуг авторемонта. Необходимо разработать автоматизированную информационную систему (АИС) для работы этой фирмы.

Модуль 1. Тема «Изучение предметно-ориентированной среды и объектов метаданных. Моделирование и создание новой информационной базы. Создание справочников»

Проектирование АИС необходимо начать с этапа моделирования, разработать модель новой АИС, которая должна отражать существенные стороны деятельности предприятия и создать конфигурацию в системе «1С: Предприятие 8.2», которая автоматизировала бы деятельность данной компании. Моделирование бизнес-процессов и создание объектов информационной среды можно положить в основу модульной структуры дисциплины и задания по их освоению разбить на микромодули.

Микромодуль 1. Моделирование и формализация

Построение модели можно осуществить с использованием CASE-технологии или других программных средств.

Задание 1

- Разработайте обобщенную модель деятельности фирмы и произведите декомпозицию по бизнес-процессам.

Пакет программ AllFusion ERwin Data Modeler (ранее ERwin) – CASE-средство для проектирования, моделирования и документирования структур данных. Данный пакет целесообразно использовать, решая

задачу моделирования бизнес – процессов фирмы. На рисунке показана общая модель деятельности предприятия.

Далее построенная модель подлежит декомпозиции и подробному рассмотрению иерархии функций, связей, потоков данных.

Реализация моделей формализованными методами в конфигурации «1С: Предприятие 8.2» потребует создания следующих объектов: справочников, документов, регистров накопления, отчетов; а также оформить меню, добавить панели инструментов, создать пользователей.

Микромодуль 2. Начальные настройки. Отладка конфигурации

Основополагающий вопрос: как спроектировать и создать конфигурацию в системе «1С: Предприятие 8.2», которая автоматизировала бы деятельность компании?

Указание: для начала работы необходимо открыть Конфигуратор, изучить Справку по Конфигурации, выделяя следующие объекты метаданных: справочники, документы, регистры накопления, отчеты.

Задание 2

- Для выполнения заданий создайте базу с пустой конфигурацией, а не базу, созданную из шаблона. Запустите программу в режиме конфигуратора.

Указание: объясните в электронном отчете, как вы создали пустую базу и запустили базу в режиме Конфигуратора.

Задание 3

- Провести отладку программы.

С помощью какого пункта меню можно запустить отладку программы? Запустите отладку.

Указание: проверьте программу и поместите ответ в электронный отчет.

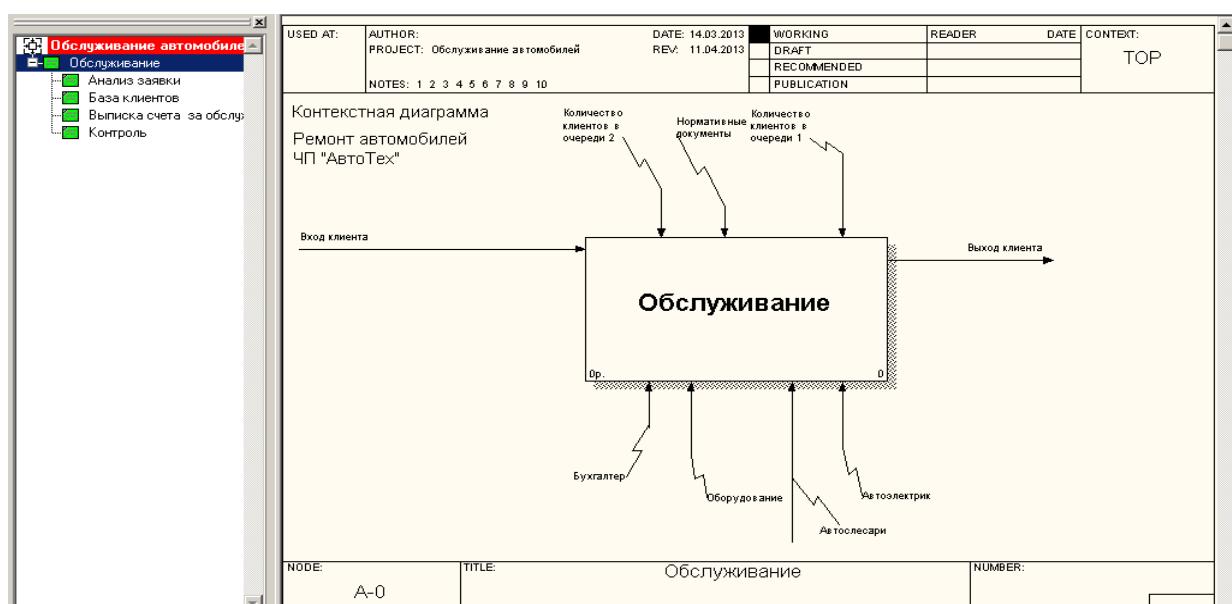

Рис. Модель процесса обслуживания ЧП «AVtoTex»

Микромодуль 3. Создание справочников

Основополагающий вопрос: как и какие справочники можно создать для АИС фирмы, которая оказывает услуги по ремонту автомобилей?

Указание: для выполнения задания необходимо открыть *Справку по Конфигурации*, подробно изучить объект метаданных – справочники (а именно: типы, виды, интерфейс справочника).

Задание 4

- Придумайте наименования справочников, которые, по вашему мнению, должны присутствовать в конфигурации для фирмы, оказывающей услуги по ремонту автомобилей, если в исходной модели не была предложена дефрагментация по справочникам. Объясните назначение и структурный состав каждого из предложенных вами справочников.

Задание 5

- Создание предопределенного справочника.

Откройте конфигурацию. Объясните, как вы это сделали.

Исследуйте, как создать *Справочник*. Запишите ваше предположение (справочники в соответствии с декомпозированной моделью в Задании 1). Проверьте правильность вашего предположения путем создания наиболее простого по составу из предложенных вами справочников – *Склады* (для хранения информации о складах), который содержит один предопределенный элемент – склад «Основной», на данный склад поступают все материалы.

Указание: объясните, какую длину кода и длину наименования можно задавать для справочника? Может ли тип кода данных быть строкой? В чем отличие строкового кода от числового? Объясните также в электронном отчете, какой элемент называется предопределенным? На какой вкладке и как вы установили предопределенность элемента?

Задание 6

- Создайте справочник *Клиенты* (он будет хранить наименования клиентов фирмы).

Указание: объясните, каким образом можно протестировать созданные справочники? Какой из предложенных вами справочников может содержать табличную часть? Какая информация будет там храниться? На какой вкладке при создании справочника можно добавить табличную часть?

Задание 7

- Создайте справочник *Сотрудники* для хранения ФИО сотрудника и информации о его прошлой трудовой деятельности. Трудовую деятельность оформите в виде табличной части, включающей организацию (как вы думаете, какого типа и какой длины будет это поле?), начало работы, окончание работы, должность.

Указание: объясните, какое использование в свойствах табличной части вы установили: для элемента, для группы или для группы и элемента? На какой вкладке можно установить редактирование справочника двумя способами? Настройте и отразите в электронном отчете.

Задание 8

- Создайте справочник *Номенклатура* (для хранения информации об услугах, которые оказывает фирма) с наличием иерархической структуры: две основные группы – *Услуги* и *Материалы*, которые также будут разбиты на подгруппы.

Указание: объясните, на какой вкладке вы установили параметры иерархического справочника и как вы это сделали? Какую длину наименования вы настроили? Почему?

Вопросы для самоконтроля:

- Как создать пустую базу?
- Как протестировать конфигурацию?
- Справочники какой структуры можно создавать в конфигураторе «1С: Предприятие 8.2»?
- Как создать справочник иерархической структуры с табличной частью?

Обобщение модуля 1. В ходе выполнения практических работ и подготовки электронного отчета по указаниям к заданиям модуля (микромодулям) студенты готовят заключение о том, что для успешного функционирования разрабатываемой АИС необходимы справочники, хранящие списки однородных объектов предметной области. Хозяйственная и финансовая деятельность предприятия отражается в учете с помощью документов, для заполнения которых требуются справочники, которые могут иметь иерархическую структуру разной степени сложности, различную длину и тип кода, длину наименования; можно создавать справочники с табличной частью, предопределенные справочники. Мониторинг учебной деятельности позволяет проводить постоянный самоконтроль студентов и контроль преподавателя на основе индивидуально разрабатываемой студентом АИС и электронных отчетов поэтапно выполняемых заданий.

Следовательно, применение модульного, практико-ориентированного подхода в обучении информационным системам и технологиям в экономике обеспечивает формирование индивидуальной учебной траектории студентов, приемов саморазвития, системы знаний, профессиональных компетенций, основанных на получении конкретных результатов учебной деятельности каждого студента, а также приближает учебные задачи к будущей профессиональной сфере.

Литература

- Материалы к совместному заседанию расширенного Президиума УМО по классическому университетскому образованию и съезда АКУР 26 ноября 2010 года. МГУ имени М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – URL: http://www.acur.msu.ru/Files/Metod_rekom.pdf (дата обращения: 10.11.2016).
- Шутикова, М.И. Кредитно-модульная организация учебного процесса [Электронный ресурс] / М.И. Шутикова // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2013. – № 2(86). – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18911514> (дата обращения: 10.11.2016).
- Шутикова, М.И. Формирование профессиональных компетенций в обучении на основе практико-ориентированного подхода [Электронный ресурс] / М.И. Шутикова // Современные научные исследования. Выпуск 1. – Концепт. – 2013. – ART 53214. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20573165> (дата обращения: 10.11.2016).

Рецензент – Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ.

M.I. Shutikova

MODULE APPROACH IN TEACHING BASED ON ‘1C: ENTERPRISE’ SYSTEM

The article examines the feasibility of a practice-oriented approach, based on the modular structure of disciplines in the system of higher education. With the specific example of a training module, the author suggests approaches to the organization of students' self-control and teachers' control in the process of organizing training activities, as well as the definition of a student's individual educational pathway, which aims to form common cultural, professional and specialized competencies according to the requirements formulated in the federal state educational standard of higher education.

Module, micromodule, modeling, competencies, information technologies, applied solutions.

УДК 37.047

В.Г. Якимов

Вологодский государственный университет

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА ШКОЛЬНИКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматривается проблема профессионального выбора школьника в современных социально-экономических условиях.

Профессиональное самоопределение, компетенция профессионального выбора школьника, профильное обучение.

Динамично развивающийся рынок труда и инновационных технологий формирует новые требования к профессиональным знаниям и умениям работников, задает цели на развитие непрерывного индивидуализированного образования, ориентированного на формирование творческой, социально-активной и ответственной личности. Современной экономике необходимы специалисты, обладающие междисциплинарными знаниями, системным и экологическим мышлением, межотраслевой коммуникацией и мультикультурностью, умеющие работать в условиях неопределенности.

В национальной образовательной инициативе «Наша новая школа» отмечено, что важнейшими качествами личности в современном мире становятся инициативность, способность находить нестандартные решения, умение выбирать профессиональный путь, готовность к смене профессиональной деятельности [4].

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» отмечается, что образование должно быть направлено на формирование навыков самостоятельной учебной деятельности на основе индивидуализации и профессиональной ориентации содержания среднего общего образования, подготовку

обучающегося к самостоятельному жизненному выбору [7].

Понятие «выбор» в возрастной психологии находится в контексте решения проблемы самоопределения. В педагогической науке отмечена несомненная роль осознанного профессионального выбора в развитии личности, в построении индивидуальной образовательной траектории и достижении личностных результатов. В работах Е.А. Климова [3], Н.С. Пряжникова [5], Н.Ф. Родичева [6], Э.Ф. Зеера [2], С.Н. Чистяковой [8] и др. исследуются различные педагогические модели, технологии, принципы самоопределения и факторы, влияющие на его результат.

Основная проблема профессионального выбора для выпускников заключается в неумении школьника ориентироваться в широком поле современных профессий, прежде всего регионального рынка труда, и направлений продолжения образования, соотнесения с ними своих желаний, возможностей и способностей. На сложность данного вопроса указывает С.Н. Чистякова, которая рассматривает профессиональное самоопределение «как основу во взаимосвязи различных сторон его проявления: формирование профессиональной карьеры, сферу приложения и саморазвития личностных возможностей, поле личностной само-

реализации, а также реально практическое, действенное отношение личности к системе социокультурных и профессионально-производственных факторов ее общественно полезного бытия и саморазвития» [8, с. 11]. Ученый утверждает, что «профессиональное самоопределение как сложный и длительный процесс соотношения внутриличностных и социально-профессиональных оснований личностного развития не может быть сведен к одномоментному акту выбора профессии и не заканчивается завершением профессиональной подготовки по избранной специальности. Оно продолжается на протяжении всего жизненного и профессионально-трудового пути, включая основные отношения личности во всех сферах ее жизнедеятельности (образование, семейные отношения, организация досуга и др.)» [8, с. 11].

Таким образом, профессиональный выбор школьника – это комплексная проблема, которая требует междисциплинарного подхода как в вопросах понимания сущности профессионального выбора, так и в практической работе по профессиональному ориентированию молодых людей в условиях изменения социально-экономической ситуации.

Применительно к проблеме профессионального самоопределения школьников необходимо формировать у них компетенции, интегрирующие знания, умения и навыки, относящиеся к широким сферам культуры и деятельности, компетенции, которые позволяют им самостоятельно ориентироваться и эффективно действовать в дальнейшем в ситуациях, связанных с выбором профессии.

Для успешной социализации личности формирование у выпускников интегральной компетенции профессионального выбора является объективной необходимостью. В нашем понимании «компетенция профессионального выбора школьника» проявляется как «комплекс базовых, значимых знаний, умений, навыков, ценностных ориентаций и мотивации личности, определяющих ее послешкольную успешность и самореализацию, мобильность, возможность адаптации к изменяющимся условиям жизнедеятельности, готовность к деятельности в широком поле профессий, осознание необходимости непрерывного обучения, учитывающая личностный, социально-экономический, медико-биологический и психологический аспекты» [9, с. 13]. Она носит пролонгированный характер, развивается и совершенствуется в дальнейшей образовательно-профессиональной деятельности человека и может проявляться на всех этапах его карьеры.

Введение системы профильного образования на старшей ступени должно способствовать профессиональному самоопределению и осознанному выбору дальнейшей трудовой деятельности. Однако анализ опыта организации профильного обучения в Вологодской области показал, что она имеет ряд существенных недостатков:

- узкопрофильность обучения на старшей ступени (в рамках одной школы формируются, как правило, не более 2-х профилей обучения, а зачастую один профиль);

- планы реализации среднего общего образования практически не предусматривают возможности для учащихся смены профиля;

- при малом количестве профилей сложно организовать разнообразные профессиональные пробы, профиспытания, моделирующие элементы профессиональной деятельности.

Указанные факторы ограничивают возможности системного профессионального ориентирования учащихся, что негативно влияет на их дальнейший профессиональный выбор.

С целью повышения эффективности профориентационной работы в феврале 2016 года нами совместно со специалистами межшкольного учебного комбината было проведено мониторинговое исследование образовательных намерений и профессиональных планов обучающихся 9-х классов. Для проведения пилотного мониторингового исследования была разработана анкета «Мои планы после 9-го класса».

Выборка охватывает контингент обучающихся 9-х классов в составе 1333 человек. В исследовании приняли участие 21 образовательное учреждение г. Вологды. Результаты анкетирования представлены на диаграммах 1–3. По результатам анкетирования большинство девятиклассников ориентировано на продолжение обучения в школе – 733 человек (54,98%). Значительно меньший интерес вызывает продолжение образования в учреждениях среднего профессионального образования – 558 человек (41,86%). О наличии других планов заявили 42 школьника (3,15%) (диаграмма 1).

Из числа респондентов, определившихся с выбором профиля обучения в 10 классе (592 чел.), предпочтения девятиклассников распределились по десяти профилям обучения (диаграмма 2). Для девятиклассников наиболее привлекательными областями профессиональной деятельности, иначе говоря, профильными классами, в которых они хотели бы продолжить процесс обучения в школе, являются: социально-гуманитарный – 22,64% опрошенных (134 чел.); социально-экономический – 18,92% (112 чел.); химико-биологический – 18,07% (107 чел.); физико-математический – 17,4% (103 чел.). Менее востребованными являются: физико-химический – 7,77% (46 чел.); информационно-технический – 6,42% (38 чел.); филологический – 3,38% (20 чел.); кадетский – 2,7% (16 чел.). Менее 2% опрошенных распределились по таким профилям, как общеобразовательный и лингвистический.

Анализ ответов респондентов по вопросу определения жизненных планов (диаграмма 3) показывает, что 52,38% (22 чел.) опрошенных имеют определенные намерения в отношении трудоустройства после получения основного общего образования, 19,05% (8 чел.) – планируют трудоустроиться после обучения на краткосрочных курсах профессиональной подготовки, 11,9% (5 чел.) – планируют прохождение службы в рядах вооруженных сил, а 16,67% (7 чел.) респондентов на момент исследования вообще не определились с тем, чем будут заниматься после окончания 9-ти классов.

Образовательно-профессиональные планы обучающихся 9-х классов в 2016 году

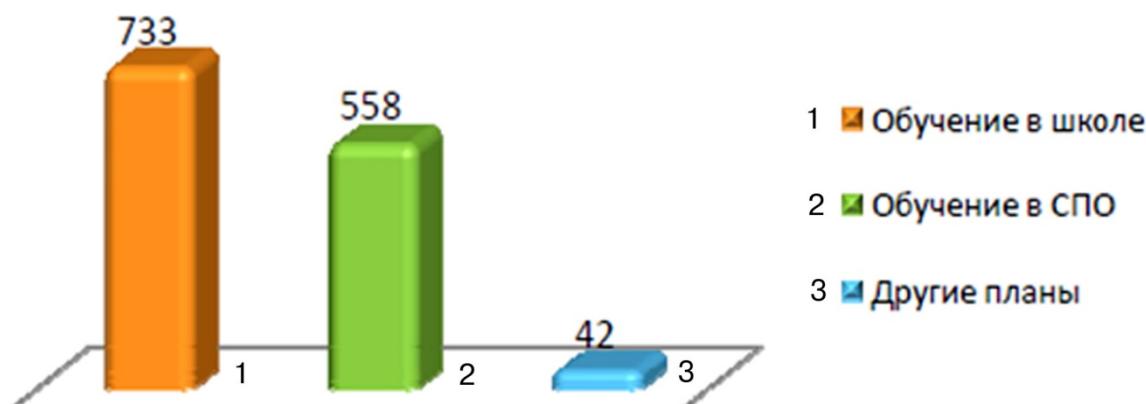

Диаграмма 1

Определенность выбора профиля обучения в 10 классе выпускников 9-х классов в 2016 году

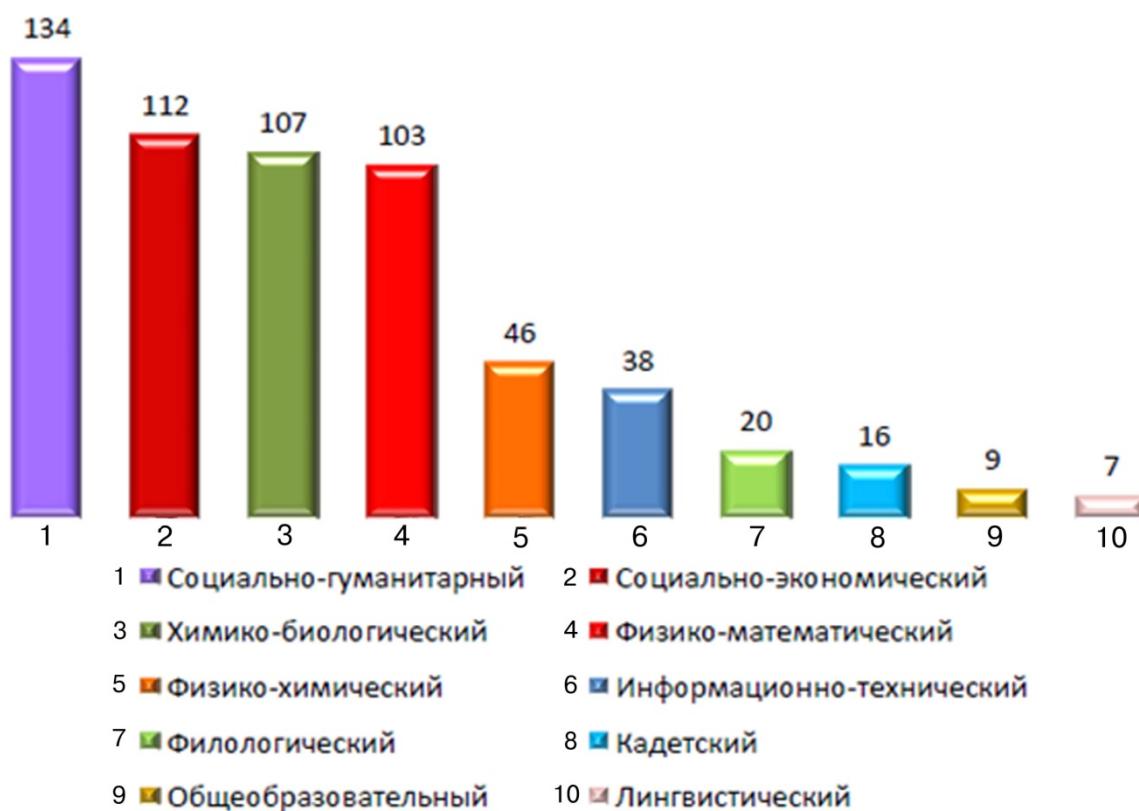

Диаграмма 2

Диаграмма 3

Данные мониторингового исследования показывают, что из общего числа опрошенных (1333 чел.) 93,92% (1252 чел.) обучающихся 9-х классов имеют твердую мотивационную установку на продолжение своего образования, а именно: 53,41% (712 чел.) ориентированы на получение среднего общего образования, а 40,51% (540 чел.) – на получение среднего профессионального образования.

На ближайшее будущее не связывают свои планы с продолжением образования и намерены трудоустроиться или пройти службу в рядах вооруженных сил 2,63% (35 чел.) школьников.

На момент исследования 3,45% (46 чел.) не имеют четких образовательно-профессиональных планов, но 1,57% (21 чел.) из них склоняются к продолжению образования в школе, 1,35% (18 чел.) – к поступлению в учреждение среднего профессионального образования и только 0,52% (7 чел.) не задумывались о своем будущем.

Анализ полученных данных показывает, что наиболее востребованными профилями обучения в старшей школе для будущих выпускников 9-х классов являются: социально-гуманитарный, социально-экономический, химико-биологический, физико-математический, а наиболее востребованными отраслевыми кластерами, исходя из предпочтений респондентов при выборе профессиональных образовательных организаций, являются: машиностроение, транспорт; строительство и жилищно-коммунальное хозяй-

ство, торговля и общественное питание, связь и информационные технологии, легкая промышленность и сфера услуг.

Таким образом, мониторинг образовательно-профессиональных планов школьников, проведенный среди выпускников 9-х классов школ города Вологды в 2016 году, показал, что молодые люди, достаточно осознанно подходят к планированию своей ближайшей образовательной и профессиональной перспективы. Однако, на наш взгляд, при формировании профилей обучения необходимо гибко реагировать на происходящие преобразования в глобальной экономике и сферах труда, активно внедрять новые информационно-коммуникационные технологии в систему образования. Ученые полагают, что до 2030 года в мире появится 186 новых профессий, среди которых: ИТ-медик, биоэтик, генетический консультант, аудитор комплексной безопасности в промышленности, проектировщик интерфейсов беспилотной авиации, специалист по преодолению системных экологических катастроф, системный биотехнолог, агрокибернетик, энергоаудитор, трендвотч и др. [1].

Для активизации процесса профессионального выбора школьников необходимо уделить внимание следующим вопросам:

- формировать у школьников способности к мобильному, вариативному поведению при прогнозировании своей профессиональной деятельности. В современных, быстро меняющихся условиях рынка тру-

да полезно предусматривать различные варианты траектории своего образовательно-профессионального развития;

– значительно повысить информированность школьников о состоянии и развитии современной экономики, о соответствующих трендах на рынке труда, о появлении новых профессий в ближайшее время и о возрастающем техническом и технологическом уровне традиционных рабочих мест;

– показать, что формирующийся новый технологический уклад потребует от своих работников повышенной интеллектуальной и образовательной подготовки, необходимости учиться всю жизнь;

– учить школьников рационально планировать траекторию своего будущего образовательно-профессионального развития с учетом состояния и трендов современного производства, рынка труда и собственных возможностей.

Литература

1. Атлас новых профессий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://atlas100.ru/> (дата обращения 20.09.2016).

2. Зеер, Э.Ф. Психологическое содействие предпрофильной подготовке и профильному обучению в образовательных учреждениях / Э.Ф. Зеер, А.М. Павлова, Н.О. Са-

довникова // Основы профориентологии. – Москва: Высшая школа, 2005. – С. 130–154.

3. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения / Е.А. Климов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 278 с.

4. Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» [Электронный ресурс] // Режим доступа:<http://mon.gov.ru/dok/akt/6591/>

5. Пряжников, Н.С. Соотнесение понятий «личностное самоопределение» и «профессиональное самоопределение» / Н.С. Пряжников // Понятийный аппарат педагогики и образования. – Екатеринбург, 1995. – Вып. 1. – С. 119–130.

6. Родичев, Н.Ф. Профессии, которые мы выбираем / Н.Ф. Родичев // Абитуриент. – 2002. – № 7. – С. 21–31.

7. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LW=149753> (дата обращения: 10.09.2016).

8. Чистякова, С.Н. О принципах профильного обучения и проблемах их реализации / С.Н. Чистякова // Профильное обучение в условиях модернизации школьного образования. – Москва: ИОСО РАО, 2003. – С. 10–14.

9. Якимов, В.Г. Формирование у школьников компетенции профессионального выбора в образовательном процессе межшкольного учебного комбината: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Якимов В.Г. – Санкт-Петербург, 2013. – 28 с.

Рецензент – Н.Б. Розова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и методики преподавания физики ВоГУ.

V.G. Yakimov

PROBLEM OF PROFESSIONAL CHOICE OF A SCHOOL STUDENT IN MODERN CONDITIONS

In the article, the problem of professional choice of school students in contemporary socio-economic circumstances is considered.

Professional self-determination, competence of a school student's professional choice, specialized education.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 378

П.А. Зимин

Вологодский государственный университет

СТУДЕНЧЕСКОЕ БРАТСТВО: КАК НАЧИНАЛСЯ ГЕОФАК (1946–1950 гг.)

В 2016 году исполнилось 70 лет с начала подготовки в Вологодской области учителей географии. Статья содержит отредактированные и снабженные комментариями воспоминания Павла Александровича Зимина – студента первого набора, закончившего географический факультет Вологодского государственного педагогического института в 1950 году. Живая память ветерана хранит точнейшие характеристики времени, событий, персоналий, позволяющие читателю окунуться в послевоенную Вологду и в жизнь формировался тогда сообщества учителей географии Вологодчины.

Практически вся трудовая биография П.А. Зимина так или иначе связана с педагогическим институтом. Он и сейчас не порывает связи с кафедрой географии, оставаясь примером профессионального служения.

Вологда, педагогический институт, географический факультет, становление профессионального сообщества.

Несколько лет назад Павел Александрович Зимин передал мне рукопись с просьбой сохранить ее в архиве лаборатории геоэкологии ВГПУ (ныне – ВоГУ). В год 70-летия открытия в Вологодском государственном педагогическом институте географического факультета с согласия автора осуществлена редакторская подготовка материалов для публикации. При подготовке рукописи к печати было произведено ее разделение на смысловые части. Фрагменты, не относящиеся напрямую к истории и сотрудникам кафедры географии, опущены из публикации; пропуски текста заменены отточиями. Внесены согласованные с автором редакторские поправки, которые отмечены в тексте квадратными скобками. Сохранены авторские подчеркивания слов, несущих, по мнению П.А. Зимина, особый смысловой акцент. Статья снабжена редакторскими примечаниями, облегчающими восприятие контекста авторской речи, и списком литературы. В оформлении текста использованы фотографии из личного архива П.А. Зимина, сотрудников кафедры географии и фондов лаборатории геоэкологии ВоГУ. Выражаю искреннюю признательность за помощь в работе с архивными материалами И.В. Аксеновской.

Е.А. Скупинова

Выбор специальности

В декабре 1945 года с первой волной демобилизации я вернулся домой, на родную Вологодчину. В июне 1946 года закончил Грязовецкое педучилище, откуда [в 1943 году] с 3-го курса был, как говорили тогда, «взят на войну». Получил специальность учителя начальных классов, но решил поступить в педи-

нститут. С нужными документами приехал в Вологду. У дверей приемной комиссии встретил Павла Николаевича Карелина¹, которого я знал по педучилищу. В 1941 году он был его директором и преподавал нам химию.

Увидев на лацкане моего пиджака орден Красной Звезды, поинтересовался моим участием в военных действиях. А узнав, что собираюсь поступить на исторический факультет или [факультет] литературы и языка (ЛИЯ – так тогда назывался филологический), сообщил, что открываются два новых факультета – географический и иностранных языков. Советовал подумать. Может, и по его совету, в заявлении я не указал факультет. Не написали [название факультета] и в экзаменационном листе², который я получил. Иностранный отпадал. На

П.Н. Карелин

¹ П.Н. Карелин в июле 1946 года начал работу в ВГПИ в должности старшего преподавателя кафедры химии, в декабре 1950 года был назначен на должность ее заведующего, а с марта 1951 года стал заместителем директора института по научно-исследовательской работе [6].

² В личном деле П.А. Зимина [5] содержатся и заявление о допуске к вступительным экзаменам, и экзаменационный лист. В заявлении указано: «...прошу допустить меня к вступительным экзаменам на исторический факультет», а вот в экзаменационном листе, действительно, первоначально строка «Факультет» была оставлена пустой. Запись «географический» появилась, скорее всего, как итог вступительного экзамена по географии и принадлежит, судя по цвету чернил и почерку, П.А. Соколову.

другие, интересовавшие меня [факультеты], и на геофак экзамены были почти одинаковыми и начинались с 1-го августа. На «хорошо» написал сочинение. Литературу и русский язык я знал прилично: в педучилище эти предметы вели старые интеллигенты, высланные в [19]30-е годы из Ленинграда. На устном экзамене был[и] вопрос[ы] по литературе [и по] русскому языку[, а также] надо было расставить знаки препинания и сделать грамматический разбор предложени[я]. Хорошо запомнил одного экзаменатора, молодую женщину по фамилии [Н.П.] Гладк[ая]³. Я быстро подготовился и стал помогать по русскому языку другим абитуриентам. Меня остановили и вызвали отвечать. Понравился мой ответ, особенно по русскому языку. Его я любил и в школе, и в педучилище. Увидев в экзаменационном листе, что не указан факультет, посоветовали стать филологом. Поставили «отлично». Так же сдал и историю.

Географию принимал Петр Александрович Соколов. На экзамене висели немые карты – физическая и административно-политическая СССР, мира и карта полуширий. И по этому предмету получил высшую оценку. Петр Александрович убедил меня поступить на геофак, «расписав» его преимущества. Выбор факультета определили и мои фронтовые впечатления. Они расширили круг [моих] знаний о природе, о странах, в которые забросила война. Побывал в Польше, Германии, Чехословакии, Венгрии, Австрии, Румынии, видел Берлин, Дрезден, Прагу, Будапешт, Шопрон, Вену, Бухарест. Познакомился в какой-то мере с природой карпатских стран. Появился интерес к познанию других регионов Европы и мира[, а его] мог удовлетворить [только] географический факультет.

И я стал студентом геофака. Прелюдия к высшему образованию закончилась. Начались суровые будни на пути к достижению намеченной цели.

Первый курс

1 сентября 1946 года, как было указано в расписании, я и мои сокурсники, сдавшие (и еще сда[вавши]е в течение сентября) экзамены, пришли в 73 аудиторию на третьем этаже в правом крыле института⁴. Нас встретила приветливая, еще молодая женщина с

большой русой косой вокруг головы. Это была Ирина Николаевна Шайжина, как узнал потом – фронтовик. Она познакомила нас с программой обучения, с предметами, которыми нам предстояло овладеть, чтобы стать учителями географии. Рассказывала со знанием дела, так как сама [...] закончила до войны геолого-географический факультет МГУ. Это сразу подняло наше уважение и доверие к ней.

И.Н. Шайжина

Ирина Николаевна решала все организационные вопросы обучения и жизни студентов первого курса

³ Здесь и далее инициалы и фамилии упоминаемых лиц, заключенные в квадратные скобки, восстановлены и (или) уточнены по данным архива Педагогического института ВоГУ.

⁴ Здание на ул. Орлова, 6.

нового факультета. Она была деканом геофака – первым деканом, организатором факультета⁵. И ей в этом принадлежит ведущая роль. Первые два курса Ирина Николаевна была нашим «поповодырем». Да и в дальнейшем ей принадлежала большая роль в создании традиций факультета, в организации нашей студенческой жизни.

На первом и втором курсах из профильных дисциплин читались [история] географически[х] открытий, топография и картография, общее землеведение. Все эти предметы вела Ирина Николаевна.

Читался также курс минералогии и исторической геологии. Их преподавал Константин Александрович Садоков[, у]же пожилой мужчина с добродушной улыбкой. Это был специалист своего дела. Как мы узнали, он закончил геологический факультет Варшавского университета, имел ученую степень магистра, которая не была признана в СССР. Ему также принадлежали на тот период основные исследования [по] геологии Вологодской области.

В нашем семейном альбоме я обнаружил фотографию, датированную 1929 годом. На ней группа выпускников рабфака. (Эти учебные заведения готовили для поступления в вузы рабочую и сельскую молодежь). Среди учителей – К.А. Садоков, а среди выпускников – мой старший брат, который участвовал в экспедициях Константина Александровича[. П]о его рекомендации [он] стал геологом-разведчиком[и] более 30 лет проработал в бассейне Колымы[: п]исьма до войны приходили из Зырянки⁶.

Об этом этапе из жизни Константина Александровича я упоминаю, чтобы подчеркнуть, что он был геологом-исследователем, полевиком, а не кабинетным ученым, переписывающим геологические сведения из других источников и выдающим [их] за свои. Константин Александрович любил работать и общаться с нами, интересующимися минералогией. Мы подолгу засиживались в маленькой аудитории на переходе с третьего этажа на второй и разбирали [образцы]. На втором курсе Константин Александрович читал нам курс динамической геологии. Интересно, увлекательно рассказывал о грозных явлениях, катаклизмах в земной коре.

Мои сокурсники

Теперь следует сказать о первых студентах геофака, моих сокурсниках. Это был конгломерат [людей, различающихся] по возрасту и опыту работы. [Только

⁵ В личном деле И.Н. Шайжиной упоминание о том, что она официально исполняла обязанности декана географического факультета, нашлось только в характеристике, датированной 2 июля 1968 года: «...много усилий приложила к организации и укреплению географического факультета, выполняя обязанности ее первого декана» [8, с. 32]. Косвенное подтверждение этого факта обнаружено в студенческом билете П.А. Зимина [5], который на протяжении 1946–1948 гг. подписан Ириной Николаевной.

⁶ Зырянка – ныне поселок городского типа, административный центр Верхнеколымского улуса (района) Якутии.

К.А. Садоков

И.Н. Шайжина

что окончившие школу студенты не составляли основу – их было не больше трети]. Это Т. Красикова, О. Кучерова, Л. Кашина, З. Семина, З. Башкирцева, Н. Расщупкина, С. Голякова, Г. Маркелова, Н. Малкова и другие. Костяк составляли те, кто после педучилища или окончания школы уже [поработали] учительями, пионервожатыми. Стаж работы многих составлял 3–5 лет и более. Это Р. Митрофанова, М. Марденская, А. Ярцева, Н. Железова, сестры Е. и А. Гладковы, А. Тропина, Н. Постникова, М. Кукушкина, М. Махова, Н. Булатова. Они уже обладали педагогическими знаниями и организаторскими способностями, что было важно для сплочения нашего коллектива.

Студенты геофака (слева направо):
Н. Железова, П. Зимин, Л. Кашина

Мужчин было всего шестеро: фронтовики Веня Волков, Володя Грязнухин (оба женаты и с детьми), Валентин Лобов и Павел Зимин (автор этих строк), выпускник школы Вася Беляев и самый стар[ши]й на курсе Жора Кукарин. Позднее пришел к нам Коля Горячkin, но на втором курсе перевелся на заочное отделение. И эта «пестрая» во всех отношениях толпа уже в первые месяцы учебы превратилась в дружный коллектив, а затем в настоящее студенческое братство в прямом смысле этого слова.

В коллективе не было «дедовщины» – подавления инициативы младших старшими, деревенских – городскими. Вологжанами были Граня Сухарева, Валя Герасимова (поступили после окончания кооперативного техникума), Оля Кучерова (со школьной скамьи) и Веня Волков (фронтовик). На втором курсе пришла в группу Люся Янусова (Калерия Николаевна Богословская⁷), из Свердловского горного института. О ней будет особая речь.

К.Н. Богословская

⁷ Калерия Николаевна Янусова (Богословская) начала работать на кафедре географии как ассистент-совместитель с 1958 года, а в штатной должности числилась с 1963 по 1982 годы. Она была удивительно тонким и деликатным человеком, неизменно любимым и коллегами, и студентами. Даже на ее заявлении об освобождении от занимаемой должности в связи с выходом на пенсию появилась нетривиальная виза: «Сожалею, но прошу оформить Калерию Николаевну на заслуженный отдых с 1 декабря 1982 года. Н.Н. Шевелев»

Сплочению коллектива способствовало и то обстоятельство, что почти все мы жили в одном общежитии на Краснофлотской набережной⁸, на окраине Вологды. И сейчас сохранились эти здания «в плену» у многоэтажек, вблизи моста 800-летия Вологды. За общежитием, где сейчас шумит машинами улица Горького, была институтская агробиостанция, а за ней – деревня Фрязиново. В стороне – поселок Водников с церковью [Андрея Первозванного] на берегу реки.

В институт ходили пешком. Объединяло всех и то, что в общежитии по сути дела было самообслуживание. Сами заготовл[ива]ли дрова, вылавливая из реки бревна, пилили и кололи их, топили печи.

Общежитское хозяйство и студенческий коллектив были под пристальным присмотром комендантиши Дарьи Никифоровны Логиновской, женщины строгой, но справедливой. Иногда покрикивала на нас. Да и было за что. Поворчит, но откроет дверь в общежитие запоздавшей парочке. Поругает за поздно затопленную печь, но проследит и вовремя закроет. А мы всегда откликались на ее просьбы, когда требовалась сила для какого-либо срочного общего дела.

Об этом я вспоминаю [не просто как об эпизоде] из студенческой жизни, а чтобы осталась память, пусть и в моих воспоминаниях, о рядовом сотруднике института, женщине с доброй душой и сердцем матери.

И, пожалуй, главным в нашем студенческом братстве было то, что мы были бедны и голодны. Карточный мизер 1946–1947 годов не утолял голод⁹. Родители из деревень (они и сами жили впроголодь) подбрасывали кое-что из своего хозяйства. И это, подчеркиваю, становилось общим достоянием всей комнаты, а иногда и соседней.

Хотелось домой, особенно тем, кто приехал из дальних районов, сообщение с которыми было налажено плохо. Так, кирилловские девчонки (Голякова, Кашина, Аверина, Маркелова) на первые зимние каникулы пешком, двое суток, в мороз и метель добирались до дома.

Очень быстро сформировалось наше студенческое братство, как мы называли наш коллектив. Именно братство. По [сути] отношений между его членами. И потом, когда стало получше с питанием после отмены карточек, взаимовыручка помогала нам жить и учиться.

Мы не только недоедали, но были и плохо одеты. Фронтовики ходили в солдатской одежде. А у наших девчонок редко у кого было хорошее платье или приличные туфли. Но и те, что были, становились общим достоянием. На танцы в Дом офицеров поочередно

[1, с. 43]. Ежегодно именно в день ее памяти географы ВоГУ вспоминают всех своих коллег – от «начала времен» до недавних утрат.

⁸ Теперь это общежитие № 10 на Набережной VI Армии, д. 195-а.

⁹ В соответствии с Постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКПб «Об экономии в расходовании хлеба» от 27 сентября 1946 года норма отпуска хлеба по карточке составляла 250 г в день иждивенцам, 300 г в день детям, 500 г в день – работающим, в том числе студентам и преподавателям вузов. Введенные тогда же коммерческие цены на хлеб в Вологде составляли 18–20 рублей за килограмм ржаного хлеба. В этой связи студентам полагалась доплата в размере 80 рублей в месяц [2].

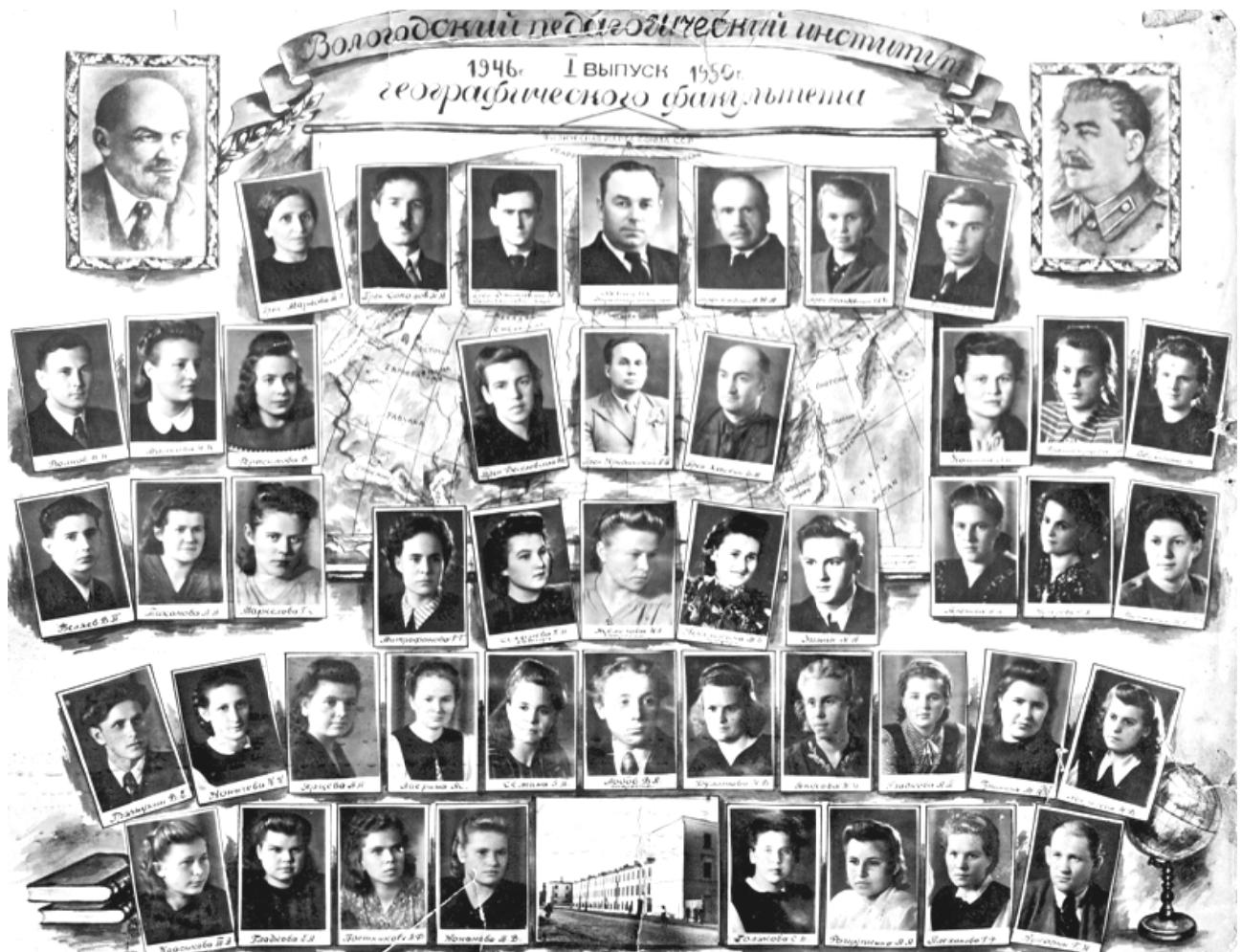
ходили в этих «дорогих» одеждах. И так было до окончания института.

Трудности в обучении состояли и в том, что почти не было учебников. Основой были лекции[, а] не все умели хорошо записывать за преподавателем. Поэтому при подготовке к зачетам, экзаменам группировались вокруг тех, у кого были хорошие лекционные записи. Так сформировались две основные группы. Во главе одной была Руфа Митрофанова, а другой – я. Надо было и «доводить до ума» наши записи: разъяснять связи, закономерности. Таким образом, мы с Руфой стали негласными лидерами в группе (ни в коей мере это не похвала себе). Наверное, в признание наших «заслуг» на групповой выпускной фотографии нас поместили в центре, рядом с «руководящим» составом курса: старостой Н. Железовой, комсоргом Г. Сухаревой и профоргом М. Кукушкиной. Надо сказать, что эта руководящая тройка была деятельной, инициативной.

В нашем братстве (повторяю эти слова) решались сообща многие вопросы и личной жизни студентов. Так, когда у Вени Волкова заболели дети, девчонки по очереди ходили в Ковырино после занятий помогать ему. Ведь жена работала, так как нужны были средства на жизнь. На последнем курсе всем миром

готовили и справляли свадьбу Валентина Лобова и Вали Герасимовой. А как помогли Люсе Тихоновой! На третьем курсе она серьезно заболела: были проблемы с легкими. И тоже всем курсом заботились о том, чтобы поправилась и не отстала от учебы. А на четвертом курсе устроили и ее личную жизнь. В войну Люся переписывалась с незнакомым офицером. Связь продолжалась и в студенческие, уже послевоенные годы. Офицер предложил ей руку и сердце сначала в письме, а потом приехал. Девчонки тогда жили в общежитии на ул. Клубной (теперь ул. Лермонтова). Устроили смотрины жениху. Меня с Валентином Лобовым пригласили для знакомства с офицером, чтобы вынести свой вердикт на предмет, достоин ли он Люси. В итоге курс решил выдать ее замуж за молодого, красивого защитника Отечества. Свадьбу справляли всем курсом. После окончания института Люся уехала к мужу в Калининград, где работала в педучилище. Брак оказался счастливым.

Это некоторые эпизоды из жизни нашего студенческого братства. Оно дорого нам всем, кто еще жив, и было дорого тем, кого уже нет. Это подтверждалось и нашими встречами, письменным общением долгие годы. И сейчас мы, оставшиеся в живых, не теряем эти связи и встречаемся как близкие родственники.

Групповой снимок выпускников первого набора геофака ВГПИ.
1950 год

Наши преподаватели

Ну, а теперь пора перейти к описанию другого коллектива, тех [людей, которые были нашими наставниками, и их роли в сплочении студенческого коллектива и в становлении будущих учителей].

На втором курсе продолжала опекать нас И.Н. Шайжина. Женщина с [...] немягким характером, порой суровая, но справедливая. Она заканчивала читать курс общего землеведения и картографии. К.А. Садоков читал историческую геологию. Со второго семестра в этот год появились новые предметы – почвоведение и география материков. Их читала В.В. Дягилева, дочь профессора В.Ф. Дягилева с кафедры ботаники. [Она] производила впечатление образованной женщины с мягким характером, порой стеснительной и неуверенной в себе. Она тоже выпускница МГУ.

С географией материков у нее не было проблем, но лекции были суховаты, академичны. А вот с почвоведением было хуже. Теперь понимаю, что этот предмет ей предложили вести, так как не было других вариантов. Да она и сама понимала, что недостаточно хорошо готова к этому поручению. И в довершение ко всему взяла «химический крен» в объяснении почвообразовательных процессов. Материал, очевидно, брала из учебника для узких специалистов. Химические процессы, формулы, которые она изображала на доске, не были понятны, кажется, и ей самой, а не только нам. Она часто исправляла их [на доске], а мы в тетрадях. Это не создавало контакта между преподавателем и студентами. [Вот хотя бы один пример. [Преподавательница] объясняла химический процесс образования дерново-подзолистых почв. Написала на доске химическую реакцию. Отошла к кафедре и по тексту лекции увидела ошибку на доске. Пошла исправлять. И снова неверно. Новое исправление. А мы это делаем чернилами в своих записях. В. Лобов – [нервный, из-за ранения в голову, моряк] потерял управление над собой и схватил чернильницу, пытаясь бросить [ее] в доску. Но В. Волков и В. Грязнухин (они всегда сидели рядом с Валентином) увидели его нервный срыв, подхватили под руки и вывели из аудитории. На другой лекции он попросил прощения у преподавателя. Я теперь понимаю, в каком трудном положении находилась В.В. Дягилева и ни в коей мере не осуждаю ее. Это были издержки становления нового факультета. Почвоведение мы осилили.

Дягилеву сменил Ю.Д. Дмитревский. Его лекции по географии материков были интересными по содержанию, с любопытными сведениями о природе изучаемых территорий, быте людей, их жизни в различных регионах мира. Мы уважали Юрия Дмитриевича за широту его знаний. Но лекции его порой не отличались четкостью построения фраз, стилистического оформления. Какая-то языковая спешка и словесная «перестройка» порой мешали уловить главную мысль и записать [ее]. Юрий Дмитриевич был интеллигентнейшим человеком, уважающим студентов, с

юмором в общении с нами. А к фронтовикам у него было особое отношение. На 3 и 4 курсах мы жили в общежитии рядом с институтом. Здесь [же] жил, сначала один, а затем и с семьей, Юрий Дмитриевич. Он часто посещал наши комнаты, играл в шахматы с В. Грязнухиным. Вел беседы как с равными себе. Приглашал на чашку чая, а в праздники и на рюмочку.

В дальнейшем мне много приходилось общаться с Юрием Дмитриевичем, даже тогда, когда он жил в Ленинграде. Под его руководством я работал над новым вариантом «Географии Вологодской области»¹⁰. У нас сложились дружеские отношения. Я был посвящен и в некоторые подробности его личной жизни. Я благодарю Юрия Дмитриевича за все, что он дал мне как учитель, наставник и добрый человек. Да и весь наш курс хранит светлую память о нем.

На третьем курсе П.А. Соколов стал читать курс физической географии СССР. Его мы больше помним как преподавателя методики географии и руководителя педпрактикой. Добрый, отзывчивый человек, с довольно мягким характером. Жил на улице Калинина [Зосимовская ныне], на втором этаже двухэтажного деревянного дома. Он иногда приглашал нас, ребят, к себе. Любил беседовать о войне. Его сменил Константин Иванович Фаткин, приехавший в Вологду с семьей (дочерью и женой-географом, учителем 9-й мужской школы).

Уже с первых лекций Константин Иванович [– статный шатен с привлекательной внешностью –] стал кумиром студентов, особенно женской половины. Но не это поразило нас[, а] лекторский дар. Бархатный баритон красивого тембра завораживал аудиторию. Четкость и исключительная логичность излагаемого материала, последовательность в раскрытии взаимосвязей природных процессов [и] явлений давали возможность легко записать лекцию. Надо было только уловить эту ниточку взаимосвязей и следовать за ней, делая записи. Я мог записывать его лекции почти дословно, следя его мысли. Женская половина курса была влюблена в него. Старались садиться за первые столы, чтобы и слушать его, и наблюдать за ним во время лекций. Пытались, как признавались потом Таня Ярцева, Нина Постникова, Саша Тропина, смутиить его, сбить с мысли. Но это не удавалось.

Константин Иванович был человеком со сложным характером[, что проявлялось] во взаимоотношениях со студентами и коллегами. Мог сделать и резкое замечание. Был самолюбив. Одно время (и довольно долго) у меня с ним были очень хорошие взаимоотношения как студента с преподавателем. Я любил его лекции, на экзаменах излагал материал в духе его логики мышления. Это ему нравилось. Он давал мне интересные задания к практическим работам. И даже высказывал мысль о том, что мог бы помочь мне продолжить учебу после окончания института, так как в

К.И. Фаткин

Ю.Д. Дмитревский

¹⁰ Юрий Дмитриевич Дмитревский – автор первого в СССР регионального учебника географии [4]. Пятое издание его (1972 г.) вышло уже в соавторстве с П.А. Зиминым.

Москве у него есть хорошие друзья, которым он мог рекомендовать меня.

Но наши хорошие отношения «рухнули в одночасье», после так называемой «далней полевой практики» по маршруту от Вологды до Великого Устюга. Руководили этой практикой К.И. Фаткин и И.М. Хайкин. Мы [ш]ли по Сухоне[: ознакомились с Тотьмой], останавливались в Нюксенице, где сходили на лесную делянку. Добрались на пароходе до знаменитых Опок на Сухоне, где застраяли и загорали два дня. И уже на машинах доехали до Великого Устюга, а оттуда через Котлас по железной дороге до Вологды. Собственно говоря, практики как таковой не было. И можно понять: ведь это был «первый блин». И он вышел комом. Не удалось то, что замыслили наши руководители. Да и между Константином Ивановичем и Ильёй Михайловичем (с моих теперешних позиций) не было согласованности. После практики провели небольшую конференцию. Подводили итоги. К конференции студенты подготовили небольшой стенд о поездке – о том, чем занимались и как проводили время. Макет поручили составить мне с Л. Янусовой. Написали все в стихах, а в соответствии с их содержанием сделали (не помню кто) красочные рисунки. И вышло, что на практике мы только отдыхали: загорали на фоне Опок, купались, играли в волейбол и т.д.

Илья Михайлович отнесся к этому спокойно, равнодушно и никогда потом не вспоминал об этом[, а] Константин Иванович усмотрел в этом критику в адрес руководителей практики. Ну а мы с Люсей, как авторы, попали к нему «в опалу». И нашим (в основном моим) хорошим отношениям пришел конец. У меня, как и у Люси, не было намерения подвести преподавателей. Но так уж получилось. Видимо, кто-то в коллективе преподавателей воспользовался нашей газетой в недобрых целях, что бросило тень на Константина Ивановича. А к тому времени он занимал какой-то пост¹¹ на факультете.

Экономическую географию СССР начал читать Н.Н. Бабуlevich. Это был уже довольно старый человек, с жизненным опытом и хорошими (по моему мнению) знаниями предмета. На вид суровый, не располагающий к откровению мужчина. Очень требовательный, старой закалки интеллигент. Многим пришлось не раз побывать у него «на приеме», чтобы сдать экзамен.

Сменила его Валентина Ивановна Веселовская, приехавшая в институт после окончания аспирантуры у профессора [Н.П.] Никитина. Мы сразу почувствовали разницу в подходе к изучению экономической географии СССР. Сухое перечисление фактов сменилось их обоснованием, раскрытием причинно-следственных связей. По логике изложения материала ее лекции были сходными с лекциями

¹¹ В личном деле К.И. Фаткина [9] указано, что деканом географического факультета он был в 1950 году, но уже за 1949 год в студенческом билете П.А. Зимина стоит подпись декана Фаткина.

К.И. Фаткина, но уступали по слуховому восприятию, лекторскому мастерству. Но мы постепенно привыкли к ее темпу изложения, к повтору главных мыслей, что позволяло легко вести запись. Понравился ее среднемосковский (владимирский) говор, без нажима на «а».

Внешне Валентина Ивановна произвела хорошее впечатление. Просто, но со вкусом одета. Темно-коричневое красивого покроя платье подчеркивало ее женственность. Это было предметом обсуждения женской половины курса.

Валентина Ивановна быстро стала своим человеком на факультете, среди студентов. Она приняла как куратор группу нового набора (третьего) и создала дружный коллектив. Воспитанники ее группы и сейчас¹² приходят к ней не только в какие-то особые даты, а и в обычные дни просто проводят свою учительницу. Это дань уважения преподавателю и доброму человеку. И [всегда] свой день рождения она [проводила] среди самых близких учеников, теперь уже ее коллег.

Валентина Ивановна не любила нерадивых студентов – тех, кто пытался «на шарманку» получить зачет, сдать экзамен, но всегда была готова помочь разобраться в трудном материале, в написании курсовой работы, доклада.

Курс экономической и политической географии зарубежных стран с самого начала читал Илья Михайлович Хайкин. Мы как-то быстро привыкли к его манере чтения лекций. Поражала его энциклопедическая память[, способность к запоминанию] фактов, событий, [имен] политических деятелей, статистических материалов. Идеологическая направленность его лекций соответствовала тому времени. Мы знали всех политических деятелей зарубежных стран как таблицу умножения.

И.М. Хайкин

С порога И[лья] М[ихайлович] начинал лекцию и ровно со звонком ее заканчивал. Никогда не задерживал нас. В обращении со студентами был предельно корректен. Особого интереса к нашей жизни не проявлял. Но нас, фронтовиков, иногда оставлял для беседы, интересовался местами боев, военных действий. О своей военной службе мало рассказывал и не афишировал себя как фронтовика, хотя имел награды. Мы знали, что его участие в войне не было легким, т.к. [он] служил в строевой части¹³.

Последним из преподавателей-географов пришел к нам Николай Петрович Антипов. На 4-м курсе он читал нам спецкурс по ландшафтovedению. Первое впечатление Н[иколай] П[етрович] произвел на нас приятное: статный, красивый, в офицерской форме с орденами он стал предметом обожания женской половины не только нашего курса, но и всего геофака (уже четырех курсов). Вел себя немного, как нам казалось, высокомерно, с чувством собственного достоинства. [Был с]амолюбив.

В.И. Веселовская

¹² До 2011 года.

¹³ Подробнее о военной судьбе И.М. Хайкина см.: [7].

Н.П. Антипов

Это был еще не тот Н[иколай] П[етрович], который потом стал символом естественно-географического факультета, символом справедливости, классным лектором, Учителем с большой буквы. И мы, самые первые его студенты, по признанию, [сделанному им] в последний период жизни, помогли ему в этом.

И вот почему. Курс ландшафтования сам по себе не прост. В нем много специальных терминов, трудно запоминающихся. Много специфических взаимосвязей в природной среде, определяющих лицо природных ландшафтов. Н[иколай] П[етрович] как начинающий преподаватель читал его, видимо, по академическим изданиям. Трудно было записывать (не было учебных пособий), не улавливая смысла и сути излагаемого материала. Студенты (имею в виду наш курс) начали роптать, что ничего не понимают, что «заумно» излагается материал[, что з]аписать не успевают. Собрались на короткое собрание и все наболевшие вопросы обсудили между собой. Жаловаться кому-то не сочли нужным, понимая, что Н[иколай] П[етрович] только начинает свою педагогическую деятельность. И приняли неординарное решение: высказать ему свои замечания. И поручили сделать это мне. Не знаю почему. Я подчинился воле большинства. Предлагали Руфе Митрофановой, Нине Булатовой. И сочли, что лучше это сделают фронтовики. Но Лобов и Грязнухин признались, что не смогут грамотно изложить наше отношение к лекциям Н[иколая] П[етровича]. Я согласился. После очередной лекции попросили Н[иколая] П[етровича] задержаться. Староста группы Нина Железова сказала, что у нас есть замечания к его лекциям и что их изложит П[авел] Зимин. Н[иколай] П[етрович] насторожился, что видно было по выражению его лица. Он, видимо, не ожидал, что студенты могут критиковать преподавателя. Но группа была необычной по ее составу. Он почувствовал это и выслушал все, что я ему сказал. Конечно, душевный, но не высказанный, гнев присялся на меня. Какого-то мальчишку, пусть и солдата. Эта неприязнь ко мне жила в его душе какое-то время, как он сам потом мне признался.

Н[иколай] П[етрович] прислушался к нашим замечаниям и советам. Проще, адаптированное к нашим «умам», стал излагать материал, повторял и разъяснял трудные термины. Но какая-то обида на нас у него осталась, т.к. это был своеобразный удар по его офицерскому и преподавательскому самолюбию. Зачет все же мы сдали без провалов.

Почему я об этом сейчас пишу. Ведь потом мне пришлось работать вместе с Н[иколаем] П[етровичем], даже вести за ним практикум по землеведению. Постепенно «ледок его обиды» ко мне и нашей группе начал таять. А после встречи с нами в 1975 году (25-летие нашего окончания института) мы с Н[иколаем] П[етровичем] стали друзьями. Это, прежде всего, проявлялось в том, что в Дни Победы он всегда приглашал меня в числе небольшого круга самых близких ему друзей. И однажды завел разговор о том далеком случае в начале его работы в институте.

И сказал, что он очень благодарен нашей группе, которая указала и помогла ему понять, как надо строить отношения со студентами, что это был важный урок в его педагогической деятельности. Он в тот вечер долго расспрашивал о том, как сложилась судьба моих сокурсников. Так случилось, что незадолго до его смерти¹⁴ мы вместе оказались в больнице, в соседних палатах. Ему было очень тяжело. Елизавета Васильевна [– супруга Николая Петровича –] ежедневно приходила к нему. А я был постоянным его «гостем» в ее отсутствие. Вот в эти тяжелые дни он снова и снова вспоминал о событиях начала его работы в институте и благодарил своих первых студентов, которых не только учили, но [у которых учился и сам].

Из специальных дисциплин нам читали курсы географии растений с основами ботаники и географии животных с основами зоологии. Курс географии растений читал профессор Виктор Филиппович Дягилев. Мы были в восторге от его лекций и общения с ним. Интеллигент во всем: от внешнего вида до общения со студентами. А сколько интересного о растениях мира он рассказал и показал на слайдах и[ли прямо на] «трофейных» экземплярах, которые привозил из экспедиций. Практические занятия по ботанике вела Вера Константиновна Супруненко.

Курс географии животных читали доценты супруги [М.И.] Зе[х]нов и [Т.Г.] Маркова. (Не помню имен и отчеств их и многих преподавателей, которые учили нас – память «состарилась».) Практические занятия по зоологии вела Татьяна Александровна Воропанова, с которой потом нам вместе пришлось решать многие вопросы в партбюро факультета.

В программе был и курс астрономии. Читать его к нам «отрядили» очень странного во всех отношениях молодого мужчину, очевидно, работника астрономической лаборатории, купол которой торчал над крышей института. Молодой человек был, под стать нам, бедно одет (но это не порок), неряшлив, не собран в своих мыслях и действиях. И, вероятно, не имел представления о педагогической работе. Мы, многие уже поработавшие учителями, сразу почувствовали это. Получилось как с почтовением. И, пожалуй, еще хуже. Снова астрономические выкладки, многочисленные формулы. За отведенные по программе часы не прочитал и половины нужного материала. Он сам понял, что не справился с порученной работой. А надо было принимать экзамен. Он дал нам билеты и указал, где взять материал по каждому вопросу. А мы составили на каждый билет (распределили кому какой) два варианта шпаргалок. Один вариант взяла на экзамен первая пятерка. Следующий входящий громко называл номер билета. Идущий за ним приносил нужную шпаргалку. И так экзамен был «сдан». Пишу и стыдно. Но зачем умалчивать? В студенческой жизни много зигзагов, поворотов, лабиринтов, из которых умный всегда найдет выход.

И как ни странно, кое-кто из нашего выпуска потом вел астрономию в школе.

На втором курсе у нас был практикум по фотоделу. Изучили фотоаппарат, его различные модификации,

¹⁴ Николай Петрович Антипов скончался 21 октября 2001 года.

нужное оборудование, необходимые в фотоделе химические реагенты. Учились фотографировать людей, природу, различные объекты. Эти умения нужны географу. Многие из нас увлеклись фотографией и использовали эти умения в походах, [на] экскурсиях с учениками.

Заканчивая воспоминания о наших учителях-географах, нельзя не отметить наших лаборантов, которых мы любили и которые тоже учили и помогали нам. Старшим лаборантом была Лидия Васильевна Ерастова. Хозяйка географических «богатств». Рачительная хозяйка! Берегла не только дорогое оборудование, но каждую контурную карту, каждый камушек. Иногда ворчливая, но с добротой, помогала нам находить нужные пособия, материалы, давала наставления.

Н.П. Бурушкова

А рядом с ней была красавица, юная, всегда с улыбкой на лице Нина Павловна Тютикова (Бурушкова). Мы уважали, любили наших лаборантов, а Нину считали членом нашей группы. Она ведь тоже училась вместе с нами. А потом приняла бразды правления от Лидии Васильевны. И так освоила географические науки, что могла экстерном сдать экзамены за геофак. Но почему-то закончила филологический.

Проработала в школе учителем литературы и русского языка, но снова вернулась к родным географам.

Такие воспоминания остались у меня о наших наставниках в годы обучения на геофаке, в годы его становления. Но не одной географией просвещали нас. Изучали [мы] и другие науки. Расскажу о тех, кто учил нас педагогическому мастерству и вооружал коммунистическим мировоззрением.

Пусть не покажется странным, но мы прослушали и сдали зачеты по историческим дисциплинам. С древним миром знакомил нас [Н.Х.] Юдикис, всегда читавший лекции сидя. В мир средних веков ввела Тихонова (не помню И.О.)¹⁵. Этот курс кратко, но очень интересно был подан с многочисленными примерами, отраженными в классической литературе. Тихонову я запомнил почему-то всегда в движении и как бы рассуждающей [сама] с собой о тех событиях, которые в данный момент были в центре ее и нашего внимания. Во мне она пробудила интерес к произведениям классиков с историческим сюжетом. В каникулы я запоем читал В. Скотта, Диккенса, Дюма, Фейхтвангера, Золя, Гюго.

Не помню, кто читал историю СССР. Кажется А.З. Цинман, молодой, красивый мужчина. Может, и ошибаюсь относительно лектора. Но хорошо помню, что в него были влюблены некоторые мои сокурсницы.

Иностранные языки на нашем курсе вели: английский – [В.А.] Хромов и М.Д. Горбовская (Соколова), немецкий – [Е.Н.] Слугинова, а французский – [Н.В.] Конд[о]йди. Аудитории инфака находились напротив наших, поэтому хорошо и запомнил преподавателей. Часто приходилось с ними встречаться.

Остались в памяти интересные лекции по психологии. Их читал, приезжая из Москвы, Тихон Иванович Агафонов. Слушали большим потоком со студен-

тами физмата и историками. Лекцию он начинал с порога и шел к кафедре, но на ней долго не задерживался, был весь в движении. Красиво говорил и много давал интересных примеров. Ставил риторические вопросы, давал нам несколько секунд подумать, а потом все-таки отвечал сам. Этот молчаливый с нашей стороны «диалог» заставлял всегда не просто записывать лекцию, но и задуматься над смыслом сказанного.

Историю педагогики читала его жена Зинаида Ароновна Кейлина. Она с сыном жила в Вологде. Лекции Зинаиды Ароновны не были [простым] перечислением имен известных педагогов мира, а [раскрывали] взгляды на процесс обучения, особенно [те], которые надо [будет] использовать в школе и нам, будущим учителям. А вот педагогику нудно, скучно и неинтересно читала (и вела практические занятия) Н.З. Котягина. Какой-то скрипучий и раздражительный тембр ее голоса [притуплял] интерес к этому предмету. [На занятия она] приходила всегда чем-то и кем-то недовольная. И мы часто пропускали ее лекции. Да! Было и такое! Потом этот курс стал читать доцент А.Т. Кривинский. Он тоже не поднял интерес к предмету. Педант, треб[овавший] от нас [ответов точно] по его лекциям. А в них все «раскладывалось по полочкам», по пунктам от 1-го до 5-го и т. д. И не дай бог перепутать [порядок] или забыть какой-то пункт. И поэтому педагогика как-то не стала руководством к действию. Просто надо было сдать курсовые работы и госэкзамены.

Политические дисциплины вели интересные в разных отношениях преподаватели. Лекции по истории КПСС читала А.М. Алёшина – высокая, средних лет дама с гладко зачесанными волосами, почему-то всегда [ходившая] в темной одежде. Свой предмет [она] знала отлично и умела передать эти знания нам. Густой низкий голос как бы подчеркивал важность того, о чем шла речь. «Ни шагу в сторону» от излагаемой политической концепции в произведениях классиков марксизма-ленинизма и съездов партии...

Семинары по истории КПСС вела Галина Кирилловна Барашкова (Мясникова). Она начинала с нами свою педагогическую деятельность. На ее занятиях было не так академично. Можно было дать свою интерпретацию изучаемым документам, событиям. Мы приняли Галину Кирилловну как умного преподавателя и интересного нам человека. Она принимала и госэкзамены по истории КПСС.

Политэкономию читали А.[Ф.] Мартемьянов и [С.И.] Люстик. Мартемьянов читал политэкономию социализма. Особых претензий к его лекциям и семинарам у нас не было. Мартемьянов был неординарной личностью. Студенты всех факультетов знали его слабость «обратиться к Бахусу» для поднятия настроения. Перед экзаменами его ждали у продовольственного магазина на углу улицы Мира и теперешнего проспекта Победы (слева от памятника Ленину; не помню, был ли [уже] тогда¹⁶). В забегаловке этого магазина (маленьком узком отделе) можно было пропустить рюмочку, что и предлагали ему студенты. И он был добр на экзаменах. Из института его иногда

¹⁵ Имя и отчество установить не удалось.

¹⁶ Памятник В.И. Ленину (скульптор Н.В. Томский) был открыт позже, 6 ноября 1958 года.

уводили под руки. Пишу и думаю, стоило ли об этом упоминать. Но ведь это осталось в нашей памяти. И при встречах потом об этом всегда вспоминали: «А помнишь Мартемьянова?..»

Политические дисциплины не вызывали неприязни своим содержанием. Понимали, что это идеологическая основа общества, которое строил тогда народ под руководством КПСС. Мы не могли усомниться в правоте идей коммунизма.

Но тяжким бременем на наши плечи (вернее головы) ложилось конспектирование первоисточников: постановлений съездов партии и произведений теоретиков коммунизма, начиная с «Манифеста компартии» и далее через «Шаг вперед, два шага назад» В. Ленина к «Капиталу» К. Маркса. Тратилась на конспектирование большая часть времени при подготовке к занятиям и всегда в ущерб специальным дисциплинам. [Да и] конспектировать не умели[, л]иши переписывали абзацы и отдельные цитаты[, ч]асто списывая[я] друг [у] друга [и] искажая смысл источника. Как говорил мой сосед по комнате Коля Соболев: «Надо уметь делать “выжимки” из этих порой непонятных и больших книг». А конспекты надо было иметь. Даже проверяли их наличие на семинарах и зачетах. Вот и сидели ночами, чтобы что-то написать или переписать у кого-то к зачету.

Так мы учились.

Зарождение коллектива факультета

А теперь о том, как жили, как постепенно формировался уже не курсовой, а общефакультетский коллектив, как закладывались некоторые его традиции и моральные устои.

В 1947 году был [осуществлен] второй набор. [На факультете с]тало уже два курса. Среди «младших» было много инициативных студентов. Прежде всего,

надо назвать Сашу Ляпкину, которая впоследствии стала председателем студенческого профсоюза института. У нее уже был большой опыт работы в войну районным фельдшером. Активными студентами проявили себя Валя Шмакова, Таня Хозова, Люба Зотова, Надя Ропакова (Буслаева), Лида Дугина и другие. Завязалась дружба нашей группы с новыми студентами. Сплачивали нас общие дела, субботники, воскресники по уборке территории около общежития, по заготовке дров (вытаскивали из реки), их разделке. У меня сохранилась фотография, сделанная после одного из таких субботников. На ней – весь тогдашний географический факультет.

Сплочению общего коллектива способствовала И.Н. Шайжина. Она подала нам идею заявить о факультете как равноправной учебной единице среди других факультетов, чтобы знали в институте, что есть геофак и чем он живет.

Думали и решали, в какой форме это сделать. Пришли к общему мнению, что надо провести вечер с географическим содержанием и в форме «путешествия», что присуще географам. Остановились на «Путешествии по Волге». Создали инициативную группу из студентов нашего и младшего курсов. Возглавила [подготовку] И.Н. Шайжина. Она высказывала идеи, а мы писали сценарий. Обсудили его на общем собрании и начали готовиться. Под руководством Васи Беляева и Вени Волкова была сделана картосхема бассейна Волги (как задник сцены). На ней отмечены пункты остановок и замечательные места на берегах Волги, связанные с природными объектами, жизнью известных художников, писателей, политических деятелей, исторических событий, городов. Тщательно подбирался текст об этих объектах, персонажах, городах. Студенты учили их, чтобы рассказать со сцены.

Геофак. 1947 год. А.А. Ляпкина – вторая слева в первом ряду снизу,
П.А. Зимин – третий справа в третьем ряду сверху

Чтобы вечер не был сухим перечнем фактов, событий, связанных с Волгой, подобрали песни, стихи о ней, танцы народов, живущих на ее берегах (русский, татарский, мордовский). Музыкальное сопровождение осуществляли Ирина Николаевна и Люся Янусова, хорошо игравшие на фортеп[иа]но. Начались репетиции фрагментов, а потом и целиком всего вечера. Готовились не менее трех месяцев. Изготовили красочную афишу. В назначенный срок соля аудитория, где была сцена, не сумела вместить всех желающих. Заполнен был и прилегающий коридор.

Начали с истоков Волги, откуда «пошли пешком» с рюкзаками и песней. В Калинине¹⁷ «сели на пароход» и по[ш]ли по волжским просторам. Остановились в Костроме. «Появился» Сусанин. В Горьком что-то прочитали из произведений Алексея Максимовича, в Казани познакомили со стихами Мусы Джалиля и сплясали татарский танец. В Ульяновске вспомнили Владимира Ильича [Ленина]. А когда проезжали мимо Жигулей, поведали легенду о них и спели: «Из-за острова на стрежень, на простор речной волны выплывают расписные [острогрудые] челны». И среди хора появился Стенька Разин!

Это маленькие фрагменты из нашего «путешествия». Так с песнями, танцами, рассказами о чудесах природы, жизни людей, о важных хозяйственных объектах «доехали» до Астрахани. Произвели, можно сказать, фурор. Институт узнал, что в нем есть дружный студенческий коллектив – геофак, который умеет не только учиться, но и отыхать, что в нем много творческих, инициативных и активных студентов.

Успех второго года геофака закрепили на третьем году, когда появился еще один курс, а в нем такие ребята, как Саша Зырин, Юра Маслов, Рудик Утышев, Росиан Седунов и такие красавицы и умницы, активные и с талантами, как Лия Корюкаева, Ксана Флорова, Таня Астанова, Женя Жаворонкова, Тамара Груздева, Катя Обнорская, Коля Хромцов, Лёва Дмитриев, Катя Зайцева.

Снова решили подготовить вечер, но не в виде путешествия, а в форме «Баллады о Сибири». За основу взяли стихотворный текст из кинофильма «Сказание о земле Сибирской», наполнив его красочными сценами из истории освоения Сибири [и] из жизни ее исследователей, [сведениями о] природных богатствах [края и] народах, населяющих эту часть страны. Вася Беляев, Веня Волков, имея опыт оформления, с ребятами первого курса изготовили задник сцены. Он изображал лесной ландшафт Сибири с ниткой Енисея и синим небом над ним. «Небо» было разрезано тонкими невидимыми глазу зигзагами. Как и прошлый год подобрали песни, пляски, танцы, стихи. В подготовке принимали участие наши преподаватели. Заранее дали анонс о нашем очередном вечере. И снова аншлаг в зале, и полный коридор зрителей. И не только студенты, но и преподаватели других факультетов и общеинститутских дисциплин пришли посмотреть геофак.

Начался вечер. На сцену к небольшой трибуне, поставленной сбоку, подошел Саша Зырин и торжественным, хорошо поставленным голосом (он в детском

доме занимался в театральном кружке), как Дружников в кинофильме, начал читать: «Неведомая, дикая, седая – медведицею белою Сибирь... За Камнем, за Уралом пропадая, звала, звала в неведомую ширь». И началось представление со сценками из освоения Сибири, стихами, песнями, плясками в национальных костюмах, взятых напрокат в драмтеатре.

Самыми интересными и красочными были сцены покорения Сибири Ермаком. Погас на сцене и в зале свет. Невидимый пока хор запел: «Ревела буря, дождь шумел, во мраке молнии [блест]али, и беспрерывно гром гремел, и ветры в дебрях бушевали». И в это время гремел гром (железными листами за сценой), вспыхивал «за задником сцены» свет, и в тонких прорезях «неба» сверкали молнии. Вспыхнул свет на сцене. [Перед] хор[ом] стоял Ермак в полном облачении. Это был Игорь Хромов, студент-биолог. Его мы «зафрахтовали» на этот вечер. Высокий, статный и к тому же хорошо пел басом...

Вечер снова прошел на ура.

В четвертый год нашего пребывания в институте мы снова собрались в путешествие. На этот раз по Днепру. Сценарий вечера [в основном] разработал К.И. Фаткин[, а д]ополняли студенты. По накатанному уже пути организовали подготовку[, а] когда почувствовали, что идея воплощается в жизнь, сделали объявление, что геофак снова готовит вечер и «поедет» по Днепру.

Вася Беляев и Веня Волков с ребятами младших курсов стали готовить большую электрифицированную карту с отметками остановок на схеме Днепра. Карту установили у рампы сцены. По мере «движения» парохода зажигались лампочки, отмечавшие город, объект природы или культуры. Пели русские и украинские песни и конечно «О[й] Днепро, Днепро, ты [широк,] могуч...», плясали гопак[. А] «проезжающая» мимо памятника поэту у Канева, читали стихи Тараса Шевченко и Леси Украинки.

В подготовке вечера активно участвовали все преподаватели: К.И. Фаткин, Ю.Д. Дмитревский, Н.П. Антипов, В.И. Веселовская. Даже И.М. Хайкин бывал на репетициях, а на генеральной репетиции были все.

Соля аудитория снова была заполнена студентами и преподавателями. В конце представления все участники вечера и преподаватели вышли на сцену. И снова, как теперь можно сказать, была «минута славы». И мы в ней победили, заработав хоть и не миллион, а уважение в коллективе студентов и преподавателей института. Теперь уже ни у кого не было сомнения, что с геофаком надо считаться, что у него есть чему поучиться и более старым факультетам. И самое главное: геофак – это единый коллектив студентов и преподавателей, решающий стоящие перед ним задачи. Это мнение о геофаке, потом¹⁸ ставшем естественно-географическим, утвердилось и живет до сих пор, поддерживая его авторитет. И не случайно, что с тех давних пор преподаватели общеинститутских [кафедр] с удовольствием идут работать на наш факультет,

¹⁷ Ныне – Тверь.

¹⁸ Естественно-географический факультет был образован в 1950 году в результате слияния географического факультета и факультета естествознания.

Пединститут. 1950 г. Фото В. Беляева

где есть порядок, дружный коллектив студентов и преподавателей. И я с гордостью и большим удовлетворением говорю о том, что наша группа и И.Н. Шайжина положили начало, внесли свою лепту в формирование этого авторитетного и до сих пор коллектива.

Очень жаль, что не сохранились сценарии [этих] вечеров.

В тот период [в пединституте] училось много людей, ставших известными преподавателями своего¹⁹ и других вузов, партийными и советскими работниками

ми²⁰. Так, в конце войны учился в аспирантуре А.П. Полетаев, в послевоенное время студентами были Н. Дикарев, Вл. Гладковский, Н. Проворов, Ю. Панов (математик), Вишневский, Норкин, Курочкин, Ю. Дербинов, Ю. Ломакин, П. Булин, Илья Коротаев, Иван Лапочкин, Ф. Смирнов, Вл. Хомяков, Н. Смирнова, В. Домашнева, И. Власов, Л. Кубенская, Л. Кадюкова, О. Сергеева, Р. Жукова, З. Соловьёва, Иван и Дина Куделины, двоюродные братья Александр Васильевич и Александр Михайлович Кирилловы, Н. Ульянов, Н. Соболев. К концу сороковых пришли в институт Л. Коробейникова, Р. Парамонова, И. Подольный и много других инициативных студентов, ставших потом гордостью института.

В этот период учились в институте Сергей Викулов, Александр Романов, Валерий Дементьев (литературный критик). Проводились литературные вечера, смотры художественной самодеятельности. На сцене часто пели Галина Маятина, Галина Середа (ставшая женой С. Викулова), танцевала Земфира Соловьёва. Директором (не ректором) в тот период был И.С. Левин, его заместителем А.А. Ягодинский. Таковы мои впечатления о геофаке и Вологодском пединституте второй половины сороковых годов XX-го века.

Вместо послесловия

А в заключение следует сказать о судьбе тех, кто стоял у истоков... геофака, [его] первых студентов и их наставников. Память о них должна жить на факультете, а теперь в университете, с этой целью я и написал свои воспоминания, назвав так много имен.

¹⁹ В разные годы в ВГПИ (ВГПУ) работали: Булин Павел Васильевич – заместитель декана факультета русского языка и литературы; Гладковский Владимир Васильевич – декан физико-математического факультета; Дикарев Николай Михайлович – заведующий кафедрой теоретической физики, проректор по учебной работе; Домашнева Вера Сергеевна – преподаватель факультета иностранных языков; Коробейникова Людмила Алексеевна – заведующий кафедрой химии; Коротаев Илья Алексеевич – заместитель декана естественно-географического факультета; Кубенская Лия Николаевна – старший преподаватель кафедры педагогики и психологии; Куделина (Черепанова) Дина Аристарховна – старший преподаватель кафедры немецкого языка; Лапочкин Иван Африканович – заведующий кафедрами зоологии и анатомии и физиологии человека и животных; Ломакин Юрий Валерианович – заведующий кафедрой математического анализа; Парамонова Рената Алексеевна – доцент кафедры химии; Подольный Исаак Абрамович – заведующий кафедрой химии, декан факультета переподготовки и повышения квалификации; Полетаев Алексей Павлович – заведующий кафедрой физики, проректор по учебной и научной работе; Сергеева Ольга Ивановна – старший преподаватель кафедры педагогики и психологии; Смирнов Флавиан Дмитриевич – старший преподаватель кафедры химии; Н.С. Смирнова (полное имя и отчество не установлено) – преподаватель факультета иностранных языков.

²⁰ Информация о судьбе некоторых соучеников П.А. Зимина обнаружена в сети Интернет [3].

И виноват перед теми, кого не вспомнил, но кто тоже достоин быть не забытым.

Из наших наставников-географов здравствует сейчас лишь В.И. Веселовская²¹, доцент, долгое время бывшая заведующей кафедрой экономической географии. Валентина Ивановна сохранила хорошую память и светлый разум. Другие ушли в иной мир, прах их [покоится] на вологодских кладбищах или в других регионах страны, в их родных местах.

Бывая на Пошехонском кладбище (там могила моей жены), я часто прихожу к местам погребения И.Н. Шайкиной и Н.П. Антипова. С фотографии на могильном памятнике Ирине Николаевне Шайкиной смотрит женщина с косой вокруг головы, женщина, которую [я] первой из преподавателей встретил 1 сентября 1946 года, и с которой до конца ее жизни общался сначала как студент, а затем и как коллега, и которой отдаю пальму первенства в формировании и становлении географического факультета на начальном его этапе.

С черной полированной плиты на могиле Николая Петровича Антипова смотрит фронтовик с орденами. И легкой улыбкой как бы благодарит за то, что я пришел навестить его.

Уже несколько лет 14 августа в день памяти комсорга нашего студенческого братства и верного друга Гракти Сухаревой (Г.И. Виноградовой) бываю на Горбачевском кладбище, где покоится и прах Константина Александровича Садокова. Гляжу на уже замшевый камень на его могиле с датами жизни и благодарю учителя за себя и моего брата, которому он указал путь в профессию, а мне [позволил] познать историю Земли, на которой живу.

А теперь о судьбе первых студентов, первых выпускников, членов нашего студенческого братства. Они мне особенно дороги.

Из пятидесяти студентов, принятых [на факультет] в сентябре 1946 года, дошли до конца 35; они запечатлены на общей выпускной фотографии. Многие из отставших потом закончили институт заочно. [В первом выпуске] были три кандидата на диплом с отличием: Н. Булатова, Р. Митрофанова и П. Зимин (автор этих строк). Получил диплом с красной надписью «с отличием» [только] я: Булатову «зарубил» на госэкзаменах по педагогике Кривинский, а Митрофанова «срезалась» на каком-то другом предмете. Так что мой диплом «с отличием» положил начало [этой категории выпускников-географов]. А было бы не плохо собрать в один список и оформить для всеобщего обозрения имена всех тех, кто получил дипломы с «красной корочкой» в последующие годы. Как это делается в школах. Многие из нынешних студентов увидели бы фамилии своих родителей или бабушек и дедов. Сделать возможно: архивы сохранились²².

Все 35 первых выпускников получили дипломы с автографом Ю.Д. Дмитревского, как председателя

государственной комиссии, и направления на работу в основном в школы и педучилища Вологодской области. Честно отработали положенный трехлетний срок, а затем судьба разнесла членов студенческого братства по белу свету. Многие стали прекрасными учителями, директорами школ, работниками районных отделов народного образования.

Директорами школ в свое время работали: в Вельске – В.П. Беляев, в Череповце – М.И. Кукушкина (Орлова), в Вожегодской школе – Т.А. Красикова (Пиличева), в Нестеровской – З.А. Башкирцева (Гаркунова).

Около 50-ти лет с одной записью в трудовой книжке проработали «Отличники народного просвещения» Г.И. Сухарева (Виноградова) в школе № 7 города Вологды и Н.А. Железова (Шилова) в средней школе № 1 города Сокола.

В Мурманске закончили долгую трудовую карьеру «Отличники народного просвещения» Н.Ф. Постникова (Панасюк), М.Н. Гришина (Кузьмичёва), Н.А. Малкова (Петрова). В Петрозаводске работала заслуженная учительница Карельской АССР С.И. Голякова. В одной из школ города Киева вела географию отличник просвещения Украины А.А. Ярцева. Всех мне не перечислить. Но вот о судьбе супругов Лобовых – Валентина и Валентины – следует написать. Проработав три года в Тотьме, они уехали в Таганрог, куда вернулись из эвакуации родители Вали. Свыше 40 лет (кто бы мог подумать!) Валентин (этот нервный когда-то моряк; я уже писал о нем) и чуть меньше – его жена, проработали в одной из школ города Таганрога. Но судьба порой жестока к старикам, особенно к фронтовикам[: вследствие фронтового ранения в голову] Валентин оглох и ослеп. Я не погружаю с ним связь²³. Отвечает теперь уже Валентина.

На кафедре географии Куйбышевского (Самарского) планового института долго работала и закончила свой трудовой путь Людмила Васильевна Кашина (Кононова). А четверо из первого выпуска связали свою трудовую жизнь с родным факультетом. Сразу после окончания института стала работать ассистентом у И.М. Хайкина Нина Васильевна Булатова. Потом ушла в вечернюю железнодорожную школу, где проработала директором до выхода на пенсию.

На смену Нине Васильевне пришла в институт Руфина Григорьевна Митрофанова, долго проработавшая на кафедре экономической географии. После института [она] работала в элитной школе города Тбилиси, куда увез ее муж, генерал-майор А.Г. Машкин, в годы Великой Отечественной войны – летчик полка «Нормандия-Неман». После Тбилиси Руфина Григорьевна работала до выхода на пенсию в одной из школ города Москвы.

Заменила Митрофанову на кафедре экономической географии Калерия Николаевна Янусова (Богословская). После ухода на пенсию И.М. Хайкина она читала лекции по экономической и политической гео-

²¹ Валентина Ивановна Веселовская скончалась 10 мая 2011 года.

²² Работа над списком выпускников-географов, закончивших ВГПИ (ВГПУ, ВоГУ) с отличием, будет завершена в 2017 году. Материалы готовятся к размещению на сайте кафедры географии ВоГУ.

²³ Когда уже были написаны эти строки, в декабре 2007 года, приехав из санатория, я получил печальное известие – Валентин ушел из жизни. Валя позвонила. А я вставил [запись] об этом в текст. – Прим. П.А. Зимина.

графии зарубежных стран. Была прекрасным лектором, преподавателем, воспитателем студентов.

После 11-ти лет работы в школе по конкурсу на должность старшего преподавателя кафедры физической географии был принят Павел Александрович Зимин (автор этих воспоминаний). Затем [я] был переведен на кафедру экономической географии. На географических кафедрах проработал 25 лет. Последние два года – заведующим кафедрой экономической географии.

Из второго выпуска геофака всю трудовую жизнь посвятила институту Александра Александровна Ляпкина. Ассистент, доцент, декан естественно-географического факультета, заведующая кафедрой физической географии – [вот] ее послужной список. Методистом заочного отделения работала до выхода на пенсию Надежда Александровна Ропакова (Буслаева).

Все мои близкие друзья из нашего студенческого братства (К. Коничева, А. Ярцева, Г. Сухарева, Н. Постникова, В. Беляев, В. Грязнухин, К. Янусова, Т. Кононова, С. Голякова, Саша Зырин), а может и другие, уже в другом мире.

Кроме Лобовых поддерживаю связь с Р. Митрофановой (Машкиной). Она живет в Москве и [мы] каждый год встречаемся в Вологде. Встречаюсь и с Н. Железовой (Шиловой) из Сокола. Да Александра Александровна Ляпкина живет²⁴ рядом со мной, поэтому часто видимся.

И три ветерана из тех далеких лет, о которых пишу, В.И. Веселовская, А.А. Ляпкина да я (Зимин П.А.) по-прежнему ходим на родной факультет как в свой дом. Спасибо нашим ученикам, которые теперь держат бразды правления на географических кафедрах²⁵, за их внимание и заботу о нас, ветеранах. А мы рады, что не утеряно то, что было заложено нами и нашими коллегами, нашими сокурсниками в период становления геофака. А самое главное – сохранен дух сотрудничества, коллективизма и дружбы, как среди преподавателей, так и их со студентами. Ведь это залог успеха и движения вперед.

В своих воспоминаниях я старался по возможности быть объективным. Учитывал мнение и моих сокурсников. И, думаю, они поддержали бы меня, прочтя этот «opus». Конечно, прошли годы. Память что-то утратила, что-то изменила. Есть, видимо, неточности, небольшие ошибки. Поэтому прошу [всех], кто прочтет мои воспоминания, быть снисходительными ко мне. Не судите строго за стилистические погрешности и языковые неточности. Для меня эти воспоминания были возвращением в юность, в самую светлую ее, насыщенную событиями и незабываемую студенческую пору жизни. Я снова пережил все то, о чем писал. И радуюсь, и сожалея.

2007 год, сентябрь-ноябрь, Вологда,
санаторий «Новый источник»

Литература

1. Богословская (Янусова) Калерия Николаевна. 1963–1982 // Архивохранилище документов ВГПУ и ПИ ВоГУ отдела документационного обеспечения и архива УД ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет». – Оп. 14 (за 1982–2014 гг.). – Д. 3. – 44 л.

2. Болдовский, К.А. «Постановление правительства застало нас враспло...». Мероприятия по экономии хлеба в партийных съездах 1946 г. [Электронный ресурс] / К.А. Болдовский. – Режим доступа: <http://www.modernhistory.ru/files/7/Boldovskiy.pdf> (дата обращения: 17.09.2016); Митюшёв, Валерий. Записки обыкновенного человека [Электронный ресурс] / Валерий Митюшёв. – Т. 2. – Гл. 39. Бытие. – Режим доступа: <http://www.mybio.ru/archives.php?ch=39&fr=1> (дата обращения: 17.09.2016).

3. Дербинов Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, академик, сотрудник аппарата Президента России. См.: Агеносов, В.В. Избранные труды и воспоминания [Электронный ресурс] / В.В. Агеносов. – Москва: АИРО-XXI, 2012. – Глава «Мои учителя». – Режим доступа: <http://libed.ru/knigi-nauka/852628-17-associaciya-issledovately-rossiysoo-obschestva-airo-xxi-aenosov-izbrannie-trudi-vospominiyia-mosva-airo-xxi-201.php> (дата обращения: 17.09.2016).

Куделин Иван Николаевич (1925–1984) – заведующий кафедрой немецкого языка Ульяновского педагогического института. См.: Великой Победе посвящается [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://shk37.simd.ru/vov_65/7v.html (дата обращения: 17.09.2016).

Норкин Сим Борисович (1918–?) – заведующий кафедрой высшей математики, профессор Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ). См.: МАДИ. Кафедра высшей математики. История кафедры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.madi.ru/703-kafedra-vysshaya-matematika-istoriya-kafedry.html> (дата обращения: 17.09.2016).

Панов Юрий Васильевич (1923–2015) – заместитель председателя Павлодарского облисполкома (1974–1987 гг.). См.: Утейкин, Николай. Человек долга [Электронный ресурс] / Николай Утейкин. – Режим доступа: <http://www.no.mad.su/?a=15-200902040121> (дата обращения: 17.09.2016).

Хомяков Владимир Александрович (1923–2003) – доктор филологических наук, заведующий кафедрой лексики английского языка Пятигорского государственного педагогического института иностранных языков. См.: Пятигорскому государственному лингвистическому университету – 75 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://goldenplazamagazine.ru/7-2014/nauka/161-pyatigorskому-gosudarstvennomu-lingvisticheskому-universitetu-75-let.html?start=6> (дата обращения: 17.09.2016).

4. Дмитревский, Ю.Д. География Вологодской области / Ю.Д. Дмитревский. – Вологда: Областная типография, 1961. – 48 с.

5. Зимин Павел Александрович. 1946–1950 // Архивохранилище документов ВГПУ и ПИ ВоГУ отдела документационного обеспечения и архива УД ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет». – Оп. 6. – Д. 94. – 31 л.

6. Карелин Павел Николаевич. 1946–1969 // Архивохранилище документов ВГПУ и ПИ ВоГУ отдела документационного обеспечения и архива УД ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет». – Оп. 14 (за 1946–1981). – Д. 371. – 131 л.

7. Подольный, И.А. «Где был, где правда...» [Электронный ресурс] / И.А. Подольный. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2012/05/22/4390> (дата обращения: 17.09.2016).

8. Шайжина Ирина Николаевна. 1945–1976 // Архивохранилище документов ВГПУ и ПИ ВоГУ отдела документационного обеспечения и архива УД ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет». – Оп. 14 (за 1946–1981). – Д. 371. – 131 л.

²⁴ Уже после того, как были написаны эти воспоминания, 28 января 2008 года скончалась Александра Александровна Ляпкина. – Прим. П.А. Зимина.

²⁵ Кафедры физической географии и геологии и экономической географии были объединены в 2008 году.

годский государственный университет». – Оп. 14 (за 1946–1981). – Д. 466. – 34 л.

9. Фаткин Константин Иванович. 1949–1958 // Архиво-хранилище документов ВГПУ и ПИ ВоГУ отдела докумен-

тационного обеспечения и архива УД ФГБОУ ВО «Воло-годский государственный университет». – Оп. 14 (за 1946–1981 гг.). – Д. 199. – 48 л.

Рецензент – М.Л. Колесова, доцент кафедры географии ВоГУ.

P.A. Zimin

STUDENT BROTHERHOOD: THE ORIGINS OF THE FACULTY OF GEOGRAPHY (1946–1950)

2016 marks 70 years since the beginning of geography teachers training in Vologda. The article contains the edited and annotated memoirs of Pavel Aleksandrovich Zimin who was one of those very first students to graduate from the Faculty of Geography of Vologda State Pedagogical Institute in 1950. The veteran's vivid memories contain precise characteristics of time, events and people, allowing the reader to plunge into a post-war Vologda and the life of geography teachers' community during the formative period. Almost the entire employment history of P.A. Zimin was, in one way or another, connected with the Pedagogical Institute. Nowadays, he also keeps in touch with the Faculty of Geography and remains a paragon of professional devotion.

Vologda, Pedagogical Institute, Faculty of Geography, formation of professional community.

НАУЧНЫЕ ОТЧЕТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

С.Ю. Баранов, М.А. Безнин,

М.Г. Долгушина, А.В. Камкин,

Н.К. Максутова, Г.П. Парадовская,

В.А. Саблин, Г.В. Судаков

Вологодский государственный университет

ИТОГИ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ФОРУМА «ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ – ДУША РУССКОГО СЕВЕРА»

20–23 октября 2016 года в Вологде на базе Вологодского государственного университета состоялся научно-практический форум «Вологодская область – душа Русского Севера». Его организаторами выступили Правительство Вологодской области, Администрация города Вологды, Вологодский государственный университет, Общероссийская общественная организация «Российский фольклорный союз», Вологодское областное отделение Русского географического общества, Вологодский институт развития образования, Союз писателей России. В организационный комитет вошли: Л.И. Соколов – председатель оргкомитета, доктор технических наук, профессор, ректор ВоГУ; М.А. Безнин – заместитель председателя оргкомитета, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Педагогического института ВоГУ; И.Е. Колесова – секретарь оргкомитета, кандидат филологических наук, начальник научного отдела Управления науки и инноваций ВоГУ; А.А. Груздев – заместитель Главы города Вологды, начальник Департамента гуманитарной политики Администрации города Вологды; Н.К. Максутова – кандидат географических наук, доцент, председатель Вологодского областного отделения Русского географического общества; А.А. Кулев – председатель Правления ВРО Общероссийской общественной организации «Российский фольклорный союз», заведующий отделом традиционной народной культуры БУК ВО «Областной научно-методический центр культуры»; М.М. Караганова – кандидат филологических наук, проректор АОУ ВО ДПО «Вологодский институт развития образования»; Г.П. Парадовская – кандидат искусствоведения, доцент, научный руководитель центра традиционной народной культуры ВоГУ; Г.В. Судаков – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ; А.В. Камкин – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

теории, истории культур и этнологии Педагогического института ВоГУ; Н.Л. Болотова – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой биологии и экологии Педагогического института ВоГУ; В.А. Саблин – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета Педагогического института ВоГУ; С.Ю. Баранов – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы Педагогического института ВоГУ; М.Г. Долгушина – доктор искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой теории, истории музыки и музыкальных инструментов Педагогического института ВоГУ.

Программа научно-практического форума «Вологодская область – душа Русского Севера» включала пленарное заседание и семь основных мероприятий. В актовом зале Педагогического института ВоГУ заседание форума открыл председатель оргкомитета доктор технических наук, профессор, ректор ВоГУ Л.И. Соколов. С приветственным словом к участникам пленарного заседания, среди которых были иностранные участники мероприятия, преподаватели вузов, краеведы, студенты, обратились заместитель Главы города Вологды, начальник Департамента гуманитарной политики Администрации города Вологды А.А. Груздев, настоятель храма святого праведного Лазаря, руководитель Отдела религиозного образования и катехизации протоиерей Алексий Сорокин, секретарь правления Союза писателей России А.А. Шорхов.

Пленарные доклады задавали тон каждому из мероприятий форума. Так, профессор В.Н. Барakov посвятил свое выступление теме «Творчество В.И. Белова в научном изучении», тем самым положив начало III Всероссийским Беловским чтениям «Белов. Вологда. Россия». Кандидат искусствоведения Г.П. Парадовская рассказала о «Нематериальном культурном наследии Вологодского края: изучении, сохранении и развитии», заложив основу дальнейшей работы

II Всероссийской научно-практической конференции «Традиции народной культуры: проблемы изучения, сохранения и восстановления». После ее доклада фольклорные ансамбли Вологодского государственного университета выступили с программой «Народные песни через века»; это направление в дальнейшем было представлено в рамках VII Всероссийского фольклорного фестиваля «Древо жизни». Активно обсуждались проблемы на межрегиональной конференции «История материальной и духовной культуры народов России и Европы: опыт преподавания», обозначенные в выступлении профессора В.А. Саблина «Региональный историко-культурный стандарт Вологодской области: от замысла к реализации». Тема пленарного доклада доктора исторических наук А.В. Камкина звучала следующим образом – «Жизненный опыт вологодских святых: прошлое в настоящем»; на круглом столе «Школа и музей: пути сотрудничества в деле духовно-нравственного воспитания» данное направление получило свое развитие. Выступление профессора Н.К. Максутовой «Эволюция и освоение ландшафтов Русского Севера» нашло свое отражение в работе круглого стола «Традиции природопользования и охраны ландшафтов Русского Севера». Доктор искусствоведения М.Г. Долгушина обозначила проблемы музыкального краеведения в Вологде, положив начало работе круглого стола «Музыкально-краеведческие исследования в современной образовательной практике».

К каждому из мероприятий была издана программа, был создан сайт научно-практического форума «Вологодская область – душа Русского Севера» с возможностью размещения на нем информации о мероприятиях, рассчитанный на дальнейшую работу по тематике. Предполагается издание статей, научных сборников и т.п. по мероприятиям форума.

III Всероссийские Беловские чтения «Белов. Вологда. Россия»

«Беловские чтения» прошли в формате научно-практической конференции, которая сопровождалась литературным семинаром для молодых авторов, литературным марафоном «Читаем Белова» (в течение пяти часов произведения писателя читали в трех учреждениях: музее-квартире, в школе и в ВГМХА), творческими вечерами писателей. Новацией нынешних, Третьих Беловских чтений были организация творческого молодежного конкурса им. В.И. Белова «Душа хранит», а также проведение на пяти школьных площадках диспутов, связанных с произведениями нашего земляка. В программе чтений была и поездка на родину писателя – в деревню Тимониха, где в сентябре был поставлен памятник на его могиле.

В мероприятиях Чтений приняли участие около 7 тыс. поклонников творчества выдающегося художника слова: представители всех районов Вологодской области и 12 регионов России (из Архангельска, Воронежа, Москвы, Нижнего Новгорода, Северодвинска, Твери, Череповца, Уссурийска, а также из других городов нашей страны и зарубежья). В их числе 11 докторов и 20 кандидатов наук.

На конференции было заслушано 78 докладов. На пленарном заседании выступили ректор Литературного института им. А.М. Горького профессор А.Н. Варламов, заведующий кафедрой МГУ профессор М.М. Голубков, редактор журнала «Подъем» В.Д. Лютый (Воронеж), профессор Московского педагогического госуниверситета А.М. Антипова, японский профессор Ясуси Рёхэй и доцент из Германии Н.Л. Фишер, профессор ВоГУ Е.Н. Ильина.

На шести секциях конференции творчество классика современной русской литературы анализировалось и обсуждалось заинтересованно и многоаспектно: с учетом историко-культурного контекста эпохи и с целью понять внутренний мир его произведений. Воздействие художественного опыта В. Белова обнаруживалось в творческих исканиях писателей Вологодского края и в словесности всего Русского Севера. Литература Вологодского края оценивалась также в контексте образовательного пространства школы и вуза. Очень продуктивно был проанализирован опыт учреждений культуры по сохранению и популяризации литературного наследия региона.

Материалы Всероссийских чтений предполагается опубликовать во втором выпуске Беловских чтений (первый выпуск содержит материалы Вторых чтений и был издан в марте 2016 г.).

Беловские чтения носят традиционный характер. Следующие будут приурочены к 85-летию со дня рождения писателя: мероприятия планируются в Вологде и в Москве в Литературном институте, выпускником которого был В.И. Белов.

VII Всероссийский фольклорный фестиваль «Древо жизни»

VII Всероссийский фольклорный фестиваль «Древо жизни» прошел в Вологодском государственном университете с 21 по 23 октября 2016 года.

В фестивале приняло участие 36 фольклорных коллективов и отдельных исполнителей из Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Твери, Ярославля, Архангельской области, Вологды, Череповца, Вологодской области. Общее количество участников фестиваля составило 380 человек. В программе мероприятия – творческие портреты коллективов, конкурс фольклорных ансамблей, мастер-классы по освоению народных музыкальных традиций.

Бурный восторг вызвали выступления этнографических коллективов из д. Березник Архангельской области и д. Пожарище Вологодской области, познакомившие зрителей с местным песенным, хореографическим фольклором. Высокий уровень владения народно-песенными традициями различных регионов России продемонстрировал фольклорный ансамбль студентов Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова и Вологодского государственного университета. Особый интерес у зрителей вызвала постановка свадебного обряда в исполнении объединенного коллектива из гг. Санкт-Петербурга и Гатчины. Причтания, свадебные песни, приговоры и ритуальные действия, показанные в университете, восхитили зрителей.

Необходимо отметить, что в фестивале приняли участие все действующие сегодня фольклорные коллективы Вологодской области, представившие свои творческие достижения на суд жюри и зрителей. Особую гордость вызвали ансамбли, созданные выпускниками нашего вуза: мужской фольклорный и детский ансамбли «Вагане» (с. Верховажье); детский ансамбль «Боркунцы» и взрослый коллектив «Нюкша» Центра традиционной народной культуры (с. Нюкеница); фольклорно-этнографические студии «Основа», «Матица», «Феникс» (г. Череповец); «Раденье» (г. Вологда), ансамбль «Жаровлика» (г. Вологда) и многие другие.

Отличительной чертой прошедшего фольклорного фестиваля стало участие большого количества детских коллективов различных возрастных групп – от детсадовского до подросткового периода, а также – семейных фольклорных ансамблей (гг. Вологда, Череповец, Тверь, Ярославль).

Одним из центральных мероприятий фестиваля стал юбилейный вечер, посвященный 35-летию деятельности фольклорного ансамбля ВоГУ. Известный в России и за рубежом фольклорный коллектив университета является неоднократным лауреатом международных и всероссийских фестивалей и конкурсов. Он и сегодня, перенимая традиции наших предков, пропагандирует подлинные народно-песенные традиции Вологодского края.

II Всероссийская научно-практическая конференция «Традиции народной культуры: проблемы изучения, сохранения и восстановления»

В рамках научно-практической конференции «Традиции народной культуры: проблемы изучения, сохранения и восстановления» работали 3 секции, было заслушано 27 докладов.

На конференции выступили представители Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова, Государственного республиканского центра русского фольклора (г. Москва), Вологодского государственного университета, Областного научно-методического центра культуры, Дворца детского и юношеского творчества (г. Архангельск), учреждений образования и культуры Вологодской области.

Состав участников был весьма разнообразен: учёные-искусствоведы и педагоги, специалисты по фольклору учреждений культуры и образования, методисты, руководители фольклорных коллективов, преподаватели и студенты вузов.

Значительное количество докладов было посвящено исследованию фольклорных традиций Вологодской области. Наиболее яркие из них – доклады, основанные на изучении малоизвестных сторон местной традиционной культуры: семейно-обрядовый и календарный фольклор, хореографические и инструментальные традиции.

Особый интерес у слушательской аудитории вызвали доклады, посвященные теме включения фольклора в современную художественно-образовательную

практику. Спектр научных интересов оказался достаточно широк. Были затронуты проблемы использования народно-песенных традиций в общеобразовательной школе, учреждениях дополнительного образования, в программе вузовской подготовки.

Конференция приняла резолюцию, в которой отмечена необходимость активизации деятельности по сохранению нематериального культурного наследия народа различных регионов России. Особо остро поставлен вопрос о развитии программы кадрового обеспечения учреждений культуры и образования специалистами по фольклору.

Межрегиональная конференция «История материальной и духовной культуры народов России и Европы: опыт преподавания»

21 октября 2016 года в рамках научно-практического форума «Вологодская область – душа Русского Севера» прошла межрегиональная научно-практическая конференция «История материальной и духовной культуры народов России и Европы: опыт преподавания».

Организаторами конференции выступили ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» и АОУ ВО ДПО «Вологодский институт развития образования».

В работе конференции приняли участие сотрудники, студенты и аспиранты ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», педагогические работники 7 профессиональных образовательных организаций области, образовательных организаций 6 муниципальных районов, городов Вологды и Череповца, а также представитель Ассоциации молодых исследователей «Институт исследований социальной памяти» (г. Москва).

Всего в работе межрегиональной конференции приняли участие более 100 человек.

На пленарном заседании конференции участникам были представлены доклады, связанные с вопросами изучения материальной и духовной культуры народов России и Европы в курсах отечественной и всеобщей истории, а также представлен проект Концепции нового учебно-методического комплекса по всеобщей истории как составной части учебного предмета «История».

На секции «Актуальные вопросы реализации регионального историко-культурного стандарта Вологодской области» обсуждался опыт реализации регионального компонента в общем и профессиональном образовании, а также в системе дополнительного образования.

Участники секции «Опыт изучения истории материальной и духовной культуры Европы в общем, дополнительном и высшем образовании» обсудили подходы к преподаванию и изучению истории культуры Европы в соответствии с требованиями ФГОС общего и высшего образования, с Историко-культурным стандартом новой концепции учебно-методического комплекса по отечественной истории.

Студенты исторического факультета ВоГУ живо реагировали на все выступления, показав тем самым понимание существа обсуждаемых проблем. Участники конференции подчеркнули принципиальное значение разделов по истории культуры народов России и Европы в школьном курсе истории для формирования у обучающихся целостной картины всемирной истории для понимания роли и места России в современном мире.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы секций и принято решение наиболее значимые с теоретической и практической точек зрения доклады и выступления опубликовать в информационно-методическом и научно-педагогическом журнале «Источник», издаваемом АОУ ВО ДПО «Вологодский институт развития образования».

Круглый стол «Традиции природопользования и охраны ландшафтов Русского Севера»

В рамках научно-практического форума «Вологодская область – душа Русского Севера» 22 октября состоялось заседание круглого стола «Традиции природопользования и охраны ландшафтов Русского Севера». Тематика выступлений отражала основные итоги научных исследований кафедр географии, биологии и экологии естественно-географического факультета ВоГУ по изучению особенностей природопользования и освоения ландшафтов Русского Севера, а также предварила юбилейные научные события следующего 2017 года, объявленного в России указами Президента Годом экологии и особо охраняемых природных территорий.

В работе круглого стола приняло участие 25 человек. Всего было представлено 9 докладов от ВоГУ, 1 – от РГПУ им. А.И. Герцена, 1 – от Регионального центра дополнительного образования детей; 1 – от общественных экологических организаций Вологодской области, 1 – от школьников. Большинство участников выступали с докладами-презентациями, среди которых преобладали исследовательские, основанные на систематизации полевых материалов, а также использовании картографических и геоинформационных методов.

Наиболее содержательными были научные доклады о ландшафтном разнообразии Русского Севера и Вологодской области (Н.К. Максутова), о палеогеографических реконструкциях послеледниковых озер (Н.В. Анисимов), об особенностях динамики расселения в конце XX – начале XXI века (Н.В. Солдатова), о запасах традиционных биологических ресурсов региона: лекарственных трав (на примере иван-чая) (А.В. Платонов) и съедобных грибов (А.Н. Левашов).

Оживленные дискуссии вызвали выступления о проблемах развития сети особо охраняемых природных территорий (Г.А. Воробьев) и результатах лесохозяйственной деятельности в области (Ю.М. Базанов), о проблемах классификации и выделения культурных ландшафтов Русского Севера (Е.Н. Соколова), о возрождении фенологических исследований (Н.А. Зейслер).

Всем понравились результаты исследований связи природы и традиционной культуры, проявляющиеся в северо-русских народных названиях животных (док-

лад Ю.Н. Беловой), а также пословицах и поговорках в виде упоминаний растений и животных (доклад школьницы А. Некрасовой). Об участии школьников в исследовании природы родного края прозвучала информация в докладах А.Ю Романовского и ученицы Е. Багулиной.

По итогам обсуждения выступлений участники круглого стола рекомендовали 7 докладов для публикаций в разных изданиях, а также приняли решение о необходимости обсуждения проблем природопользования и охраны ландшафтов Русского Севера на научных мероприятиях разного уровня в 2017 году.

Круглый стол был организован естественно-географическим факультетом Педагогического института Вологодского госуниверситета и Вологодским отделением Русского географического общества.

Круглый стол «Школа и музей:

пути сотрудничества

в деле духовно-нравственного воспитания»

23 октября в духовно-просветительском центре «Северная Фиваида» прошло заседание круглого стола «Школа и музей: пути сотрудничества в деле духовно-нравственного воспитания».

Сообщившихся объединили актуальные проблемы сотрудничества школы и музея:

- духовно-нравственное воспитание детей и молодежи как стратегическое направление в просветительской деятельности музеев;
- потенциал музейной педагогики в деле реализации цели и задач новых федеральных образовательных стандартов;
- программа «Истоки» в деятельности вологодских музеев.

В начале заседания были рассмотрены перспективы сотрудничества музея и школы в связи с введением новых федеральных образовательных стандартов (А.В. Камкин). Перед школой и музейной педагогикой встает непростая задача освоить смыслы, задачи и формы работы по наполнению образовательной области «Духовно-нравственная культура народов России» полноценным и воспитывающим материалом.

Именно в таком ракурсе о деятельности Вологодского музея-заповедника говорила в своем выступлении Наталья Прудникова (ее тема – игра и театрализация в музее) и педагог-организатор Череповецкого лесомеханического техникума Нина Соколова (роль музея в деле нравственного воспитания обучающихся).

Содержательными были выступления сотрудников музея «Семенково» – Дмитрия Мухина и Натальи Федосеевой. Первый из них показал воспитательный потенциал проекта «Мы, собравшись, постановили...», раскрывающий нравственные основы русского деревенского самоуправления, а вторая показала воспитательный потенциал музейных программ, реализуемых в «Семенково».

По итогам выступления состоялся весьма заинтересованный обмен мнениями, результатом которого стала идея координации деятельности школы и музея в деле духовно-нравственного воспитания.

* * *

Круглый стол «Музыкально-краеведческие исследования в современной образовательной практике»

Круглый стол «Музыкально-краеведческие исследования в современной образовательной практике» состоялся 21 октября в кабинете-музее М.Ш. Бонфельда. Инициатором и организатором проведения этого научного мероприятия выступила кафедра теории, истории музыки и музыкальных инструментов ВоГУ; работу возглавила доктор искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой Марина Геннадьевна Долгушина.

Основной целью круглого стола стало обсуждение современного состояния и перспектив музыкально-краеведческих исследований в Вологодской области, а также вопросы внедрения музыкально-краеведческого компонента в образовательный процесс.

Круглый стол собрал более 30 участников: преподавателей и студентов ВоГУ и Вологодской православной духовной семинарии, сотрудников Вологодской областной государственной филармонии имени В.А. Гаврилина и музея «Литература. Искусство. Век XX». Было представлено 12 докладов, в том числе 5 докладов студентов и магистрантов ВоГУ.

Одним из наиболее ярких выступлений стал доклад Т.А. Успенской «Духовная музыкальная культура

Вологодской губернии на рубеже XIX – XX веков». Церковно-певческая практика вологодских храмов – малоисследованный и чрезвычайно интересный сюжет, изучению которого Татьяна Алексеевна посвятила более двух десятилетий. Этический пафос и источниковедческая составляющая органично сочетались в ее докладе с практикоориентированными нюансами, позволяющими составить впечатление о разнообразных возможностях применения найденного исследователем материала.

Чрезвычайно полезным как с научной, так и с методической точки зрения был доклад Я.Ч. Фроловой «Формирование личных фондов вологодских музыкантов как актуальная задача музея-заповедника (на примере фонда Т.Д. Томашевской)». Представленная Яниной Чесюсовой информация оказалась особенно востребованной студенческой частью аудитории – участниками научно-исследовательского проекта «Музыкальная библиография периодической печати Вологды» 1920–1930-х годов». В тексте доклада и на кадрах компьютерной презентации «оживали» лица деятелей вологодской музыкальной культуры, знакомые студентам по газетным статьям, анонсам, обзорам.

В заключение работы круглого стола студенты познакомили присутствующих с результатами своей научно-исследовательской деятельности. Наиболее успешными стали выступления С.Л. Герасимовой, А.В. Мироновой, К.А. Мишанова, А.А. Нестеровой.

Л.В. Егорова

доктор филологических наук,
профессор кафедры английского языка ВоГУ

ОБ УЧАСТИИ КАФЕДРЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ВоГУ В МЕЖДУНАРОДНОМ СЕМИНАРЕ «СОВРЕМЕННАЯ БРИТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ»

Инициатором проекта выступила Карен Хьюитт (Оксфордский университет), и с сентября 2005 года британцы и российские преподаватели английского языка и литературы ежегодно собираются в Пермском государственном национальном исследовательском университете. Два дня плотного общения предоставляют отличную возможность для обмена опытом с единомышленниками из России, Беларуси, Британии.

Для реализации проекта по приобщению российских студентов к лучшим образцам современной британской литературы каждый участник (представитель университета) получает два-три комплекта из пятнадцати-двадцати экземпляров этих произведений для работы у себя в университете. Думаю, не стоит говорить о том, что речь не идет об отказе от чтения классики, но о стремлении обсуждать и современные, оригинальные, самобытные романы и пьесы.

Трудно переоценить значение совместной работы по созданию комментариев. Читая произведение, которое только входит в проект (комментарии к нему еще не написаны), отмечаешь то, что вызывает сомнения. Карен Хьюитт, получив вопросы, комментирует проблемные места (непонимание разных университетов показательно). Работает Карен предельно интенсивно, и, получив комментарии с аннотациями (приятный нюанс – замечаешь себя и университет в числе упомянутых участников), видишь разрешение всех своих сомнений. Со следующей группой читать будет легче – недопонимание снято.

Не менее ожидаем и каждый выпуск «Тропы» – журнала, издаваемого раз в год (в 2015 году вышел девятый номер). Британские и российские участники проекта обобщают опыт внедрения в учебный процесс того или иного романа, делятся своими культурологическими, историко-литературными, теоретико-литературными, стилистически-языковедческими, переводческими и методическими материалами для использования в преподавании.

Хочется отметить редакторские рубрики. По прошествии восьми лет по-прежнему помнишь первый номер и скрупулезные объяснения Карен Хьюитт, почему журнал назвали «Тропой» (или «Тропинкой») [1], точное определение Бориса Проскурнина места Пермского семинара в российской англестике [2]. В № 2 он продолжил невеселые, но достаточно оптимистичные размышления: «“Нищета” российского литературного образования, или О роли Пермского семинара в приобщении к хорошей литературе» [3]. В следующих номерах журнала слово получили все члены международной редакционной

коллегии: Ольга Сидорова, Уральский федеральный университет (№ 3); Елена Марьяновская и Олег Сулица, Рязанский государственный университет (№ 4); Наталия Эйдельман, Новосибирский государственный университет (№ 5); Will May, Southampton University (№ 6); Светлана Питина, Челябинский государственный университет (№ 7); Karen Hewitt, Oxford University (№ 8); Sandie Burtne, Oxford University (№ 9).

У каждого из нас есть свои предпочтения, любимые рубрики, авторы. Я начинаю читать со статей носителей языка, с кем только познакомились в Перми. В сентябре 2015 года семинар посетили главный редактор «London Review of Books» Мэри-Кей Уилмерс, редактор и автор издания Джереми Хардинг. № 9 представил написанную им статью на тему мигрантов и писателей-мигрантов в британской литературе [4]. В статье знаменитого драматурга Дэвида Эдгара, еще одного гостя этого семинара, рассмотрено развитие послевоенного британского театра, обозначены пять «волн» британской драмы; не обойдены вниманием социальные аспекты и конфликты, изменения во взаимоотношениях государства и театра [5].

В 2014 году Джонатан Майлс посвятил статью с красноречивым заглавием «Писать о не поддающемся описанию словами...» Первой мировой войне и роману Пэт Баркер «Возрождение» [6]. Кирсти Блэр сделала обзор подростковой литературы [7]. После такого рода материалов испытываешь желание приобщить студентов к разработке тем в дипломных работах.

Эссе по творчеству отдельных писателей можно было бы собрать в отдельную книгу. Питер Кемп, известный литературный критик, рассказал о трилогии Тома Стоппарда «Берег Утопии» [8]. Кэтрин Браун – об «Искуплении» Иэна Макьюэна [9]. Сэнди Бёрн поделилась мыслями о романе «Эксперимент с любовью» Хиллари Мантел [10]. Из отечественных работ в книгу моего выбора вошла бы статья об особенностях повествовательной структуры в романе К. Исигуро «Не отпускай меня» Наталии Морженковой [11], статья о жанре альтернативной истории Ольги Судленковой [12].

Испытываешь благодарность за работы о других – вне проекта – произведениях авторов, обсуждаемых в проекте. Так, в 2011 году полезно было прочесть статью, где рассмотрена проблема памяти (и ее механизмы: субъективная интерпретация, забывание, воображение) в автобиографической книге Джоулиана Барнса «Нечего бояться» [13]. Статья помогла лучше понять «Историю мира в 10½ главах». Екатерина Баринова не только для себя открыла сборник рассказов «Is This

the Way You Said?» Адама Торпа [14], известного прозаика и драматурга, чей роман «Алвертон» вошел в проект.

Хороши детальные разборы, например подробный анализ стихотворения Уилфрида Оуэна «Гимн обреченнной юности» Дэвида Грилза (Оксфордский университет). Стиховедческий анализ демонстрирует подход английских литературоведов к анализу поэзии [15].

Неизменно интересны переводческие материалы. О работе над переводом «Мадам Бовари» рассказал Адам Торп [16]. Какие цели он ставил перед собой, соглашаясь на выполнение двадцатого по счету перевода на английский? В отличие от американки Лидии Дэвис с ее девятнадцатым переводом, он хотел не модернизировать, а придерживаться прекрасного флоберовского языка в его непосредственной временной соотнесенности.

О новом переводе «Преступления и наказания» на английский рассказал Оливер Реди [17]. Два последних перевода вышли в начале 1990-х. Лариса Волохонская и Ричард Певир, русско-американская пара, отдавали предпочтение «политике жесткой верности на уровне языка, синтаксиса и даже порядка слов». Их лаконичность впечатляла Оливера Реди, смущала же «готовность “обрушить” английский язык и преувеличить в переводе странности оригинала» [17, с. 85]. Второй перевод – Давида МакДуффа – отличался склонностью «объяснить» «темные места» оригинала, «сглаживать» текст. Учитывая опыт предшественников (в том числе постоянный ориентир британских переводчиков – работы Констанс Гарнетт), Оливер Реди стремился сохранить лаконичность и – «плотную и тесную языковую ткань оригинала» [17, с. 86].

Ольга Сидорова рассмотрела проблемы перевода и рецепции творчества Берилл Бейнбридж в России [18], рассказала о переводах романов Дэвида Лоджа на русский язык [19]. История осмысления их творчества российским литературоведением могла бы быть полезна филологам. Для студентов-переводчиков было бы интересно – по прочтении «Nice Work» (1988) Лоджа – обсудить практические вопросы. Как перевести предельно просто звучащее заглавие? «Хорошая работа»? «Хорошенькое дельце»? «Приятное занятие»? Как перевести имена главных героев – Vic (Victor) Wilcox, Robyn Penrose, сохранив свойственные им коннотации и комический элемент?

Полезны статьи о литературоведческой терминологии; так, Кэтрин Браун привлекла внимание к главам [20], реализму [21], «дефамилиаризации» – «остранению» [22], а также проблеме плагиата и тому, как его избежать [23].

Всегда любопытны разговоры с продолжениями. В № 1 Наталия Дерябина рассмотрела типичные проблемы, которые могут возникнуть при переводе художественных произведений с ненадежным повествователем [24]. В № 2 Карен Хьюитт, выразив сомнения по поводу того, что Стивенс из романа «Остаток дня» К. Исицуро является «ненадежным повествователем», подняла вопрос, кто или что таковым является [25]. Разговор продолжила Катрин Браун, посвятив проблеме повествователя и «ненадежного повествователя» публикации в № 3 и № 5 [26].

Студенческие эссе (три в выпуске) – раздел, любимый преподавателями и студентами. Каждый из университетов (в проекте их более восьмидесяти) имеет право предложить к участию не более трех эссе, так что конкуренция жесткая. Наш университет не сразу вошел в проект, но последние три года эссе наших студентов неизменно оказываются в числе опубликованных (в 2013 – эссе Дарьи Маркасовой и Максима Анфалова, в 2014 – Риммы Петровой, в 2015 – Мариной Яшиной).

На кафедре английского языка в проекте участвуют канд. филол. наук О.А. Бурсина, д-р филол. наук Л.В. Егорова, канд. филол. наук Ж.И. Подоляк, канд. филол. наук А.Н. Цветкова. Хотелось бы, чтобы к нам присоединялись и преподаватели английского незыковых факультетов. В проекте есть сложные для чтения и обсуждения романы, но есть и вполне посильные для физиков, математиков и т.д. При чтении одного из последних романов проекта («The Curious Incident of the Dog in the Night-time» by Mark Haddon) студенты 23 английской группы отметили, что получили удовольствие от легкости восприятия качественного романа, и я бы порекомендовала этот – наиболее доступный по языку – роман. Воспроизведу несколько абзацев Ксении Филипповой (она написала эссе по-английски и затем – по моей просьбе – тезисы по-русски):

«Тема аутизма сложна для понимания. Нам в этом плане повезло: курс “Специальной психологии” позволил ознакомиться с данными отклонениями детально и объемно. Книга Марка Хэддона подкупила с первых страниц простотой и искусно сделанной непринужденностью. Читая книгу, я погрузилась в мир аутичного мальчика по имени Кристофер, смогла понять, что значит быть “не таким, как все”. Уверена, лишь единицы способны затронуть и передать простым языком столь глубинные и значимые для нашего времени вопросы.

После прочтения книги одно из возникших чувств – стыд. Стыд за то, что в рутине дней невольно находишь причины для хандры, депрессии, временами даже теряешь веру в себя, и ведь не осознаешь, что в мире есть люди, которые переживают большие беды, сталкиваются с действительно трудными ситуациями и мечтают иметь хоть часть того, что есть у тебя. Меня тронула целеустремленность Кристофера, его рвение понимать окружающую действительность, преодолевать себя и идти на риск.

«Потому что любить кого-то – это значит помогать ему, когда он попал в беду, заботиться о нем и говорить ему правду». Среди многих прочих достоинств книги Марка Хэддона я поразилась тому, как чутко он смог описать отношения между аутичным мальчиком и его отцом. Я поняла, что воспитывающие такого ребенка родители достойны огромного уважения и понимания. А вы смогли бы взять на себя такую ответственность?

Эта книга учит толерантности. Я открыла для себя поистине другой взгляд на мир и окружающие меня вещи. Порой Кристофер рассуждает на такие сложные темы, что мне (здоровому нормальному человеку) трудно уловить эту тонкую нить, потому что вот-вот – и он уже ушел в совершенно другом на-

правлении. Неужели аутизм это клеймо? Нет, я не хочу в это верить. “Люди не обязательно неполноценные, если у них есть особые нужды”. Мы не выбираем, кем мы родимся, но то, как мы проживем жизнь, кем мы станем, чего добьемся, – решать только нам».

Нравится ли студентам принимать участие в проекте? Анкетирование показывает, что, однозначно, да. Анастасия Черкасова (22 А. Их группа на первом курсе читала Nick Hornby «About a Boy», на втором – Julia Darling «The Taxi Driver's Daughter», Julian Barnes «A History of the World in 10½ Chapters»):

«Данный проект дал мне возможность познакомиться с тремя прекрасными, разными, “реалистичными” произведениями. Реалистичными, потому что они приближены к видению современного общества. Понравились все три. Julian Barnes, его разносторонность и многогранность. Nick Hornby, его меланхоличность, сентиментальность и саркастичность одновременно. И конечно же, Julia Darling с ее “говорящей” фамилией.

Чем привлекают данные произведения современного читателя? Во-первых, – языком. Он довольно прост, лаконичен, современен. Слэнг, используемый в романах, приближает автора к читателям, а читателям дает возможность обогатить свой словарный запас. Во-вторых, – сюжетом, довольно незамысловатым, приближенным к “реальному ходу” жизни. На страницах произведений мы сталкиваемся с бюрократией, суицидом, эгоизмом, жестокостью общества. Разве не эти проблемы являются насущными, разве не ими “болен” мир?

Современность требует современности. Конечно, классика не может отступить на второй план (на то она и классика), но мне хочется обогащать свой язык словами, которые звучат на улицах Лондона или Нью-Йорка, которые позволяют мне быть “своей” среди современной молодежи.

Хочется выразить этому проекту огромную благодарность и за возможность того, что именно твое эссе может появиться в известном журнале и покорить другие города».

Изменяется ли отношение к проекту по прошествии нескольких лет и в чем его непреходящая ценность? Я попросила написать об этом Сергея Уланкина – нашего выпускника, сейчас аспиранта-философа второго курса (предварительно тема диссертации – «Язык как конструктивно-прогностическая структура в философии гуманитарных наук»):

«Подбор текстов для домашнего чтения был в хорошем смысле провокационным. Тексты было интересно обсуждать. Никогда не забуду, как мы дискутировали по поводу последней главы “Истории мира в 10½ главах” Джека Барнса, где автор представил свою модель идеального рая. Протагонист чревоугодничал, предавался телесным грехам, с кем хотел. Таким образом Барнс показал нашу людскую ограниченность и замкнутость на своей плоти – вообразить высшую степень блаженства мы можем, только сравнивая это с качественным удовлетворением потребностей нижних этажей пирамиды Маслоу. Вообще, весь фрагментарный роман Барнса так или иначе о христианстве, но с таких неожиданных позиций, что берет оторопь. Благодаря таким работам мы можем преодолеть

левать бэконовский идол пещеры – автор проводит нас по другим пещерам и показывает объект с разных сторон. И это в полной мере относилось и к другим книгам, с которыми удалось познакомиться в курсе домашнего чтения.

* * *

Книги в курсе домашнего чтения учили говорить так, как действительно говорят. Англоязычный художественный текст был десакрализирован и получил признание (см., например, Генри Миллера) куда раньше русскоязычного. Традиция художественного письма как говорения сложилась и находит последователей в лице множества англоязычных авторов. В результате литература дает иногда даже более полное понимание речевых особенностей различных социальных групп, чем, например, фильмы.

“Black Swan Green” Энн Митчелл написан от лица подростка-мальчика. Из подростковых проблем соткан не только сюжет, но и речь героя: ругательства, высмеивание преподавателей и взрослых вообще, школьный фольклор, рождающийся на лету (дразнилки, стишки, песенки). Это лишь один из примеров, который помогает поймать настроение языка для разных ситуаций и социальных групп. Столь живой материал для изучения невозможно получить в стенах университета любым другим способом.

Речь иностранца кажется нам чуждой часто не за счет акцента, а за счет лексических особенностей: речь всегда нейтральна, суха. Вылезать за рамки стандартного вокабуляра страшно не потому, что нет подходящих слов, – напротив, у студентов их в избытке, – мы не знаем, как и когда их применять. Важно и допущение традиционных “ошибок”, которые делают иностранца “своим” в разговоре. К таковым в русском языке может относиться слово “сейчас” – я не слышал, чтобы в молодежной среде его говорили отчетливо, все говорят “ща”. Подобные маркеры (*wanna, gonna* – из очевидных примеров) приучают к допустимому и даже желательному языковому “бескультурью”. Те авторы, которых мы читали, любили и умели выражать фонетические особенности говорения и подчеркивали особенности языка на всех его уровнях – намеренно неверная, но правильная грамматика, лексика. (Здесь, кстати, можно было бы подняться на философскую ступень и заявить, что, когда автор пишет и высоким стилем, и просторечием, он любит язык во всех ипостасях и, соответственно, любит его гораздо больше, чем нежно относящиеся к словарным правилам писатели, которые не позволяют себе вольностей на бумаге).

Так или иначе, чтение современной литературы, которая, что важно, повествует о современных событиях, отчасти помогает преодолеть страх быть непонятым и показывает, в какую сторону и на какое расстояние нужно удаляться от правил языка, чтобы говорить правильно.

* * *

Роман Джонатана Коу “Какое надувательство” щеголяет языковыми играми. Автор выжимает максимум из лексики, играя с двойными и тройными значениями слов. Объективно в русском языке передать все нюансы сложнее – омонимия в английском гораздо шире и многообразней, чем в русском. Перевод

языковых игр – это, пожалуй, самое сложное и интересное, что мне приходилось делать за все время обучения».

На мой взгляд, при работе с качественной современной литературой все сложно и все интересно: каждый берет, сколько может вместить. Напоследок я бы еще упомянула продуктивность просмотра и обсуждения киноверсий книг. Обыкновенно я работаю со вторым курсом и, получив как-то во втором семестре группу первого курса, решила читать с ними «About a Boy». Для активизации слишком неспешно для меня изъяснявшихся первокурсников мы начинали занятия с просмотра прочитанных эпизодов. Естественно-быстрый темп разговорной речи героев фильма при первом просмотре поверг группу в шок. Чтобы расслышать текст, нам приходилось смотреть во второй – в третий раз, и, чувствуя, что они все равно не успевают, студенты – при подготовке дома – стали ответственнее относиться к чтению: пытаться запоминать, чтобы слышать. Любопытно, что одни не успевали понимать ребенка, другие – взрослого персонажа, так что было очевидно, что дело не в исполнителях, а в наших возможностях. При тщательной домашней работе становилось легче, темп занятий естественно чуть ускорялся.

Удивляло и то, насколько сложно давалось студентам обсуждение. Казалось бы, всем хотелось выразиться, но было бесконечно трудно донести свою мысль, что и почему иначе в фильме, нравятся или не нравятся изменения. Нужные слова не шли, предложения получались перегруженными. И снова выход был очевиден: чтобы ясно формулировать, нужно внимательнее читать, больше запоминать, четче мыслить. Опыт – дело наживное, и на втором курсе в чем-то становится чуть легче, правда, это остается незамеченным: уровень сложности книг постоянно растет.

На третьем курсе при обсуждении романа «Atonement» на занятиях уже не нужно выделять время для просмотра одноименной экранизации с Кирой Найтли в главной роли. Попросив посмотреть фильм, завоевавший «Оскар» и две премии «Золотой глобус», тех, кто еще не видел, можно сразу переходить к разговору о серьезных проблемах. Литература и кино становятся все более подвластными для обсуждения. Они приносят и опыт – самых разных планов, и наслаждение. По мере преодоления трудностей к чтению на английском привыкают все.

Курс литературы стран изучаемого языка в нынешней программе приходится на последний семестр, и меня радует, когда вопрос, на каком языке прочитана та или иная книга, вызывает недоумение: для выпускников очевидно, что современное, разумеется, читается в оригинале.

Список книг проекта

Penelope Lively *The House in Norham Gardens* (1974)
Graham Swift *Waterland* (1983)
David Lodge *Nice Work* (1988)
Julian Barnes *A History of the World in 10 1/2 Chapters* (1989)
Pat Barker *Regeneration* (1991)
Adam Thorpe *Ulverton* (1992)

Jonathan Coe *What a Carve Up!* (1994)
Barry Unsworth *Morality Play* (1995)
Hilary Mantel *An Experiment in Love* (1995)
Bernard MacLaverty *Grace Notes* (1997)
Jill Dawson *Magpie* (1998) (Out of print)
Beryl Bainbridge *Master Georgie* (1998)
Nick Hornby *About a Boy* (1998)
Michael Frayn *Headlong* (1999)
Zadie Smith *White Teeth* (2000)
Ian McEwan *Atonement* (2001)
Julia Darling *The Taxi Driver's Daughter* (2003)
Esther Freud *The Sea House* (2003)
David Hare *Stuff Happens* (2004)
Mark Haddon *The Curious Incident of the Dog in the Night-time* (2004)
David Mitchell *Black Swan Green* (2006)
David Edgar *Testing the Echo* (2008)
Ruth Rendell *Portobello* (2008)
Sebastian Faulks *A Week in December* (2009)
Magnus Macintyre *Whirligig* (2013)
John Lanchester *Capital* (2013)

Литература

1. Hewitt, K. Footpath / K. Hewitt // Footpath. – 2008. – № 1. – С. 6–10.
2. Прокурнин, Б. Пермский семинар и его место в российской англистике / Б. Прокурнин // Footpath. – 2008. – № 1. – С. 11–16.
3. Proskurnin, B. Editorial / B. Proskurnin // Footpath. – 2009. – № 2. – С. 6–14.
4. Harding, J. Migrants and Migrant Writers in English Literature / J. Harding // Footpath. – 2015. – № 9. – С. 12–30.
5. Edgar, D. State of Play (on Postwar British Theatre) / D. Edgar // Footpath. – 2015. – № 9. – С. 30–42.
6. Miles, J. Writing the Unwriteable: The First World War and Pat Barker's Regeneration / J. Miles // Footpath. – 2014. – № 8. – С. 39–56.
7. Blair, K. Young Adult Literature / K. Blair // Footpath. – 2014. – № 8. – С. 114–128.
8. Kemp, P. Tom Stoppard: *The Coast of Utopia – A Trilogy of Plays* / P. Kemp // Footpath. – 2009. – № 2. – С. 42–48.
9. Brown, C. On *Atonement* by Ian McEwan / C. Brown // Footpath. – 2010. – № 3. – С. 32–38.
10. Byrne, S. Thoughts on *An Experiment in Love* by Hilary Mantel / S. Byrne // Footpath. – 2010. – № 3. – С. 42–44.
11. Morzhenkova, N. The Narrative Structure of Kazuo Ishiguro's *Never Let Me Go* / N. Morzhenkova // Footpath. – 2009. – № 2. – С. 32–41.
12. Sudlenkova, O. What if? or The Alternate History Genre / O. Sudlenkova // Footpath. – 2010. – № 3. – С. 25–31.
13. Perekhodzeva, O. Memory Processes in *Nothing To Be Frightened Of* by Julian Barnes / O. Perekhodzeva // Footpath. – 2011. – № 5. – С. 41–46.
14. Barinova, E.V. Discovering Adam Thorpe's Short Stories / E.V. Barinova // Footpath. – 2013. – № 7. – С. 31–38.
15. Grylls, D. On 'Antem for Doomed Youth' / D. Grylls // Footpath. – 2012. – № 6. – С. 65–70.
16. Thorpe, A. On Translating *Madame Bovary* / A. Thorpe // Footpath. – 2011. – № 5. – С. 73–78.
17. Реди, О. О новом переводе «Преступления и наказания» на английский / О. Реди // Footpath. – 2012. – № 6. – С. 83–89.
18. Сидорова, О. Russian Readers' Responses to Beryl Bainbridge's Novels / О. Сидорова // Footpath. – 2012. – № 6. – С. 78–83.
19. Сидорова, О. David Lodge in Russia / О. Сидорова // Footpath. – 2008. – № 1. – С. 30–36.

20. Brown, C. Chapters: Why Writers Have Them, And How We Can Read Them / C. Brown // Footpath. – 2010. – № 4. – С. 11–23.
21. Brown, C. Realism / C. Brown // Footpath. – 2010. – № 4. – С. 104–109.
22. Brown, C. More Critical Terms: Defamiliarisation / C. Brown // Footpath. – 2012. – № 6. – С. 89–94.
23. Brown, C. Plagiarism: How to Avoid It / C. Brown // Footpath. – 2013. – № 7. – С. 106–110.
24. Deryabina, N. Unreliable narrators and translating *The Remains of the Day* / N. Deryabina // Footpath. – 2008. – № 1. – С. 93–99.
25. Hewitt, K. Who – or What – is an Unreliable Narrator? / K. Hewitt // Footpath. – 2009. – № 2. – С. 23–31.
26. Brown, C. Unreliable Narrators / C. Brown // Footpath. – 2011. – № 5. – С. 51–60.

B.A. Саблин
доктор исторических наук, доцент,
декан исторического факультета ВоГУ, зав. кафедрой всеобщей истории
и социально-экономических дисциплин ВоГУ,

М.С. Черкасова
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры теории, истории культур и этнологии ВоГУ

ОБ ИТОГАХ ЮБИЛЕЙНОЙ XXXV СЕССИИ СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

19–24 сентября 2016 г. в столице Республики Башкортостан г. Уфе состоялась XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Этот авторитетный научный форум функционирует с 1958 г., когда состоялась его первая сессия, в эстонской столице Таллинне. У истоков Симпозиума стояли крупнейшие советские историки-аграрники, специалисты по европейскому и русскому средневековью, а также истории России раннего Нового времени С.Д. Сказкин, Х.Х. Круус, В.К. Яцунский.

Вскоре к работе Симпозиума подключились историки, с именами которых в дальнейшем были связаны многие его сессии – Н.В. Устюгов, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, А.М. Анфимов, В.В. Дорошенко, П.В. Советов, И.П. Ермолаев, Ш.Ф. Мухамедьяров, В.Л. Янин, А.И. Комиссаренко, Н.А. Горская, Е.Н. Швейковская, Г.В. Абрамович, Л.С. Прокофьева, Н.Н. Масленникова, А.Ю. Алексеев, М.Б. Свердлов, З.В. Дмитриева, З.А. Огризко, В.П. Данилов, Л.В. Данилова, Н.Я. Гущин, Н.Л. Рогалина, Н.Б. Селунская, В.Г. Тюкавкин, Э.М. Щагин, И.Е. Кознова и многие другие.

Сессии Симпозиума проходили раз в 2–3 года в столицах союзных республик (Таллинн, Вильнюс–Каунас, Рига–Сигулда, Киев, Минск, Кишинев, Москва), а также в городах Гродно, Ленинград, Одесса, Ростов-на-Дону, Уфа, Казань, Тамбов, Арзамас, Екатеринбург, Орел, Калуга, Тула, Рязань, Брянск, Самара. Они организовывались, как правило, на базе республиканских академий наук и местных университетов. В них всегда полезным был опыт интеграции академической и вузовской науки, координация направлений, методологии, методики, анализа источниковедческой базы в исследовании базовых характеристик российского общества, корнями своими уходящих в аграрный строй и его многовековую эволюцию. Всегда было важным издание Ежегодников (либо Материалов, тематических сборников), включающих авторские и коллективные статьи, что закрепляло научные заседания Симпозиума, превращая их в по-

стоянно действующий фактор дальнейших научных поисков. По мере расширения географии проводимых сессий расширялся и состав их участников за счет научных центров Урала, Сибири, Средней Азии.

Сквозными проблемами на научных заседаниях Симпозиума всегда были: эволюция видов земельной собственности (от ее зарождения до 1990-х гг.), трансформации в земельном обеспечении и способах функционирования крестьянских хозяйств, характер связи земледельческого производства с городским рынком, внеземледельческо-промышленная сфера крестьянского хозяйства, роль государства и общины в истории крестьянства, степень адаптации и выживаемости крестьянства и крестьянского двора на протяжении длительного времени, рентно-повинностные механизмы и практики, эволюция систем сельского расселения и демографические процессы.

Изучение аграрной истории XIX–XX вв. включало в себя разработку кардинальных проблем, связанных с аграрными реформами (1861 г., Столыпинской, 1917–1920 гг.), положением крестьянства в годы Первой мировой войны, нэпа и коллективизации, Великой Отечественной войны. В исследовательских стратегиях участников Симпозиумов всегда сильной стороной было органическое сочетание глубокой региональной проработки проблематики с учетом общероссийской перспективы и ретроспективы. Это позволяло глубже осознать общеисторические закономерности и региональную специфику изучаемых процессов. Важна была и постоянно ведущаяся участниками сессий Симпозиума разработка новых (в первую очередь архивных) источников, интенсификация конкретной методики, включая математические способы обработки массовой информации, методы моделирования аграрно-исторических процессов, картографирования и создания геоинформационных систем.

Ученые историки Вологды, работавшие по традиционной для региона аграрной проблематике, активно участвуют в сессиях аграрного Симпозиума начиная с

1970-х гг. – П.А. Колесников, Ю.С. Васильев, М.А. Безнин, Т.М. Димони, А.В. Камкин, В.А. Саблин, С.П. Карпов, Н.И. Голикова, М.Н. Глумная, Л.В. Изюмова, М.С. Черкасова, И.В. Пугач, В.С. Жукова, О.В. Ильина.

Из тридцати пяти сессий Симпозиума три состоялись в Вологде – в 1974, 2000 и 2008 гг. Вологду можно назвать самой северной провинциальной точкой в истории аграрных симпозиумов. Проведение в 1974 г. XV сессии Симпозиума на базе Вологодского государственного педагогического института во многом было обязано активной работе Северного Проблемного объединения по аграрной истории и Северного отделения Археографической комиссии, ведущую роль в которых играл наш выдающийся земляк, ученый, педагог, общественный деятель Петр Андреевич Колесников (1907–1996). Благодаря этому симпозиуму и другим научным конференциям 1960–1970-х гг. Вологда увидела таких видных отечественных ученых историков, как В.Л. Янин, Н.А. Горская, А.Д. Горский, А.И. Копанев, А.А. Зимин, В.И. Корецкий, А.Л. Шапиро и др. В 1976 г. тремя выпусками были изданы «Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР».

XXVII «вологодская» сессия 2000 г. была посвящена сквозной проблеме зажиточного крестьянства в России в исторической ретроспективе. XXXI сессия, состоявшаяся в Вологде в 2008 г., оказалась юбилейной, приуроченной к 50-летию аграрных симпозиумов. Она называлась «Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы» и носила в чем-то итоговый характер. Несмотря на немалые организационные и финансовые трудности, по результатам работы «вологодских» сессий Симпозиума 2000 и 2008 гг. удалось своевременно издать полноценные сборники статей («Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. акад. Л.В. Милов. Вологда:

Русь, 2001; Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы / отв. ред. Е.Н. Швейковская. Вологда, 2009. Кн. 1–2).

Последняя из состоявшихся, XXXV «уфимская» сессия (Уфа второй раз проводила Симпозиум. Первый раз это было в 1982 г.) была посвящена проблемам аграрного освоения и демографии в России в X–начале XXI вв. Проблемы эти крайне важны для более глубокого понимания аграрного развития страны. Не случайно, что в историографии факторы внутренней и внешней колонизации, направления и формы миграций, вопросы «аграрного перенаселения», динамика переселенческих процессов составляют традиционную основу научных исследований.

Вологду представляли М.С. Черкасова с докладом «Вопросы демографии и расселения на севере России через призму нетрадиционных источников (середина XVII в.)», В.А. Саблин с докладом «Переселение крестьян северных губерний на Дон в 1919 г. как элемент политики “расказывания”» и А.Л. Грязнов с сообщением «Структура землевладения в Белозерском крае в XV в. и внутренняя колонизация региона».

Важно отметить, что на Симпозиуме в Уфе произвучал доклад А.Я. Дегтярева «Проблемы сельского расселения и аграрной истории России в трудах академика М.К. Любавского». Тем самым историки-аграрники почтили память выдающегося исследователя, арестованного в 1930 г. по так называемому «академическому» делу, отбывавшего ссылку в Уфе и там скончавшегося в 1936 г. Было подчеркнуто, что научные выводы М.К. Любавского не утратили своей актуальности. Примечательно, что участники предыдущей XXXIV сессии Симпозиума в Самаре аналогичным образом почтили память академика С.Ф. Платонова, главного обвиняемого по «академическому» делу («делу академика Платонова», скончавшегося в 1933 г. в ссылке в Куйбышеве (Самаре).

Очередная XXXVI сессия Симпозиума состоится в 2018 г. в Брянске.

C.M. Кибардина

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой лингвистики межкультурной коммуникации ВоГУ,

B.V. Сдобников

доктор филологических наук, доцент кафедры теории и практики
английского языка и перевода Нижегородского государственного
лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРЕВОД И КУЛЬТУРА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ»

5–7 мая 2016 г. в Вологодском государственном университете прошла Международная научная конференция «Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние». Конференция была организована в рамках договора о сетевом взаимодействии между Вологодским государственным университетом (ВоГУ), Нижегородским государственным лингвистическим университетом (НГЛУ) им. Н.А. Добролюбова и Институтом иностранных языков земли Северный Рейн-Вестфалия при Рурском университете г. Бохума (Германия) при участии двух региональных отделений Союза переводчиков России – Вологодского и Нижегородского. Тезисы докладов конференции опубликованы.

В конференции, проводившейся в Вологде уже во второй раз, приняли участие российские переводоведы и переводчики из Нижнего Новгорода, Вологды, Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Владимира, Иванова, Севастополя, Твери, Тюмени, зарубежные коллеги из г. Бохума (Германия) и г. Граца (Австрия), благодаря участию которых круг рассматриваемых вопросов значительно расширился и был создан своего рода общеевропейский контекст изучения переводческой проблематики.

В центре внимания участников были, прежде всего, культурологические аспекты перевода – воздействие фактора культуры на переводческую деятельность и культурно-обусловленные особенности языковых единиц и структур, проявляющиеся при осуществлении перевода. Этой проблематике были посвящены доклады И.В. Зубановой (Москва) «Дейктическая структура текста и перевод», В.Л. Буровой (Москва) «Учет когнитивных параметров стиля в процессе перевода», В.В. Сдобникова (Нижний Новгород) «Фактор культуры при переводе рекламного текста».

Участники не обошли своим вниманием и другие переводческие проблемы, как предельно конкретные, так и общие, которые рассматривались с учетом современных тенденций в разных национальных языках и в обществе в целом. Доктор Клаус Вашик, директор Института иностранных языков земли Северный Рейн-Вестфалия (г. Бохум, Германия), привлек внимание собравшихся к изменениям в лексике и фразеологии немецкого языка и необходимости учета этих изменений в процессе устного и письменного перевода. Штефани Альмер (г. Грац, Австрия) посвятила свой доклад применению визуализации во время синхронного перевода. С большим интересом был воспринят доклад доктора Манфреда Фрюауфа (г. Бохум, Германия) о языковых и межкультурных проблемах

перевода поэтических текстов с китайского языка на немецкий (текст доклада опубликован в выпуске № 3 журнала «Мосты» за 2016 г.).

Другие темы, ставшие предметом обсуждения: место и роль переводчика в процессе коммуникации (доклад Г.Н. Замараевой, Владимир), передача содержания концепта (доклад Е.А. Красильниковой, Вологда), проблемы перевода художественного текста (доклады Н.Ю. Хорецкой и И.В. Кокуриной, Иваново, Л.И. Тепловой, Севастополь). Ряд докладов был посвящен переводу конкретных явлений разных языков – лексических единиц, фразеологизмов, терминов, синтаксических структур.

Особый интерес вызвали сообщения коллег, посвященные проблемам перевода текстов, тематика которых связана с культурой Русского Севера («Перевод терминов деревянного зодчества Русского Севера» – Е.С. Коканова, Архангельск; «Особенности перевода русской православной лексики» – С.М. Кибардина, Вологда). В этой связи следует отметить презентацию учебного пособия «Открытие иконы. Лекционный курс иконописи», созданного С.М. Кибардиной (ВоГУ) и Клаусом Вашиком (Бохум, Германия). Пособие содержит описание терминов по следующим темам: иконографические сюжеты, иконы Богоматери и Христа, включая историю их создания, техника создания иконы, богослужебные понятия и термины церковной архитектуры с переводом на немецкий язык.

Одна из важнейших тем конференции – проблемы профессиональной подготовки переводчиков. О формировании профессиональных переводческих компетенций говорила доцент М.Е. Коровкина (Москва). Проблемам формирования культурной компетенции переводчиков был посвящен совместный доклад декана переводческого факультета НГЛУ им. Н.А. Добролюбова И.Ю. Зиновьевой и зав. кафедрой теории и практики немецкого языка и перевода того же факультета М.Б. Чикова. Преподаванию русского языка в ходе подготовки переводчиков был посвящен доклад Т.В. Парменовой (Вологда); сотрудничеству теории и практики в процессе обучения в магистратуре – доклад М.М. Степановой и С.Ю. Световой (Санкт-Петербург). Вопросы подготовки студентов к переводческой деятельности рассматривались также в докладах коллег из Севастополя Е.В. Топор, Н. Корж, О.В. Медведовской.

Практическая направленность конференции была представлена мастер-классом доцента М.А. Куниловской (Тюменский государственный университет), посвященным использованию корпусов текстов в про-

цессе перевода и в исследованиях перевода. Мастер-класс был проведен для участников конференции и студентов ВоГУ, обучающихся по образовательной программе «Перевод и переводоведение».

В ходе конференции была также организована презентация учебной и обучающей платформы «LesenHQ» – проекта, руководителем которого является доктор К. Вашик. Одному из аспектов разработки данной платформы был посвящен доклад доктора Лео Вешмана (Бохум, Германия) «Опыт создания контекстно-зависимого словаря к дистанционному курсу

русского языка специальности для немецких учащихся-экономистов».

Для участников конференции была организована культурная программа, включавшая экскурсию по Вологде, посещение вологодских музеев и поездку в Кириллов и Ферапонтово с осмотром Кирилло-Белозерского монастыря и Ферапонтова монастыря с фресками Дионисия.

Следующая, третья, конференция «Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние» будет организована в ВоГУ в мае 2018 года.

O.B. Никитин

доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЯЦКЕВИЧ Л.Г. ОЧЕРКИ МОРФОЛОГИИ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ: МОНОГРАФИЯ. ВОЛОГДА: ВГПУ, 2013. 244 с.

Изучение вологодских говоров – большая и благодатная тема, приносящая уже не одному поколению исследователей интересные идеи и открытия. Данный ареал особенно активно изучается последние 50 лет. Причем, надо сказать, что *Вологодская диалектологическая школа* во многом выделяется и отличается от похожих направлений в лингвистике не только огромной и последовательной работой по лексикографическому описанию говоров, но и изучению этнокультуры, ономастики, благопожеланий и даже особой философии «деревенского слова», выраженной и мастерски обработанной в художественном тексте. Вологодские диалектологи имеют очень обширную картотеку и фонотеку, регулярно проводят экспедиции с целью фиксации и объяснения редких диалектных явлений и введения их в научный оборот.

Книга известного вологодского исследователя профессора Л.Г. Яцкевич открывает мир северорусских говоров с другой стороны. Она анализирует функционально-типологические и эволюционные характеристики местных диалектов преимущественно в синхроническом аспекте. Это важно, так как морфология вологодских говоров до сих пор не получила широкого освещения в монографических исследованиях, а значит, существует определенный пробел в описании этого важного уровня культурно-языковой традиции народа.

Автор последовательно рассматривает наиболее яркие и характерные для языка данного региона процессы. Так, когда Л.Г. Яцкевич описывает имя существительное, то отмечает синcretизм лексико-грамматических разрядов, говорит о процессах вторичной грамматикализации и деграмматикализации категорий рода и числа, указывает другие типичные явления, отличные от литературной формы речи и закрепившиеся в архаическом ядре вологодских говоров.

Подробно рассмотрены аналитические прилагательные в русских народных говорах, квантификативы,

местоименные слова. Широкое освещение в книге получила проблема залоговости и аспектуальности. При этом автор отмечает различные функциональные типы глаголов. Интересны и другие наблюдения автора. Так, Л.Г. Яцкевич считает, что «в вологодских говорах диалектных местоименных слов значительно больше, чем в литературном языке... Местоименные слова являются активным средством объективации дейктических концептов в тексте. В отличие от литературного языка, в вологодских говорах продолжает действовать древнейший способ образования местоименных слов по принципу партикулярного кластера» (с. 166).

Монография снабжена обширной библиографией по теме исследования и в качестве приложения – очерком «Словесное творчество жителей деревни Квасюнино (первая половина XX века)» и Словарем, показывающими богатство устного народного творчества местных мастеровых слова, рассказывающими о духовной жизни жителей деревни, о талантливых деревенских поэтах и рассказчиках, с их великой силой доброты и правды жизни, «которая была в каждом их слове и поступке» (с. 190).

При ознакомлении с книгой обращаешь внимание на обилие настоящих, живых примеров диалектной речи, которые своим колоритом и своеобразностью украшают исследование Л.Г. Яцкевич природными морфологическими красками диалекта.

Книга Л.Г. Яцкевич написана научным стилем, какой и предполагают монографии, но в отличие от новомодных «прогрессивных» лингвистических идей, она довольно традиционна и в этом отношении логична и корректна в описаниях и структурном делении.

Автор прошел большую и действительно настоящую Школу науки, в которой диалектология, как показывают и другие работы вологодских ученых, является наукой наук, так как позволяет проникнуть в самые «интимы грамматики» (такое выражение нам встретилось когда-то в одной из северорусских ру-

кописей XVIII века), понять строй и дух диалекта, где за морфемной структурой скрывается особый мир функциональности языка, живущего по законам народной традиции и обогащающегося за счет ее ресурсов. Это ярко и показательно отмечено в книге Л.Г. Яцкевич.

Многие параграфы данной монографии и особенно примеры, их скрупулезный разбор имеют большую практическую ценность для обучения регулярным

вузовским курсам по морфологии. Кроме того, данная книга показывает в целом богатство грамматического «убранства» вологодских говоров, которые до сих пор поражают нас насыщенностью языка символикой, живостью интонации, аналитичностью и широким полем типологических моделей. Все это в совокупности позволяет говорить об уникальности морфологии вологодских говоров и ценности их исследования в данном направлении.

На правах рекламы

И.Е. Колесова

кандидат филологических наук,
начальник научного отдела Управления науки и инноваций ВоГУ

КАК ПОДГОТОВИТЬ ДИССЕРТАЦИЮ ПО РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ ПРИ ОТСУСТВИИ БЮДЖЕТНЫХ МЕСТ В АСПИРАНТУРЕ?

Научная жизнь филологического факультета Вологодского государственного университета уже более двадцати лет включает в себя подготовку и защиту диссертаций по двум научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература и 10.02.01 – Русский язык. Действие диссертационного совета, существовавшего в Вологодском государственном педагогическом университете с середины 90-х годов XX века, продолжил открывшийся в июле 2015 г. Диссертационный совет Д 999.014.03 по защите кандидатских и докторских диссертаций. Совет объединил усилия ученых трех университетов Северо-Запада России: Вологодского государственного университета, Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина и Череповецкого государственного университета. Председателем Совета является доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникаций Вологодского государственного университета Гурий Васильевич Судаков. Ученый секретарь совета – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникаций Вологодского государственного университета Людмила Юрьевна Зорина. С конца 2015 года в диссертационном совете состоялось восемь защит: свои работы представили молодые исследователи из Вологды (С.А. Ганичева, А.М. Таврина), Москвы (Е.Б. Волкова), Петрозаводска (Л.В. Алексеева, А.М. Дундукова), Санкт-Петербурга (А.А. Заусаев), Череповца (О.С. Сальникова), Ярославля (Я.В. Крутова). Положительные решения по четырем из прошедших защит уже утверждены ВАК России.

Перспективы функционирования диссертационного совета значительно осложняет то обстоятельство, что в последние годы в Вологодском государственном университете существенно сократилось количество бюджетных мест в аспирантуре. В частности, по филологическим специальностям в 2014 году было

выделено одно бюджетное место, после чего их не выделялось вообще. Более того, учебный план современной аспирантуры не нацеливает молодых исследователей на защиту кандидатской диссертации как на основной результат их учебной и научно-исследовательской деятельности. Поэтому университет должен был искать другие возможности для того, чтобы наиболее талантливые выпускники имели возможность подготовить и защитить свои диссертации. Такую возможность обеспечивает институт соискательства, возобновивший свою деятельность в соответствии с новыми стандартами в Вологодском государственном университете с сентября 2016 года. Сегодня мы представляем тех, кто стали первыми соискателями нашего университета по современным стандартам.

По научной специальности 10.01.01 – Русская литература оформила соискательство **Мария Александровна Маркова**, выпускница филологического факультета ВоГУ, член Союза российских писателей, автор трех стихотворных сборников, лауреат Международной поэтической премии «Серебряный стрелец» (2008), дважды дипломант Международного Волошинского конкурса (2008; 2010), обладатель премии Президента РФ для молодых деятелей культуры «за вклад в развитие традиций российской поэзии» (2011), лауреат поэтического фестиваля «Киевские лавры» (2013). Научные интересы М.А. Марковой лежат в сфере русской литературы XX века; она является автором ряда публикаций, в том числе в журналах, входящих в базу Scopus. Тема предполагаемой кандидатской диссертации М.А. Марковой «Роман Ф. Сологуба “Мелкий бес” в литературно-идеологическом контексте эпохи», научный руководитель – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы ВоГУ **Юрий Владимирович Розанов**.

По научной специальности 10.02.01 – Русский язык в 2016 году были приняты четыре соискателя.

Гусева Ольга Николаевна, выпускница филологического факультета ВоГУ, учитель русского языка и литературы МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 22 им. Ф.Я. Федулова», автор шести научных публикаций, участник нескольких российских конференций. Научные интересы

О.Н. Гусевой лежат в сфере лингвистики текста. Тема предполагаемой кандидатской диссертации: «*Синтаксические особенности малой прозы В.И. Белова*», научный руководитель – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ **Владимир Иванович Чуглов**.

Зубова Нина Николаевна, выпускница филологического факультета ВГПУ/ВоГУ, магистр педагогического образования, специалист по работе с молодежью Вологодского государственного университета, автор более двадцати научных публикаций, в том числе одной коллективной монографии и четырех статей в изданиях рекомендованного списка ВАК при Минобрнауки России, участник многих российских и зарубежных научных конференций, а также двух научных грантов. Исследовательские интересы Н.Н. Зубовой лежат в сфере региональной лингвистики. Тема кандидатской диссертации Н.Н. Зубовой: «*Диалектная языковая личность в бытовой и художественной речи*», научный руководитель – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ **Елена Николаевна Ильина**.

Иванов Андрей Николаевич, выпускник Елабужского государственного педагогического института, победитель Всероссийского конкурса проектов «Культурная мозаика малых городов и сел» (2013–2014), победитель конкурса социальных и культурных проектов Ритэк» в номинации «Духовность и культура» (2015), автор более двадцати публикаций, в том числе трех монографий. Научные интересы А.Н. Иванова лежат в сфере краеведения, истории и культуры Русского Севера. Тема предполагаемой кандидатской диссертации: «*Символы Русского Севера в поэзии Н.А. Клюева: лексикографический и стилистический аспекты*», научный руководитель – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ **Людмила Григорьевна Яцкевич**.

Соколова Ксения Николаевна, выпускница ВоГУ, магистр педагогического образования, сотрудник Вологодской универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина, автор нескольких публикаций по соописательной лексикологии, участник всероссийских и региональных научных конференций. Тема предполагаемой кандидатской диссертации К.Н. Соколовой: «*Особенности лексики, относящейся к тематической группе “Атмосферные осадки” в русском и английском языках*», научный руководитель – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ **Гурий Васильевич Судаков**.

Открытие Диссертационного совета Д 999.014.03 по защите кандидатских и докторских диссертаций стимулировало не только возобновление работы соискателей, но и открытие в Вологодском государственном университете докторанттуры по филологическим специальностям.

Первым докторантом-филологом при нашем университете стала **Юлия Николаевна Драчёва**, выпускница ВГПУ, кандидат филологических наук (2011), доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникаций Вологодского государственного университета, автор более 60 научных работ, в том числе соавтор двух монографий, автор 15 статей в рецензируемых журналах рекомендованного списка ВАК при Минобрнауки РФ, руководитель гранта Президента РФ для финансовой поддержки молодых ученых, докторов и кандидатов наук (2015–2016), а также гранта РГНФ для молодых исследователей (2014–2016). Тема докторской диссертации Ю.Н. Драчёвой «*Языковая трансмиссия традиционной народной культуры Русского Севера в текстах массовой коммуникации*», научный консультант – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ **Елена Николаевна Ильина**. В докторской диссертации Ю.Н. Драчёвой рассматриваются лингвистические средства и способы презентации народной культуры в массмедиа, описывается явление языковой трансмиссии, ее механизмы, факторы, результаты и тенденции развития.

Мы приветствуем соискателей и докторантов Вологодского государственного университета и напоминаем, что набор лиц для оформления соискательства и докторанттуры в Вологодском государственном университете осуществляется ежегодно с 15 февраля по 15 марта и с 1 сентября по 15 октября. Более подробную информацию об условиях поступления и обучения можно найти на сайте Вологодского государственного университета: <http://vogu35.ru/doktorantura-i-soiskatelstvo>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабичева Юлия Викторовна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы ВоГУ
kaflit@mh.vstu.edu.ru

Баранов Сергей Юрьевич

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ
sb.corde@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич

доктор философских наук, профессор Института философии РАН
obucks@mail.ru

Безнин Михаил Алексеевич

доктор исторических наук, профессор, зам. директора по научной работе Педагогического института ВоГУ, зав. кафедрой отечественной истории ВоГУ
beznin@uni-vologda.ac.ru

Ганичева Светлана Алексеевна

младший научный сотрудник Института славяноведения РАН
sganicheva@mail.ru

Голубев Олег Борисович

кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой информационных технологий и методики преподавания информатики ВоГУ
oleg_golubev@mail.ru

Димони Татьяна Михайловна

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории ВоГУ
dimonitm@yandex.ru

Драчёва Юлия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
yulia.dracheva@mail.ru

Долгушина Марина Геннадьевна

доктор искусствоведения, доцент, зав. кафедрой теории, истории музыки и музыкальных инструментов ВоГУ
kaftim@mh.vstu.edu.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ
lveg@yandex.ru

Зимин Павел Александрович

старший преподаватель, зав. кафедрой экономической географии естественно-географического факультета Вологодского государственного педагогического института с 1961 по 1986 гг. Ветеран Великой Отечественной войны. Отличник просвещения РСФСР и СССР. Ветеран труда

Ильина Елена Николаевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
filfak@list.ru

Камкин Александр Васильевич

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории, истории культур и этнологии ВоГУ
kafticie@mh.vstu.edu.ru

Карпов Сергей Григорьевич

кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории ВоГУ
ksg-asics@yandex.ru

Кибардина Светлана Михайловна

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ
limk@mh.vstu.edu.ru

Кирилова Елена Алексеевна

кандидат филологических наук, преподаватель Вологодского педагогического колледжа; преподаватель, зав. кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Вологодской духовной семинарии
kirilovaea@mail.ru

Колесова Ирина Евгеньевна

кандидат филологических наук, начальник научного отдела Управления науки и инноваций ВоГУ, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
mika-vologda@mail.ru

Красильников Роман Леонидович

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории культур и этнологии Педагогического института ВоГУ
krasilnikov.rl@gmail.com

Литвинникова Ольга Ивановна

доктор филологических наук, профессор (Каменец-Подольский, Украина)
litvoli@mail.ru

Максутова Надежда Камельевна

кандидат географических наук, доцент, профессор кафедры географии ВоГУ
kafgeo@mh.vstu.edu.ru

Морозова Ирина Вениаминовна

кандидат педагогических наук, учитель информатики средней общеобразовательной школы с углубленным изучением отдельных предметов № 8 г. Вологды
mis_irin@mail.ru

Никитин Олег Викторович

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии Историко-филологического института Московского государственного областного университета
olnikitin@yandex.ru

Парадовская Галина Петровна

кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры пения и музыкального образования ВоГУ
kafmuz@mh.vstu.edu.ru

Рязанцева Татьяна Игоревна

кандидат филологических наук, доцент Университета прикладных наук BFI (Вена, Австрия)
tiriazantseva@rambler.ru

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ВоГУ, зав. кафедрой всеобщей истории и социально-экономических дисциплин ВоГУ
sablin@inbox.ru

Сдобников Вадим Витальевич

доктор филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
admdep@lunn.ru

Скупинова Елена Алексеевна

кандидат географических наук, доцент, профессор кафедры географии ВоГУ
scupin@mail.ru

Соколова Татьяна Леонидовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ
ist@vologda-uni.ru

Судаков Гурий Васильевич

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
gvs035@rambler.ru

Тестов Владимир Афанасьевич

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики и методики преподавания математики ВоГУ
kafagitol@vologda-uni.ru

Черкасова Марина Сергеевна

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории культур и этнологии ВоГУ
mscherkasova@mail.ru

Чуглов Владимир Иванович

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
kafrus@vologda-uni.ru

Шутикова Маргарита Ивановна

доктор педагогических наук, профессор кафедры информационно-коммуникационных технологий Академии социального управления г. Москвы
raisins_7@mail.ru

Якимов Василий Германович

кандидат педагогических наук, директор машиностроительного техникума ВоГУ
vstuvmt@list.ru

Ястреб Наталья Андреевна

кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ
nayastreb@mail.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Подписано в печать 20.11.2016. Формат 60 x 84/8.
Усл. п. л. 16,25. Тираж 1000 экз. (Первый оттиск 100 экз.) Заказ № .

160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, ВоГУ.
Отпечатано: ИП Киселев А.В.
160000, г. Вологда, Пощепонское шоссе, д. 18, корпус Н.